

МИРЗА САЛИМБЕК

ИСТОРИЯ САЛИМА

ТАРИХ-И САЛИМИ

(источник по истории Бухарского эмирата)

Предисловие

Рукопись Мирза Салимбека «Тарих-и Салими», освещающая, в основном, события истории Бухарского эмирата времени правления последних представителей династии мангытов – одна из важных многолетних тем исследований кандидата исторических наук Найма Каримовича Норкулова (1935–2005). Перевод отдельных частей этой рукописи Н. Норкулов завершил еще в 1966 г. Эта работа послужила основным источником для его диссертации, которую соискатель успешно защитил под руководством известного ученого-востоковеда А. К. Арендса.

Наим Норкулов родился 1 октября 1935 года в городе Каттакургане Самаркандской области. В 1958 г. он окончил исторический факультет Среднеазиатского (Ташкентского) государственного университета, затем работал учителем средней школы, сотрудником Института востоковедения АН Узбекистана, преподавал персидский язык в Ташкентском институте иностранных языков.

В 1998 г. Н. Норкулов был приглашен на работу в Центр новой истории Узбекистана при Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан на должность главного научного сотрудника. Здесь он проработал до последних своих дней.

Наим Норкулов, автор более ста научных работ, был опытным ученым, добрым и скромным человеком, как педагог и наставник щедро делился с молодежью своими знаниями. В Центре новой истории ученый написал и опубликовал школьный учебник «История Узбекистана» для учащихся 8 класса. Вместе с тем, основной его темой оставалось изучение восточных рукописей. В 2001 г. [4] он совместно с К. Раббимовым подготовил к изданию сборник статей из журнала «Ойна» (1914–1915 гг.), затем в соавторстве с Т. Тогаевым и Дж. Джураевым подготовил и опубликовал труд хивинского историка Сайида Хамида Тура Комёба (1861–1922) «Таворих ул-хавонин» («История ханов»). Одной из последних работ Н. Норкулова был перевод на узбекский язык и издание книги средневекового автора Абу Хафса Насафи «Кандия», посвященной истории Самарканда. Эти темы связаны с актуальными научными исследовательскими проектами Центра новой истории Узбекистана и отражают объективный новый подход к изучению и обобщению исторических проблем.

У читателя может возникнуть вопрос: почему переведенные части рукописи Мирза Салимбека не были изданы в 60–70 годы прошлого века, после подготовки работы к печати? Сам Н. Норкулов никогда не поднимал этот вопрос. В то время публикация работ подобного рода, а также научных монографий согласовывалась в централизованном порядке с Редакционно-издательским советом (РИСО) АН СССР. Оценка истории Бухарского эмирата в советской историографии была, в основном, отрицательной. Она рассматривалась как время реакции, застоя и упадка. В этом плане в

изучении событий периода правления мангытских эмиров Бухары преобладал односторонний подход. Так как рукопись Мирза Салимбака оставалась не опубликованной, ее автор был известен лишь узкому кругу ученых.

Вместе с тем, благодаря исследованиям ряда историков, этнографов и археологов (А. А. Семенов, А. Х. Хамраев, Б. И. Искандеров, О. А. Сухарева, Б. Х. Кармышева, Т. Г. Тухтаметов и др.) изучались социально-экономические [5] отношения, материальная культура, ремесло, история городов Бухарского эмирата 1. Следует отметить археологические исследования поздних бековских крепостей в Китабе, Шахрисабзе и Яккабаге 2.

В 1950–1952 гг. археологически была обследована и пещера Широн 3, которую подробно описал Мирза Салимбек. Она известна у местного населения как Калаи Широн («Крепость львов»). Здесь оказались две пещеры – северная и южная. У входа в каждую из них возведены каменные стены, высотой 2–4 м (эта информация отсутствует в содержании «Тарих-и Салими»). Такие пещеры могли служить временным жильем-убежищем во время войн. Первые письменные сведения о наличии в горах Гиссара убежищ – «крепостей», «скал» относятся ко времени походов Александра Македонского. В горах Гиссара (Синам) находилась и крепость Муканны, местоположение которой до сих пор не установлено.

Н. Норкулов считал, что Салимбек писал мемуары для себя и не собирался обнародовать свой труд. Автор «Тарих-и Салими» весьма осторожен в оценке деятельности последних эмиров Бухары. В духе того времени он называет бухарских правителей не иначе как [6] «государь справедливый и победоносный», «господин», «повелитель всех верующих» и т.д. Эмира Музаффар Салимбек сравнивает с Чингизханом. Он пишет: «Эмир Музаффар зимой, в пору сильного мороза, с многочисленным войском направился в Хисар. Когда он дошел до вилайата Дехнау, то предпринял такую резню, что ошеломил тех, кто услышал о нем и напомнил кровопролитие Чингизхана, и неповинующиеся противники прикусили пальцы удивления». Наряду с этим, описывая наступление войск Российской империи на Самарканд, Салимбек хладнокровно сообщает о том, что эмир Музаффар, «встретив русские войска, не предпринял боя, обратился в бегство и вернулся в Самарканд. Оттуда он ушел в Бухару». Мирза Салимбек, осуждая противников эмирата, сепаратизм правителей Шахрисабза и Китаба, называет их «мятежниками». Такое же отрицательное отношение у него было и к джадидам, т.е. ко всем противникам эмирата и сторонникам проведения реформ. Салимбек в разные годы был правителем Якка-бага, Нурата, Байсуна, Шерабада и Шахрисабза.

Различные исторические события второй половины XIX – начала XX в. отражены как в трудах бухарских авторов (А. Дониш, С. Айни, Ф. Ходжаев и др.), так и в работах российских дипломатов, путешественников и военных. Однако, как отмечает Н. Норкулов, в описании ряда фактов воспоминания С.Айни, Ф.Ходжаева и некоторых других местных авторов уступают мемуарам Салимбака.

«Тарих-и Салими» содержит многие сведения, которые не встречаются в работах современников Мирза Салимбака. Это не только данные по социально-экономической и политической истории Бухарского эмирата, но и исторической географии, этнографии и истории архитектуры, а также по истории отдельных бекств [7] конца XIX – начала XX в. Автор рукописи очень живо, доступным языком описывает время и события, очевидцем которых он был. Весьма ценными

являются также топонимы и гидронимы, которыми изобилует содержание «Тарих-и Салими».

В рукописи Мирза Салимбека широко используется термин «вилаят» – Яккабагский, Байсунский и т. д. В административно-территориальном отношении эта единица соответствовала понятию «бекство», в политическом аспекте «вилаят» можно трактовать как «управление». Термин «вилаят» употребляется и в рукописи мемуаров эмира Саййида Алимхана 4. В своих воспоминаниях эмир один раз упоминает Салимбека (Мирза Салимбек парваначи) в связи с миссией последнего в Чарджуй для переговоров с англичанами 5.

Несомненно, что к различным сведениям и фактам, которые получили отражение в рукописи «Тарих-и Салими» следует относиться критически. Ее автор записывал не только, что видел, но и то, что слышал от других (например, легенду о том, что Нурата была благоустроена Александром Македонским и т.п.).

Труды бухарских историков XIX–начала XX в. остаются во многом еще не изученными. Они сохраняют известную актуальность, о чем свидетельствуют и новые исследования 6.

При подготовке рукописи к печати Н. Норкулов написал специальную вводную статью, пересмотрел примечания и список использованной литературы. [8] Большую помощь в этой работе ему оказал ведущий научный сотрудник Центра новой истории Узбекистана Т. Тогаев. Подготовка рукописи к печати была завершена уже после смерти Н. Норкулова. Редакция его вводной статьи и примечаний осуществлена автором этих строк, компьютерная верстка и техническая редакция – Т. Тогаевым и Д. Хакимовой. Перевод текста рукописи сохранен в первоначальном его варианте. Для публикации представлены части рукописи, переведенные Н. Норкуловым, которые повествуют о событиях истории Бухарского эмирата, начиная с 1860 г. до 1920 г.

«Тарих-и Салими» как источник по истории Бухарского эмирата представляет интерес не только для специалистов, но и более широкого круга читателей, так как содержит важную познавательную информацию. Отдельные части этого труда издаются впервые, в чем заключается большая заслуга Найма Норкулова, благодаря исследованиям которого данная книга вышла в свет.

«Тарих-и Салими» – как исторический источник

В годы независимости Узбекистана важнейшей задачей стало возрождение и изучение духовного и культурного наследия узбекского народа. За истекший период было много сделано по изучению и внедрению в научный обиход ряда первоисточников по истории Узбекистана. В переводе на узбекский язык опубликованы «Абдулла-наме» Хафиза Таниша Бухари (1999, 2001), «История четырех улусов» Мирзо Улугбека (1994), «Тарихи том» Шарафаддина Рокима (1997), «Тарихи Нофеи» Мирзо Али Балжувани (1999), «Тарихи хавонин» Комёба (2002) и др.

В XX в. по истории Бухарского эмирата позднего периода (1860–1920) был исследован и введен в научный оборот ряд исторических источников 7. Тем не менее отдельные проблемы истории Бухарского эмирата указанного времени остаются еще во многом не изученными. Вследствие этого, в историографии отмечались поверхностные выводы по ряду вопросов истории Бухарского эмирата конца XIX – начала XX вв 8.

Известно, что в процессе исследования истории народов Средней Азии, наряду с традиционными нарративными источниками (та'рихами) большую помощь оказывают разного рода документы и мемуарная литература местных авторов, которые были свидетелями или участниками минувших исторических событий. [10]

Мемуары воссоздают реальные картины событий, живые образы исторических личностей.

К сожалению, мемуарная литература Средней Азии во многом еще не изучена.

В 1949 г. в Институт по изучению восточных рукописей АН Узбекистана поступила рукопись (автограф), условно носящая название «Тарих-и Салими». В 1952 г. в первом томе «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекистана» было опубликовано описание этой рукописи, а также краткое ее содержание 9.

«Тарих-и Салими» содержит ценные и подробные сведения о политической и социально-экономической истории Бухарского эмирата времени последних трех мангытских правителей: Музаффера (1860–1885), Абдалахада (1885–1910) и Алимхана (1910–1920). Автор настоящих мемуаров Мирза Салимбек (1848–1930) сын Мирза Рахима, живший во время правления упомянутых трех эмиров, служил при них, занимая высокие государственные посты. Он являлся непосредственным участником большинства описываемых им событий. Изложение же истории правления эмира Алимхана, которой посвящена большая часть сочинения, местами носит характер дневника. Описывая то или иное событие, Мирза Салимбек оценивает его по-своему, высказывает свое отношение к нему, раскрывает свой внутренний мир и впечатления в своеобразной манере, что не посмел бы выразить публично. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что Мирза Салимбек составлял мемуары только для себя, а не для широкого круга читателей. Он подробно рассказывает о своей служебной карьере от простого мирзы (писаря) при эмире Музаффаре, вплоть до возвышения на пост главного [11] закатчи в чине диванбеги при эмире Алимхане. Изучая источник, мы узнаем и жизненный путь одного из представителей бухарского чиновничества. Перед нами предстает и картина жизни правящих слоев эмирата, различные способы и методы повышения в чинах иерархической служебной лестницы бухарских государственных чиновников. Это дает возможность конкретно представить и оценить события, происходившие в Бухарском эмирате. Вследствие того, что сочинение написано не по заказу, не с целью восхваления какого-либо эмира, в мемуарах Салимбека не обнаруживаются признаки преднамеренной фальсификации исторических событий. «Тарих-и Салими» написано чиновником, преданным своему государю, исправно исполнявшего свои служебные обязанности. Несмотря на это, мемуары Салимбека ценны тем, что в значительной степени дополняют фактическим материалом далеко не полные сведения истории Бухарского эмирата конца XIX – начала XX в.

Этот источник после появления его в рукописном фонде АН Узбекистана привлек внимание ученых. Первое научное его описание было выполнено А. А. Семеновым, написавшим статью, посвященную биографии и творческому наследию Мирза Салимбека 10. В настоящее время эта неопубликованная статья хранится в личном архиве А. А. Семенова в Душанбе под заглавием «Последний бухарский историк (Мирза Салимбек)». А.А.Семенов на основе «Тарих-и

Салими» и личных воспоминаний об авторе рисует в своей статье картину жизни и деятельности историка, прошедшего длинный жизненный путь. [12]

Указанная статья, которую мы обнаружили в архиве, на наш взгляд, является лишь первоначальным наброском, поэтому в ней имеются некоторые недочеты и вырисовывается односторонность оценки деятельности Салимбака.

В 60-х гг. прошлого века были опубликованы заметки и статьи, касающиеся в той или иной степени содержания исследуемого нами источника. Л. М. Епифанова использовала его как источник по истории «присоединения Средней Азии к России» 11. А. Б. Вильданова в своей статье подчеркивала ценность «Тарих-и Салими» для изучения экономической и хозяйственной жизни Бухарского эмирата.

Биографические данные о Мирзе Салимбаке, кроме его мемуаров, мы находим в трудах современных ему авторов 12 и в изданной им антологии 13. Имеются еще воспоминания его сына Рахима Салимова о своем отце, записанные в общей тетради на 33 листах.

Мирза Салимбака прожил долгую и богатую жизнь. В годы его юности произошло завоевание Туркестана Российской империей. Достигнув совершеннолетия, он стал свидетелем установления российского протектората над Бухарским эмиратом. Мирза Салимбака родился в богатой бухарской семье. Дату своего рождения он указывает как 1850 г. По утверждению же его сына, Салимбака родился в 1848 г. Получив хорошее образование, он служил писарем у правителя Зиёуддунского вилайата [13] (бекства), с установлением протектората России над Бухарским эмиратом Мирза Салимбака в качестве торгового агента был направлен в Ташкент. Здесь он прожил 12 лет и выполнял секретные поручения эмира. По окончании миссии в Ташкенте Салимбака назначается амлакдаром Хутфарского и Самчинского туманов и получает чин мирахура. При вступлении на престол эмира Абдалахада Салимбака в составе посольства Бухары ездил в Петербург.

При Абдалахаде продолжилось дальнейшее служебное возвышение Салимбака. Он пять лет служил миршабом Бухары. Затем его произвели в чин туксабы и назначили правителем Яккабага, небольшого вилайата, расположенного к югу от Шахрисабзского вилайата, в предгорьях Гиссарского хребта. Через пять лет его перевели в Нуратинский вилайат, которым он управлял четыре года.

Затем он правил Байсунским вилайатом. Учитывая предприимчивость Салимбака, эмир направлял его в самые трудные участки. В 1905 г. он был назначен правителем Ширабадского вилайата, расположенного на правом берегу Амударьи на границе степных просторов. В 1897 г., учитывая стратегическое положение Термеза, русское правительство решило прочно обосноваться здесь. 27 января 1900 г. эмир подписал владетельный акт, 14 по которому он уступал русским властям безвозмездно весь треугольник территории, ограниченной Амударьей, Сурханом, а с севера – полосой песков, общей площадью в 10514 десятин 15. После этого последовали переговоры правительства эмирата с Туркестанским генерал-губернаторством. Салимбака был против [14] выдачи в аренду земель колониальным властям 16. На базе полученных в аренду земель образовалось общество «Шерабад». Инициатором его создания был военный инженер А. Г. Ананьев 17. Салимбака правил Ширабадом четыре года (1905–1909).

В 1910 г. он стал правителем Шахрисабзского вилайата. И это назначение было не случайным. К этому времени усилилось недовольство местного населения эмиром, особенно, крайне «беспокойных» узбеков из племени кенагас Шахрисабзского вилайата. Они «по внешности хотя казались несчастными людьми, — пишет Салимбек, — но имели грубый и дерзкий нрав, питали к падишаху и ко всем бухарцам (вообще) лютую ненависть. В случае возможности, они старались освободиться от повиновения бухарскому падишаху» 18.

При эмире Алимхане Салимбек становится главным закятчи и ведает финансовой частью эмирата. Во время мартовских событий 1918 г. он командовал эмирским войском, противопоставленным отрядам Ф. И. Колесова и младобухарцев 19, а затем побывал в Закаспии для установления связи с англичанами 20. В марте 1920 г. Салимбек назначается правителем Чарджуйского вилайата, где действовала сильная большевистская и младобухарская организации 21. 29 августа 1920 г., в первый день бухарской «народной революции», Салимбек был [15] низложен и арестован в числе 56 других чиновников 22, но через год был отпущен на свободу.

При новой власти вместе с другими лицами он участвовал в составлении истории бухарского Арка, предпринятом Бухарским комитетом по охране памятников старины, искусства и природы (уникальная рукопись этого труда хранится в ИВ АН РУз за № 19). Мирза Салимбек работал заместителем заведующего податного отдела, затем в конторе «Авкоф», занимавшейся вакфными доходами, заведовал библиотекой старинных рукописей. Умер он в марте 1930 г.

Мирза Салимбек за время своей жизни, находясь на той или иной должности, как подобает богатому мусульманину построил медресе, а часть своих земель и имущества передал в вакф. Он ремонтировал гробницы и мечети, проводил арыки, занимался литературной деятельностью и т.д.

Литературное наследие Мирза Салимбека представляет известную ценность. Его перу принадлежит ряд исторических, литературных и богословских произведений.

Особого внимания заслуживают его исторические сочинения. Популярной в свое время книгой была «Кашку л-и Салими ва та'рих-и мутакаддимин ва мутаахирин» («Салимова дарвишская чаша, история прежних и позднейших государей») 23. В этой книге содержится история Средней Азии, в основном, государей, правивших в Бухаре с древнейших времен до 1912 г., краткая история России (стр. 278-285) и Турции (стр. 301-332). Имеются рукописи этого сочинения 24.

Вторым трудом, изданным Мирза Салимбеком, [16] является «Тухфат-ал-ахбоб фит-тазкират-ал-асхоб, маа Та'рих-и касира ва маджмуа-и Салими» («Подарок возлюбленным в отношении биографий господ (поэтов) вместе с Историей, обильной датами и Салимовским сборником») 25. Сборник включает антологию поэтов Мулла Рахматулла Бухари, писавшего под псевдонимом Возих (ум.1893) 26. В конце этого издания Салимбек прибавил составленную им антологию более поздних бухарских поэтов, включая поэтов-джадидов. Антология заканчивается краткой биографией и образцами стихов самого Мирза Салимбека. На полях этого издания он впервые опубликовал важное для

истории Востока сочинение Мулла Шарафиддин аълама (XVIII в.) «Та'рих-и Саййид Роким» 27.

Следующее сочинение Салимбака «Джоми-и гулзор» («Сборник-цветник») 28 – нравоучительный труд в стихах, написанный на таджикском языке. В 1917 г. оно было автором переведено на узбекский язык, автограф этого перевода хранится в рукописном фонде ИВ АН РУз 29.

«Дуррат-ил-воъизин» («Жемчужина наставников») 30 – другой его труд, содержащий рассказы нравоучительного характера, заимствованные у арабских авторов.

Другое сочинение Салимбака «Мухбир ил-хикойот» («Вестник рассказов») 31, с содержанием упомянутого труда.

В Институте востоковедения АН РУз хранится уникальный автограф настоящего труда 32. [17]

Мирза Салимбек писал и для детей. Имеется его небольшой труд «Каъб-ил-ахбор хикоятлари ва хикойот-и Абдулла б. Муборак» ("Рассказы распространителя новостей и рассказ об Абдулла сыне Муборак") 33. Текст издания окаймлен золотыми рамками. Кроме того, он сделал стихотворный перевод нескольких трактатов средневекового ученого Саййид Ходжа Абдулхакима Термези (ум. 893 г.) и издал их отдельной книгой под названием «Гулшан-и роз» ("Цветник тайн") 34. К переводным с арабского языка трудам Мирза Салимбака относится труд религиозного характера «Аходис-ил-иймол» ("Находящиеся в обиходе хадисы") 35.

Кроме всего этого, Салимбек подготовил к печати и издал антологию Афзал Махдума Пирмасти (ум. 1915), «Маджолис-ун-нафоис» Алишера Навои и др.

Главный труд историка «Тарих-и Салими» – его мемуары – существует, как сказано, только в единственном экземпляре в рукописи. Он посвящен истории Бухарского эмирата позднего периода. Свое сочинение Мирза Салимбек начал писать в 1917 г. и закончил его в 1920 г., о чем свидетельствуют хронологические даты в нескольких местах рукописи (лл. 66а, 68а, 230б). В последовательности и подробности некоторых описываемых исторических событий и по богатству фактического материала воспоминания Садриддина Айни, Файзулла Ходжаева и Фитрата уступают мемуарам Салимбака. В них более полно отражена политическая история эмирата.

Мемуары Салимбака дают более ясное представление об административном устройстве Бухарского [18] эмирата; выясняются функции и обязанности ряда должностей и чинов: кошбеги, амлакдара, закатчи, миршаба и др. Как известно, исполнительная власть в эмирате принадлежала верховному кошбеги ("кошбеги-и боло") и нижнему кошбеги ("кошбеги-и пойон"). Первый проживал в Арке – резиденции эмира, поэтому его называли верхним. Нижний кошбеги ведал центральной финансовой частью и ему подчинялись все провинциальные закатчи. Он со своей канцелярией размещался во дворе, находившегося у подножья Арка. Поэтому его называли нижним кошбеги. 36 Исходя из содержания мемуаров Салимбака можно заключить, что в чрезвычайных условиях в стране учреждалась должность кошбеги-и кулл (кошбеги всего). Кошбеги-и кулл или кулл кошбеги с возложенными на него обязанностями отличался от верховного кошбеги, исполняя функции и нижнего кошбеги. Например, времена

таких кулл кошбеги, как Мухаммади бия (1885-1889), Астанакул бия (1886-1906), Усман-бек бия (1918-1920) характеризовались напряженностью в стране в связи с внешней опасностью и народными волнениями, когда требовалось единоначалие и оперативность в политике. К сожалению, некоторые историки не различали кошбеги-и кулл от верховного кошбеги и отождествляли их 37 . По тексту мемуаров Салимбека можно заметить, что бухарские чиновники сохраняли за собой свои прежние титулы и после получения очередного назначения или перевода на другую должность. Например, Насруллабек бий парвоначи, Астанакул бий кошбеги и т.д. В [19] «Тарих-и Салими» имеются факты, когда эмир производил в высокие чины 50-100 человек в день. Преобладающее большинство же чиновников определенной службы не имели и жили за счет казны.

Ценны для изучения экономической истории эмирата и сведения Салимбека о положении в эмирате в разные годы. Он часто упоминает о засухе, страшном голоде, распространении эпидемии. Периодически указывает цены на товары первой необходимости 38.

После подписания Кызылтепинского договора 25 марта 1918 г. между Бухарским эмиратом и большевистскими властями назрел вопрос о воде. По инициативе эмирата были начаты переговоры. Уполномоченных эмира на переговорах возглавлял Мирза Салимбек 39 . Эмират стал получать определенную долю воды (хаккоба) из реки Зарафшан.

В мемуарах Салимбека содержатся новые сведения о возникновении джадидской организации и деятельности младобухарцев. Принимая во внимание критические рассуждения Салимбека о джадидах 40 и сведения других очевидцев этих событий 41, можно заключить, что шиитско-суннитская резня в Бухаре в январе 1910 г. была спровоцирована в целях расправы с джадидами и другими людьми, которые выступали против эмира. Основными зачинщиками этих событий были местные чиновники, духовенство и сотрудники Российского императорского политического агентства. О событиях 1910 [20] года писали многие авторы 42, однако они не указывали главную их причину.

Чтобы ясно представить ситуацию, сложившуюся в Бухаре непосредственно после Февральской революции, мы считаем необходимым внести в повествование Салимбека некоторые дополнительные сведения на основе имеющейся литературы и архивных документов по указанной теме.

По мере социального движения в эмирате росли авторитет и влияние руководителей бухарских джадидов. Сотрудники Российского политагентства помогали эмиру в борьбе против руководителей джадидов. 43 Эмир был непримиримым противником прогрессивных тенденций и в этом свете – джадидской программы создания в Бухаре конституционной монархии. Он искал случая, чтобы расправиться с джадидами. Поводом оказался вопрос о реформах и «эмирский» манифест. Проект заключающийся в манифесте реформ был составлен агентом Временного правительства А. Я. Миллером. Текст проекта был представлен на утверждение министра иностранных дел Милюкова и получил одобрение 44. Агенты Российского политагентства развернули широкую пропаганду объявления реформ, так как с первых [21] дней Февральской революции в России они знали о готовящейся бухарскими джадидами демонстрации. В день объявления манифеста (7 апреля 1917 г.) джадиды узнали, что все это предпринято лишь для того, чтобы застать их врасплох. К сожалению, в исторической литературе встречались факты умаления

деятельности бухарских джадидов после Февральской революции 45. Без всяких оснований младобухарцы обвиняются в связях с представителями царской власти 46.

Мирза Салимбек подробно рассказывает о деятельности бухарских джадидов в дни апрельских демонстраций 1917 г 47. После подавления этих демонстраций еще более возросли силы младобухарцев. Для оказания необходимой им помощи Туркестанский Совет депутатов в апреле 1917 г. посылает свою делегацию в Бухару во главе с председателем Ташкентского Совдепа Г. И. Бройдо. Последний разъясняет местным русским гарнизонам недопустимость вмешательства в дела эмирата, добивается устранения российского резидента А. Я. Миллера 48. Переговоры Г. И. Бройдо с эмиром и его правительством окончились принятием эмиром требования легализации младобухарской партии и гарантией безнаказанности их пропаганды. Это соглашение (апрель-май 1917 г.) привело к росту младобухарского движения в городах эмирата, где были учреждены младобухарские партийные комитеты 49. Младобухарцы являлись представителями городского населения, [22] интеллигенции и торговой прослойки. Они оказывали определенное влияние на солдат эмира и дехканство 50.

В результате мартовских событий 1918 г. Бухаре был нанесен огромный материальный ущерб 51, а младобухарцы – истреблялись на территории эмирата: было убито 1800 человек 52. По утверждению И. М. Рейснера – 2000 53. Младобухарская партия оказалась загнанной в подполье. Лишь небольшое количество ее представителей (ок. 300 чел.) эмигрировало в Туркестан. Вот, что говорил по этому поводу комиссар Туркестанского народного банка в Бухаре (фамилия в документе не указана): «Слишком много горя вынесли они (младобухарцы – Н. Н.). И в этом не их вина только, в этом повинны и мы отчасти, вселив в них вначале уверенность, что революции могут быть совершены при помощи вооруженной силы. Пусть наши товарищи младобухарцы пойдут в народ по примеру наших русских революционеров и пройдут весь тернистый путь, чтобы пробудить в народе любовь к свободе, жажду борьбы за лучшее будущее. Мы будем идейно с ними» 54 . Младобухарцы начали усиленную организационную работу, готовясь к новой борьбе 55, на городских базарах и в кишлаках эмирата появлялись листовки. Агитация принимала массовый характер, особое внимание было обращено на войска. Сарбазы стали отказываться от службы в рядах армии эмира и переходили на сторону его противников 56. [23]

Мероприятия младобухарцев стали давать эффект. Участились восстания сарбазов и сельских жителей. В «Тарих-и Салими» обстоятельно рассказывается об одном из таких восстаний, происходившем в Шахрисабзе и Китабе под руководством младобухарцев 57. Для подавления восстания, как пишет Салимбек, был направлен Низомиддин ходжа кошбеги, известный своей жестокостью, с 50 солдатами. По другим данным, он прибыл с большим отрядом сарбазов 58. Восставшие требовали снять с поста правителя и назначить другого из местных жителей.

Как пишет очевидец этих событий – член младобухарской партии, на требования восставших кошбеги ответил террором и его меры, предпринятые против восставших, якобы, превзошли средневековую «испанскую инквизицию» 59. На 22-й день кошбеги удалось подавить восстание, удовлетворив следующие требования восставших: а) снять с постов одиннадцать амлакдоров, прибывших вместе с правителем Акрамханом; б) кроме установленного шариатом

хараджа, упразднить все выдуманные правителем поборы; в) все вопросы, касающиеся населения, решать в согласии с агалыком (выборным представителем народа) Шахрисабзского вилайата Абдушукур бием и не посягать на его жизнь 60. Младобухарцы полагали, что если они нападут на Бухару, то народ стихийно поднимется против эмира. К этому решению привели первые успехи их пропаганды среди ремесленников и бродивших в городах бедняков, а [24] также среди сарбазов эмира 61. На это младобухарцев воодушевила Коллегия по бухарским делам Туркестанского края. Она была образована в декабре 1917 г. в составе В. П. Уткина, Н. Преображенского и Б. Барджанова. Коллегия в ответ на отказ эмира «дать аудиенцию по бухарским делам» 62, стала проводить политику нажима на бухарское правительство 63. Младобухарцы и местные большевики стали готовиться к вооруженному перевороту. Для получения необходимого совета они в декабре 1917 г. направили своих представителей к председателю Совнаркома Туркестанского края Ф. Колесову в Ташкент 64. Ф. Колесов писал: «В 20-х числах февраля 1918 г. я побывал в Самарканде, Новой Бухаре, Чарджуе и Мерве, где на узких партийных совещаниях сообщил о решении Совнаркома поддержать младобухарцев в восстании и ускорить революционное движение в Бухарском эмирате. Решение это встретило полную поддержку. На местах выделили отряды для участия в военных действиях» 65. После разгрома правительства «Кокандской автономии» (18-20 февраля 1918 г.) Ф. И. Колесов приехал в Каган, предварительно телеграфировав эмиру о встрече с ним на станции Каган. Эмир не встретил его. Ф. И. Колесов поехал в Ашхабад, где в ауле Кеши разоружил туркменские дивизионы 66. Оттуда он приехал в Ташкент и 28 февраля снова возвратился в Каган с небольшим отрядом красноармейцев и с оружием для [25] младобухарцев. В Кагане он устроил митинг, на котором выступил против эмира, духовенства и высказал мнение «об освобождении пролетариата бухарского эмирата, угнетаемого эмиром и духовенством» 67. 1 марта Ф. Колесов вместе с ЦК младобухарской партии выработал план действий и текст ультиматума эмиру. В нем требовалось распустить бухарских чиновников, образовать Исполком из младобухарцев и разоружить армию. Кроме того, подчеркивалось, что в случае не принятия этих требований, за пролитую кровь будет отвечать эмир 68. Последний, чтобы оттянуть время, написал Ф. Колесову ответ с согласием принять с течением времени все требования, если они «соответствуют священному шариату».

Тем временем эмир немедленно послал своих людей ко всем амлакдарам и казиям, с распоряжением призвать всех подданных в столицу 69 для защиты религии и отечества от «безбожных русских» и младобухарцев. Ф. Колесов, чтобы вырвать инициативу из рук эмира, несмотря на малочисленность своих сил, 2 марта перешел в наступление. Численность его отрядов с младобухарцами не превышала двух тысяч человек. После первой же стычки нукеры эмира обратились в бегство и вернулись в Бухару. Эмир, послав к Ф. Колесову своих представителей с просьбой приостановить наступление, согласился безоговорочно исполнить все предъявленные им требования. Дальнейшее наступление на Бухару было приостановлено.

Начались переговоры с представителями эмира. Чтобы [26] оттянуть время, эмир пошел на все уступки. «Для контроля над проведением разоружения бухарской армии по соглашению с эмирской делегацией была образована комиссия во главе с тов. В. П. Уткиным» 70. Было выделено по два представителя от каждого отряда. Численный состав Комиссии указывается в источниках по-разному. Согласно данным Мирзы Салимбака, их было 22 человека 71, по Ф. Колесову — 30 72, а по другим данным — 24 73. Как

утверждал сам Ф. Колесов, они «были лучшими из большевиков». Среди них были два младобухарца, 4 еврея и русский, 18 армян и азербайджанцев 74. По прибытии членов Комиссии в Бухару эмир учредил над ними в Арке расправу 75. Ф. Колесов поспешил со своими отрядами на выручку комиссии, предварительно телеграфировав в Ташкент о помощи. Но уже было поздно.

Появление большевистских вооруженных отрядов в Бухаре произвело отрицательное впечатление на местное население. Этим воспользовалось духовенство, которое сумело за короткое время поднять 30-40 тысяч человек «в защиту ислама и отечества». Население напало на отряды Ф. Колесова и заставило их отступить. Выступление младобухарцев и нескольких тысяч им сочувствовавших в самой Бухаре и Керках не состоялось. Так, после предварительной встречи с Ф. Колесовым в Кагане (22-23 февраля) ЦК младобухарской партии разослал по всем организациям на местах распоряжение о том, что не получив и не раздобыв оружия, не [27] начинать восстания 76. Это было сделано с целью предотвращения бессмысленного кровопролития. А оружие, которое привез с собой Ф. Колесов, хватило только для вооружения младобухарцев, находившихся в Кагане 77.

По всему эмирату начались погромы младобухарцев и иноверцев 78. Гонениям подверглись не только младобухарцы, но и сочувствующие им в Керках, Термезе, Келифе и Чарджуе. Бухарский казий Мирза Мухаммад Шариф (ум. 1932) рассказывает об этих событиях следующее: «В Каршинском вилайате на площади возле ворот крепости за день убивали по 450 женщин и мужчин, мусульман и неверных... Я тоже присутствовал при этом, наблюдая все это. Кроме того, ежедневно каждую ночь убивали по 5-10 заключенных. В Шахрисабзе и Хузаре, где правителем был Акрамхан Тура, сын эмира Саййида Музаффара, поднявший знамена кровопролития, произошли более страшные события. В Чарджуе и Керках подобная «еда» тоже была в чашке» 79.

Бухарские события были предметом обсуждения V съезда Советов Туркестанского края, проходившего в Ташкенте с 20 по 30 апреля 1918 г. На съезде выступил Ф. Колесов и признал допущенные Совнаркомом ошибки «вследствии недостаточной выясненности бухарского вопроса и положения в самой Бухаре» 80.

Один из организаторов ВКП Павел Полторацкий начал свою речь на съезде следующими словами: «Расскажу о бухарских событиях, которые были вызваны не наступлением на нас, а нашим походом.

Вообще у нас с Бухарой велся единственный [28] разговор, который велся на языке приказов. Так разговаривает сильнейший деспот со слабым» 81.

В «Тарих-и Салими» имеется подробное изложение последующих событий после мартовских столкновений: переговоров самого автора, как уполномоченного бухарского правительства, с представителями СНК Туркестанского края и младобухарцев и подписания мирного соглашения 82. Если учесть недостаточную изученность происшедших событий в эмирате от Февральской революции до «народной революции» в Бухарском эмирате, сведения Мирзы Салимбака представляют ценный материал при их критическом изучении.

После мартовских событий в Бухаре в эмирате начались открытые гонения против младобухарцев. Об этих гонениях весьма подробно рассказывает Мирза Салимбек. Тогда преследовались все подозреваемые лица, в результате чего,

пользуясь властью, Имамкулибек удайчи и Ходжи Латиф диванбеги скопили огромное богатство 83.

Далее Мирза Салимбек подробно останавливается на формировании в Бухаре афганских отрядов для борьбы с младобухарцами и большевиками 84.

Автор приводит в своих мемуарах ценные сведения о февральских событиях 1919 г. в Афганистане, прилагает тексты четырех документов по истории Афганистана: поздравительные письма на имя нового эмира и его родственников – Инаятуллахана, Насруллахана – офицеров воинских частей Джалалабадской [29] провинции и текст обращения эмира Амануллыхана к афганской армии и народу 85.

Большой интерес для науки представляют материалы Салимбека по топографической характеристике и топонимике тех или иных местностей 86. Интересна гипотеза Мирза Салимбека о том, что родина Саманидов город Саман находился на месте нынешнего селения Салихабад близ города Термеза 87. Как известно, место нахождения города Саман в науке пока не установлено 88.

Особого внимания заслуживает описываемая в мемуарах «крепость» – пещера Ширан 89. Можно полагать, что восставшие против арабов во главе с Муканной в качестве убежища избрали именно эту горную пещеру, так как ее топографическая характеристика почти сходится с данными Наршахи 90.

Мирза Салимбек в своих мемуарах упоминает о вакфных землях Улугбека в вилайате Яккабаг и построенного им медресе 91.

Историк дает характеристику биографии каждого из сыновей эмира Музаффера, которые являлись крупными чиновниками или учеными людьми 92. Это отсутствует в трудах других историков данного периода (Ахмада Дониша и Сами). Салимбек более подробно останавливается на двух любопытных фигурах, Мир Сиддик-туре и Насирхан-туре, характеризуя первого как большого книголюбца, собравшего замечательную библиотеку рукописей. [30]

На основе материалов Мирзы Салимбека и его современников кратко остановимся на деятельности некоторых чиновников, что, на наш взгляд, способствует критической оценке описываемых в мемуарах событий. Мирза Салимбек, рассказывая о времени правления эмира Алимхана, крайне отрицательно отзываясь о деятельности Мирзы Насруллы кошбеги. Он обвиняет последнего в том, что Насрулла, став кошбеги (после событий 1910 г.), способствовал развертыванию и усилению деятельности джадидов. По рассказам очевидцев, при нем увеличилось число джадидских школ, которые кошбеги обеспечивал средствами из казны 93. В вилайатах были поставлены надзиратели из числа джадидов 94, которые в качестве махрамов контролировали деятельность правителей от имени эмира.

Мирза Насрулла не был против проведения некоторых реформ в эмирате. Но обещанные реформы были отменены. Вместо сочувствующих джадидам кошбеги, главного казия и раиса были назначены другие чиновники 95. Имущество Мирзы Насруллы было конфисковано, а сам он с семьей выслан в Карши. Затем, его перевели в Кермине и во время мартовских событий 1918 г. убили вместе с семнадцатью членами семьи 96.

Мирза Мухаммад Шариф (Садр Зия), который работал в пользу младобухарцев, напротив, восхваляет Мирзу Насруллу, считая последнего справедливым и умным везирем 97. [31]

Мирза Мухаммад Шариф (1865–1932), сын главного казия Мирза Абдушукура – политический деятель (главный казий с февраля по 29 июля 1917 г.), историограф и поэт, в своих сочинениях, мемуарах открыто выражает свой гнев в отношении противников реформ в эмирате. В дни апрельских демонстраций 1917 г. в Бухаре он был избит до потери сознания 98. После переворота в Бухаре он работал в комиссариате «Авкоф» и руководил обществом ученых 99.

Когда в 1923 г. был учрежден шариатский суд (махкама-и шаръи) в составе 15 человек, Мирза Мухаммад Шариф становится заместителем председателя суда – Ходжи Дамла Икрама 100. Мирза Салим.бек, критически оценивая Файзуллу Ходжаева, сообщает о нем следующее: "сын крупного купца Убайдулла Ходжи, Файзулла Ходжаев с 18 лет стал вожаком младобухарцев, после подавления апрельских демонстраций 1917 г. в Бухаре он вместе с Мухиддином Мансуровым ездил в Петербург и Москву, где встречался с руководителями большевиков и получил соответствующие советы". Несмотря на гонения, деятельность младобухарцев получила большой размах. К лету 1917 года число их приверженцев достигло 20 тысяч человек 101. Как писали в то время в газете, Файзулла Ходжаев внес в пользу этой организации 10 тысяч рублей из своего капитала 102.

В пользу эмира действовали сотрудники русского резидентства в Бухаре А. Я. Миллер, Шульга и [32] П. П. Введенский, которые в 1900–1911 гг. работали дипломатическими советниками в Персии, где по их наущению были казнены тысячами фидаи (революционеры) 103. До мартовских событий 1918 г. младобухарцы находились под их влиянием; . О П. П. Введенском Мирза Салимбек пишет: «Введенский был русским. Он работал заместителем прежнего Консула (А. Я. Миллера). Хорошо знал язык фарси. Когда русский император был низложен и государственные дела перешли в руки большевиков, ушел и консул. Введенский позднее ушел с работы и считал себя одним из слуг высочайшего двора» 104. Совнарком Туркестанского края не был осведомлен о деятельности П. П. Введенского и поэтому назначил его комиссаром русских поселений в эмирате, доверив ему ответственные поручения во время мартовских событий 1918 г. и после них. В апреле 1919 г. он был арестован, но был еще жив и в 20-е годы.

Рукопись мемуаров Мирза Салимбека начинается с изложения краткой истории Средней Азии, со времени нашествия Чингизхана до прихода к власти мангытов. Сжатое описание правления чингизидов, темуридов, завоеваний Шейбанихана, времени правления его преемников, а также аштарханидов 105 текстологически совпадает с соответствующим текстом изданного в литографии труда Мирзы Салимбека «Какул-и Салими» 106.

Далее в «Тарих-и Салими» приводится более развернутая история мангытских правителей с подробными обстоятельствами прихода к власти основателя династии Мухаммад Рахимхана и последующих событий до [33] вступления на престол эмира Музаффара. Повествование же последующих событий со времени правления эмира Музаффара, при котором автор начал свою службу, переплетается с эпизодами из жизни самого Мирза Салимбека и поэтому эту основную часть его труда, на наш взгляд, можно называть мемуарами.

Большая часть «Тарих-и Салими» (лл. 124б-231) посвящена повествованию времени правления эмира Алим-хана, чрезвычайно богатым событиями политического, социального и экономического характера.

«Тарих-и Салими» заканчивается сообщением о прибытии в Бухару делегации туркестанских большевиков 15 раби 1338.Х. (7 января 1920 г.) в составе 23 человек 107.

Видимо, Мирза Салимбек не смог завершить свои записи, чему помешала его поездка в марте 1920 г. в Чарджуй, где участились выступления масс. В условиях накаливающейся ситуации и нестабильной обстановки у Мирзы Салимбека, видимо, не было времени вести дневник.

Концовка сочинения написана после «народной революции» в Бухаре, которая гласит: «Бухара еще один год просуществовала независимо. В 1920 г. в Бухаре произошла революция и эмир Алимхан бежал в Афганистан. На его месте утвердилось советское правительство».

В начале своих мемуаров Мирза Салимбек упоминает о мартовских событиях 1918 г 108. Исходя из этого, можно заключить, что основную часть рукописи он написал после Октябрьского переворота и перехода власти в русских поселениях в ноябре 1917 г. в руки Советов. Сами мартовские события, во время которых младобухарцы в глазах эмира и его чиновников казались [34] изменниками, послужили причиной враждебного отношения Мирзы Салимбека к младобухарцам.

Если другие авторы в изобилии использовали разные эпитеты, то стиль Мирзы Салимбека весьма простой. Он пишет в духе обычного разговорного бухарского диалекта. Для языка его характерны своеобразные бухарские обороты речи, построение фраз и т.д. Встречаются характерные для бухарцев непонятные слова и термины. Местами сочинение написано без соблюдения стилистики.

Рукопись сочинения, в основном, является автографом, написана частично (лл. 1б, 39а-62б) рукой сына историка, а остальная часть – самим автором. К этому убеждению нас приводит сопоставление его с другим автографом «Джами-ий гулзар» 109, подготовленным к печати с авторскими исправлениями.

«Тарих-и Салими» написан почерком настальк на кокандской бумаге; объем 230 листов. Различия почерка рукописи объясняется тем, что автор вел свои записи в разных обстоятельствах и положениях. Объектом своего исследования мы избрали ту часть настоящего источника, которая является записями очевидца и участника событий. Выполняя перевод источника, ввиду его большого объема, мы опустили некоторые части, представляющие наименьший интерес для науки. Пересказ и краткое содержание упомянутых мест даны в виде примечаний. Принятое во время Салимбека именование автором себя в третьем лице «молельщиком» или «богомольцем» (да'и), или другим каким-либо уничижительным названием, мы заменили в данном переводе местоимением первого лица.

АРИХ-И САЛИМИ

ЭМИР САЙИД МУЗАФФАР

У эмира Насруллы 1, кроме Музаффар-хана, 2 не было детей мужского пола. Во время его царствования [Музаффар] был правителем города Кермине. [После смерти своего отца] он выехал оттуда и сел на престол Бухары. [К нему] со всех вилайатов поступили подарки 3 и подношения 4. Но от Хисарского 5 [правителя] Абдалкарима 6 диванбеги 7, правителя Куляба 8 и Бельджуана 9 Сарабека 10 дадхо 11, а также шахов Каратегина 12 и Дарваза 13 никто не приехал. Они подняли мятеж неповиновения [эмиру]. [Что касается] Малла-хана 14 ибн Нарбута-хана 15 Кокандского, то он прибыл [с войском], захватил Ура-типпа 16 и выступил на Джиззах 17. Эмир Музаффар зимою, в пору сильного мороза, с многочисленным войском направился в Хисар. [Когда он] дошел до вилайата Дехнау, то предпринял такую резню, что ошеломил тех, кто услышал о нем и напомнил кровопролитие Чингиз-хана, и неповиновущиеся противники прикусили пальцы удивления.

После покорения Дехнау [Музаффар] осадил Хисар-и-Шадман 18, в течение пятнадцати дней завоевал его. /62а/ Предав смерти здешнего правителя Абдалкарима диванбеги вместе с его сыновьями, [Музаффар-хан] перешел в Куляб и Бальджуан. После огромных усилий он завоевал Куляб и Бальджуан, сопротивлявшихся казнил. Сарабек дадхо, переправившись через реку [Аму], ушел в сторону Афганистана. Шахи Дарваза и Каратегина, увидев все это великолепие царское, выразили повиновение [эмиру Музаффару] и прибыли к нему с многочисленными подарками и, отдав свои вилайаты, покорились ему. [Шахство] Каратегина [эмир] пожаловал самому Сираджаддин-шаху 19, а над другими вилайатами назначил подходящих правителей. [37]

Малла-хана Кокандского из-за плохого поведения убили военачальники Коканда, а на его место посадили на престол его брата – Худайар-хана 20. Предприняв наступление, эмир Музаффар отнял Ура-типпа у Рустам бия из рода юз 21. Оставаясь здесь несколько дней, он выступил на Коканд и осадил его. Завладев Кокандом, вернул его самому Худайар-хану. [Затем] прибыл в Бухару. Через два года кокандцы назначили ханом некоего Султан Мурад-хана 22. Худайар-хан бежал [оттуда] и прибыл в Самарканд, где правил Аллаяр-бек парваначи 23. Он, по приказанию Саййида Музаффара, определил Худайар-хану жалованье и держал его в Самарканде.

Спустя еще два года Музаффар опять покинул Бухару и прибыл в Самарканд. Тут он начал военные приготовления, /62б/ взяв с собой Худайар-хана, выступил на Коканд и завладел им. Он, вторично утвердив ханом Худайар-хана, возвратился в Бухару.

Тем временем кинагасы, стоворившись, от Ашур-бий бека отняли Шахрисабз и сделали своим правителем Хаким-бека [из рода] ачамайли 24, а у Закир-бия отняли Китаб, выдвинули правителем некоего Джура-бека 25 тарахли 26. Укрепив стены и башни Шахрисабза и Китаба, [кинагасы] восстали против эмира Музаффара. Услышав об этом, эмир Музаффар выступил на них и осаждал [мятежников] целые два месяца, но покорить их не смог. Заключив перемирие, он вернулся в Бухару.

В это время войско [царской] России начало завоевывать один за другим вилайаты Туркестана. Оно под предводительством генерала Черняева 27, полководца, завоевало Ташкент и двинулось дальше. Эмир Музаффар для священной войны с огромным войском и бесчисленными добровольцами в 1282 г. х. [1865–1866] прибыл в Самарканд. Своего слугу Ширали-бий инака 28 он [38] назначил правителем Самарканда, а Аллаяр диванбеги – правителем

Джиззаха. Сам [эмир] с многочисленным войском прибыл к берегу Сырдарьи. Эмир, встретившись с русским войском, не предприняв боя, обратился в бегство и вернулся в Самарканд. Оттуда он ушел в Бухару. В Самарканде стороны /63а/ предприняли такое сражение, что от [пролитой] крови образовались ручьи; из убитых воинов с обеих сторон образовались [большие] кучи. Люди не могли отличить своих от неприятеля. У мусульман дело не продвинулось, поэтому они волей-неволей вошли в Самарканд. Укрепили стены и башни города, примирились с волею бога. Генерал Черняев, продвинувшись вперед, осадил Самарканд 29. Иранцы Самарканда написали русским письмо и сообщили, [что они на стороне русских], и, открыв ворота, впустили русских [в город]. Находящиеся там войска оказывали сильное сопротивление, проявляя отвагу. Так как они действовали разрозненно, то большинство людей превратилось в траву для мечей христиан. Амарат-панах 30 Ширали-бий инак принял мученическую смерть. Черняев, пробыв несколько дней в Самарканде, привел свои войска в порядок и выступил на Катта-Курган 31, осадил и захватил город. Его величество государь Бухары предводителей своих вместе с войском направил в местность Зирабулак 32, близ [города] Катта-Кургана. Из тех предводителей Хаджи туксаба 33, офицер из Турции, и Усман 34 туксаба, принявший недавно мусульманство полководец 35, оба командовали [эмирским] регулярным войском. Услышав об их приближении, Черняев со своим войском вышел из Катта-Кургана, приблизился к Зирабулаку и предпринял бой. Ходжи туксаба, саркарда из Турции, проявил большую самоотверженность и образовал большие кучи из тел убитых русских воинов. Храбрецы [эмирских] войск, со всех сторон /63б/ [39] атакуя, до крайности потеснили христианские отряды и почти нанесли им поражение, но упомянутый Усмантуксаба, трубя сигнал отступления, повернул свои войска обратно. Христианские войска пришли в себя и, чтобы сохранить оставшуюся в [живых] часть войска, повернули обратно и отошли в Катта-Курган.

Да не останется скрытым, что император Российского государства не давал согласия на переправу через Сырдарью генералу Черняеву и нападения на Бухарское государство. Для предупреждения был отправлен казачий [отряд]. Тем временем [император], услышав о дерзких поступках [Черняева], обвинил его в непослушании и отправил генерала Кауфмана 36, назначив его губернатором. Последний прибыл в Катта-Курган. Генерал Черняев, провинившись, выехал [в Петербург]. Его величество Саййид Музаффар-хан, видя, что нельзя не мириться с тем, что предопределено [богом], отправил Насира-туксабу шигаула 37 послом в Катта-Курган. Был заключен [мирный договор], по которому земли до Зирабулака перешли к России, остальные богохранимые вилайаты остались за Бухарским государством. Стороны подписали соглашение, и [таким образом] открылись пути дружбы и добрососедских отношений. Для того, чтобы укрепить дружбу, стороны три-четыре раза в год обменивались послами.

Как известно, его величество Саййид эмир Музаффар-хан был государем благочестивым. У него было много детей. Старшими среди царевичей высокого достоинства /64б/ были Саййид мир Абдалмалик-хан 38 тура 39, Саййид Нураддин-хан 40 тура и Саййид Мир-Абдулмумин-хан 41 тура. Проявляя милосердие троим сыновьям, эмир в сопровождении видных военачальников со знаменами и флагами, барабанами и литаврами отправил их в вилайаты: Кермине, Карши и Чарджуй, [40] назначив правителями. Каждый царевич, прибыв в свой вилайат, занялся наведением порядка и заботой о спокойствии подданных. Спустя некоторое время, самого старшего из сыновей своих Саййида Мир Абдалмалик-хана туру [эмир] снял с поста правителя вилайата

Кермине и назначил правителем вилайата Хузар 42. Несколько неблагодарных злоумышленников из-за интриганства и глупостей упомянутого туру сбили с пути и натравили против своего благородного отца. Племя кенагас Шахрисабза и Китаба хотело воспользоваться этим удобным моментом и, обещая ему пост государя, привело в Шахрисабз. В Тимуровском Аксарае 43 [Абдалмалика] объявили падишахом. В Шахрисабз со всех концов [страны] толпами стекались злоумышленники. Но последние просчитались. Благодетельный Бабабек 44, правитель Шарисабза, и Джура-бек, правитель Китаба, по причине увеличения сторонников туры насторожились и под предлогом, что со стороны Самарканда наступают русские и из Бухары выступил его величество [эмир], они царевича выпроводили из Шахрисабза. Упомянутый тура, раскаявшись за свои поступки, послал своему почтеннейшему отцу записку с просьбой простить его грехи. /646/ [Эмир] отклонил прощение. Тот тура, в отчаянии, потеряв надежду на трон своего благородного отца и полагаясь на поддержку кочевых племен и подданных, написал письма разным племенным [вождям] и некоторым правителям. [Абдалмалик] некоторое время вертелся вокруг, как циркуль, на окраинах [государства] Бухары в [различных вилайатах] богохранимой территории, но нигде не нашел поддержку. Некоторые из племен и правителей пытались схватить его. [Царевич] прибыл в Хатырчи 45. Местный правитель амарат-панах Рахматча-бий с Хаким туксабой, предводителем [41] здешнего [отряда] замыслили схватить [Абдалмалика]. Упомянутый тура, почуяв этот стговор, убил и правителя, и офицера. Выехав оттуда по пустынной дороге, он уехал в Ургенч с надеждой, что ургенчский хан его поддержит. Хан Ургенча Мухаммад Рахим 46, узнав о прибытии туры, послал своих людей к нему для встречи. Хан несколько дней оказывал [Абдалмалику] гостеприимство и честь, [но] не исполнив желание [царевича], отпустил его. [Абдалмалик тура], потеряв всякую надежду, по пустынной дороге Ургенча через Джиззах, прибыл в вилайат Коканд. [Правитель последнего] Худайархан был питомцем его величества Сайида-эмира Музаффар-хана. Но он не уделил достаточного внимания к нему и упомянутый тура вместе со своими товарищами переехал в Кашгар. [Правитель Кашгара] Мухаммад-Якуб-бек 47, отвовав у Китайского государства много областей, чеканил монету и читал хутбу 48 на имя /65а/ султана Абд ал-Азиза 49, стамбульского халифа. На протяжении четырнадцати лет он самостоятельно правил Кашгаром, Хотаном, Йаркендом и множеством других областей. [Царевич] прибыл к нему. Упомянутый Якуб-бек предоставил тому туре незначительное жалованье и в [особом] месте держал его под наблюдением. После смерти Якуб-бека, его областями завладел Китай. Все его сыновья и подопечные люди бежали в Ташкент и в другие стороны. Упомянутый тура, в свою очередь, пройдя через горные тропы Кашгара, с большими трудностями пересек Киргизский Алай и уехал в Индию. Тогда падишахом государства Англии была женщина по имени Мария 50. Она, услышав о [прибытии Абдалмалика] туры, предоставила ему жалованье и жилье в районе Калькутты в Индии. До конца своей жизни Абдалмалик жил в Индии, там и умер. Каждому сыну, [42] которым недоволен отец, суждено быть скитальцем мира и грешником в загробной жизни.

Второй сын его величества милосердного [эмира] Сайид Мир Нураддин тура был умным и ученым человеком. У него есть превосходные стихи под псевдонимом Хайа. Он всегда слушался отца и был покорным ему. Он был снят с поста правителя Каршинского вилайата и удостоился чести быть назначенным правителем Чарджуйского вилайата. /65б/ Через некоторое время, в пору расцвета юности, [царевич] заболел неизлечимой болезнью – туберкулезом. Лечение табибов и лекарства не помогли, и он из брэнного мира отправился в

мир вечности. Этим он оставил рану глубокой скорби на сердце своего почтенного отца.

Третий сын его величества господина [эмира Музаффара] Саййид Мир Абдалмумин был правителем вилайата Карши. Затем он был назначен правителем вилайата Хисар, которым правил до конца царствования своего почтеннейшего отца. После, во время восшествия [на престол] августейшего господина Саййида Абдалахад-хана, он был снят с поста правителя Хисара и возвеличен на пост правителя вилайата Байсун. Через шесть лет он опять был лишен власти, но оставался жить на том же месте, где ему было определено жалованье от высочайшего двора. Правителем Байсунского вилайата был назначен амарат-панах Абдал'али-бий инак. Упомянутый тура жил еще несколько лет и в 1311 г. х. [1893-1894] умер естественной смертью. Его похоронили в вилайате Байсун. Этот принц имел много детей. По словам Мухаммади джибачи 51, служившего у покойного туры, у последнего было всего сорок восемь сыновей и дочерей. Но «за верность ответствен повествователь».

Четвертым [сыном] света очей /бба/ его величества [43] господина [эмира] являлся принц Саййид Мир Акрам-хан тура 52. За время правления своего уважаемого отца он с малых лет был назначен [последовательно] правителем вилайатов Байсун, Карши и Хузар. И после господина [эмира Музаффара], убежища милосердия, во время царства его величества Саййида эмира Абдулахад-хана, чье место в раю, [Мир-Акрам-хан] правил вилайатом Хузар. До конца царствования упомянутого [эмира], чье место в раю, он [и поныне] является правителем Хузара. Кроме того, свет очей [Акрам-хана], царевич Саййид Мир Касим-хан 53 тура, благодаря милости своего дяди был возвышен на правление вилайатом Чиракчи 54. После его величества [эмир Абдалахад-хана], чье место в раю, во время восшествия на престол господина Саййида эмира Алим-хана, борца за веру, почитаемый царевич Саййид Мир Акрам-хан тура также правил вилайатом Хузар, а свет очей [Акрам-хана туры], Саййид Мир Косим-хан, правил вилайатом Чиракчи. Ныне, в 1336 г. х., и вот уже 47 лет, как он благодаря повиновению трем государям и ласковому отношению к своим подданным несменно правит [упомянутым вилайатом]. Со времени правления благородного отца, и во время правления славного брата [эмира Абдалахад-хана], и при господстве своего племянника, [Саййида эмира Алим-хана], высокого происхождения, [Саййид Мир Акрам-хан] находится на престоле правления [вилаята Хузар] в постоянном почете и уважении. И все это благодаря преданности и добродушию, доверию /ббб/ и повиновению [своему господину]. Старший принц имеет множество детей с долгой жизнью.

Пятый сын его величества господина Саййида эмира Музаффар-хана, достойный короны царства, великий государь, преемник своего благородного отца – господин [44] Саййид Абдулахад-хан. Он был уважаемым и высокого достоинства падишахом, одинаково сочувствующим, милосердным ко всем своим слугам и подданным. Особенно в отношении своих братьев он был неописуемо и беспредельно великодушен и ласков. Во-первых, он почитаемого царевича Саййида Мир Акрам-хана туру, согласно завещанию своего уважаемого отца, оказывая ему честь, утвердил правителем вилайата Хузар, а света очей вышеупомянутого принца Саййида Мир Касим-хана туру, оставив правителем Чиракчи, сделал своим зятем. Этих [двух] он старался держать в почете. Другого своего брата, царевича Саййида Мир Сиддик-хана 55 туру, он обеспечил хорошим двором в городе [Бухаре] и предоставил ему желанную должность [и жалованье]. Света очей, престолонаследника своего [сына Алим-

хана] сделал зятем упомянутого принца и оказал последнему большие снисхождения. Остальным принцам: Саййиду Мир Азим-хану, Саййиду Мир Садик-хану 56 туре предоставил жилье в высочайшем Арке Бухары и обеспечил их большим жалованьем. /67а/ Своих братьев, высокодостояных, [эмир Абдулахад-хан] все время держал в почете. Он находился на троне царства Бухары двадцать шесть лет. За то время, как он был наследником престола и царствования, пять раз путешествовал в Петербург. В Бахчисарае, который расположен недалеко от Турции, он имел чарбаг 57. Ежегодно [эмир] летом уезжал туда и на протяжении трех месяцев находился там, [отдыхал], путешествовал и возвращался. Чаще всего он жил в вилайате Кермине, где имел несколько раеподобных чарбагов. На пятьдесят втором году жизни [Абдалахад-хан] умер естественной смертью и из бренного мира ушел в обитель вечности, в райский дворец того света. Покойтся он рядом с его светлостью Касим [45] Шейхом 58, да помилует его Аллах. Трон и корону царства он оставил благородному престолонаследнику своему, сыну Саййиду эмиру Мухаммад Алим-хану, да помилует его Аллах.

Шестым сыном его величества господина Саййида эмира Музаффар-хана был принц Саййид Мир Абдалфаттах-хан 59 тура. Он вместе с амарат-панахом Абул-Касим бийем 60 дадхо был отправлен к императору в Петербург. После того, как он вернулся, в пору юности умер естественной смертью. От принца [Абдалфаттах-хана] детей не осталось.

Саййид Мир-Наджмэддин тура был седьмым сыном его величества [эмира Музаффара]. Он тоже был отправлен в путешествие к русскому императору в Петербург. А после благополучного, в добром здравии, возвращения, его поставили правителем вилайата Чиракчи. Через некоторое время упомянутый принц ослаб [заболел] и /67б/ в пору молодости умер естественной смертью и отправился в загробный мир, в прекрасный рай.

Восьмой сын его величества господина [Саййида эмира Музаффар-хана] Саййид Мир Абдассамад-хан был назначен правителем вилайата Чиракчи. Этим вилайатом он правил во время правления своего уважаемого отца. С восшествием на престол его величества Саййида Мир Абдалахад-хана он был отстранен от правления [Чиракчи] и отозван в Бухару, где ему предоставили жалованье и двор. Здесь он и жил. Через несколько лет умер естественной смертью.

Девятый сын господина [эмира Музаффара] Саййид Мир Сиддик-хан тура в период господства своего почтенного отца правил Чарджуйским вилайатом. Перед смертью его величества господина [Музаффар-хана] по высочайшему указу [последнего] он вместе со своими [46] нукерами явился к уважаемому своему отцу в Бухару. Спустя некоторое время его величество господин [эмир Музаффар-хан] скончался в высочайшем Арке. Об этом сообщили престолонаследнику его высочеству господину эмиру Абдалахад-хану. [Последний] немедля выехал из вилайата Кермине и сел на бухарский трон. Он своему почтенному брату, принцу Саййиду Мир Сиддик-туре, предоставил хороший двор в квартале Хауз-и Дастурханчи, обеспечив его большим жалованьем, он оказывал ему бесконечные снисхождения. Упомянутый принц, считая мир засеянным полем потустороннего света, все время занимался наукой и молением творцу. /68а/ На свою беседу он приглашал ученых, улемов, чтецов Корана и сам из их бесед извлекал много полезного. Он собрал множество книг из различных отраслей науки и богословия, сделался превосходным ученым и обладал различными знаниями. Ни секунды времени в

своей жизни он зря те тратил. В настоящее время с 1336 г. х, вот уже тридцать четвертый год он проводит свою благородную жизнь и здравствует в упомянутом доме в довольстве и спокойствии.

Почтенный принц Саййид Мир Насир-хан 61 тура – десятый сын его величества господина [эмира Музаффара]. Он несколько лет был вместе со своим отцом, в путешествиях и опасностях, находился в составе его высочайшей свиты. [Эмир] ему выделил вилайат. Но несколько раньше его величество господин [эмир Музаффар] умер и [передача] правления вилайатом была приостановлена. После восшествия на престол господина Саййида эмира Абдалахад-хана почтенный принц стал жить в высочайшем Арке и, считая прожитую брнную жизнь напрасной, на пути благоразумия отдался науке и знаниям. Он ни на секунду не отрывался от чтения [47] книг. [Мир Насир-хан] собрал много книг, написал несколько трудов, некоторые из них он напечатал [в литографии]. Все время читал и составлял книги. У него имелись совершеннолетние сыновья и множество внуков. Все они в полном спокойствии, в почете и уважении здравствуют и ныне в царских домах, на различных должностях.

Одиннадцатый сын его величества господина [эмира Музаффар-хана], /686/ принц Саййид Мир Абдал'азиз-хан тура, двенадцатый сын его величества – Саййид Мир Садик-хан тура, тринадцатый сын его величества господина [эмира] – Абдалазим-хан тура, – каждый проживает в высочайшей Арке в превосходных домах; живут они со своими детьми и родственниками обеспеченно, получают большие жалованья. Они здравствуют и ныне в пору царствования господина эмира Алим-хана, борца за веру.

Четырнадцатый сын господина эмира [Музаффара] Саййид Мир Мансур-тура 62. В восьмилетнем возрасте его величество [эмир] направил принца в Петербург вместе с Абдалвасе туксабой для изучения русского языка. По окончании учебы этот господин [эмир Музаффар] скончался. Упомянутый тура был причислен в ряды русских чиновников и офицеров, и стал жить в Петербурге. Временами его высочество, упомянутый тура, чье место в раю, приезжал в Бухару, навещал свою мать, удостоившись милости господина [эмира Музаффара], чье место в раю, и опять уезжал в Петербург. В 1334 г. х. [1917] русский император в связи с войной с Германией был низложен. Партией большевиков Российскому [императорскому] государству был положен конец. Упомянутый тура со своим имуществом вернулся в Бухару. Господин падишах времени Саййид эмир Алим-хан, борец за веру, проявляя уважение к своему дяде, выделил последнему один чарбаг из трёх [48] высочайших чарбагов вилайата Кермине. Там он жил в благополучии. /69а/ В 1336 г. х., во время смуты большевиков в вилайате Кермине, он вместе со своей матерью и детьми погиб от пуль большевиков. Они похоронены рядом с [гробницей] Касым Шейха, да помилует его Аллах.

РАССКАЗ О ПОТОМКЕ ХОДЖЕЙ 63 ДЖУЙБАРСКИХ 64

Его величество господин Саййид эмир Музаффар-хан имели сестру. Эта уважаемая принцесса была супругой Абу Са'ид Ходжайи Джуйбари, и имели они несколько детей. Старшего звали Абдалахад-ходжа. Мятежные правители кинагасов в Шахрисабзе и Китабе Бабабек парваначи и Джура-бек дадхо, по глупости своей, как только выпроводили [из Шахрисабза] Саййида Мир Абдал-Малик-хана туру, вызвали из Бухары упомянутого потомка ходжи и тайно объявили правителем Шахрисабза. Собрав вокруг себя злоумышленников, они в

течение нескольких дней учиняли смуту. Ташкентский губернатор Кауфман, который состоял в союзе доброжелательства с его величеством господином [эмиром Музаффаром], послал свои войска на Шахрисабз и Китаб и, захватив последние, передал их его величеству [эмиру]. Упомянутый Баба-бек и Джура-бек захватили с собой вышеупомянутого Абдалахада-ходжа, сына ходжи [Абу Са'ида], и по непроторенным горным дорогам явились к Кокандскому [хану] Худайар-хану. Генерал-губернатор Кауфман потребовал [от последнего] выдать их. Худайар-хан отправил [Баба-бека, Джура-бека и сына ходжи Абу Са'ида] в Ташкент. Губернатор, продержав их некоторое время под наблюдением, дал Баба-беку звание полковника, а Джура-беку – подполковника /69б/ и включил их в число русских чиновников. Упомянутому сыну ходжи он определил жалованье. Проведя нелегкую [49] жизнь, все эти злоумышленники скончались в Ташкенте.

Помню [следующее] происшествие. Был 1287 г. х., когда мне было двадцать лет. Я служил у опоры эмиров вазарат-панаха, Астана-кул-бия 65, кулл-кошбеги 66, сына Аббас-бия. В то время упомянутый вазарат-панах был в должности амлакдара 67 Гиждувана 68 в чине мирахур 69. Затем он, благодаря высочайшему милосердию и вниманию его величества господина Саййида эмира Музаффар-хана милостивого, возвысился до чина токсабы и был назначен правителем Нахрипайского и Зийауддинского вилайатов.

Я, пишущий эти строки, с запиской своего дяди амарат-панаха Абдал'азиз-бия и Алимбек-бия дадхо отправился к вазарат-панаху [Астанакул-бию], правителю Зийауддина, обратившись к нему за помощью. Когда я один выехал из благородной Бухары, то не видел и не знал дорогу в вилайат Зийауддин. До местности Малик 70, расположенной от Бухары приблизительно в девяти фарсангах 71, мне никто не сопутствовал. Было начало месяца джауза 72. Я остановился в сарае Малик, здесь провел ночь. С началом дня я оседлал коня и стал ожидать попутчика. В этот момент ехал некий правоверный. Я сел на своего коня /70а/ и последовал за ним. Догнав, я приветствовал его и поехал рядом с ним. То был пожилой человек с приветливым лицом. Отвечая на мое приветствие, он спросил:

- Куда путь держишь?

Расстерявшись, я со слезами на глазах, ответил:

- Еду к правителю Зийауддина. Но дорогу этих мест не знаю.

Он сказал:

- Не горюй и не плачь! Я провожу тебя. Если будет угодно Аллаху, ты увидишь множество стран. Тот [50] человек, к которому ты едешь, тоже увидит многие государства и станет передовым человеком своего времени. Этими словами он утешил меня. Поехали мы вместе. Со стороны Самарканда показалось несколько местных арб с грузом. Тот любезный сказал мне:

- Видишь эти арбы? Раньше подобные зерновые грузы перевозили на верблюдах. Изобилие было в ногах верблюда. Эти арбы выдумал дьявол, поэтому обилие хлеба из среды людей ушло.

Немного опередив [меня], он указал на низкие дувалы и поля и сказал: степные люди, огораживая поля, удалили от себя изобилие. Прежде стен не

было и урожай зерна и хлеба был обильным. Мы продолжали свой путь и в этот момент достигли местности Ригарм-сарай, где имелись две-три постройки, мечеть и бассейн. Моего коня потянуло к воде. [Мой спутник] сказал:

- Напой коня! Все же ехать со спутником куда лучше.

После того /706/ я напоил коня и мы из Ригарм-сарая выехали в сторону пустыни. Он, обратившись ко мне, сказал:

- Сынок, вот большая дорога. Если немного проедешь, достигнешь вилайата Зийауддин. Если поедешь влево по дороге, то приедешь в вилайат Кермине.

Слушая этого уважаемого человека и учтя его слова, я взглянул в сторону дороги Кермине и опять обернулся к тому человеку. Но его уже не было. Он исчез. Сколько я ни плакал, ни вопил, было бесполезно. Никакого следа не обнаружил. Я с горечью пустился в путь. Ехал я полдня и в два с лишним часа доехал до вилайата Зийауддин. Повидал правителя вилайата и вручил ему письмо своего дяди. Здесь я служил шесть месяцев писарем 73 в канцелярии правителя. От его величества убежища милосердия, [эмира Музаффара], пришло распоряжение [51] послать в Ташкент одного из числа служащих, незначительного грамотного человека, чтобы тот находясь там, извещал эмира о положении дел в России. Опора эмиров [Астанакул-бий] этим незначительным [человеком] выбрал меня, презренного, и об этом послал докладную в высочайшую столицу, а меня с сопровождающим отправил в Ташкент. В это время губернатором в Ташкентской области был генерал Кауфман. Жил я в Ташкенте двенадцать лет. Снимал небольшую комнату в Ярмарочном сарае 74 и шесть лет занимался купечеством. Три года /71а/ я жил в доме торговца китайским чаем Мирзы Сабир-бая Бухари, и последние три года – в караван-сараях Ташкента: Хештин и Нар Мухаммад кошбеги и занимался торговлей. С купцами и разными другими людьми я завел приятельские отношения и обращался с ними хорошо. Мною все были довольны. Они приглашали меня во все свои компании и на вечеринки.

Больше всего я присутствовал на беседах таких крупных личностей, как Саййид Абул-Касим-хан хулафа, Абдассаттар Махдум 75, сын халифа 76 Хусейна Бухари, да помилует его Аллах, Мийан-Фазл, Мухаммад Салих 77, Майан Фазл Музаммел по прозвищу Мийан-Бури 78, его светлость Абдазахид-ходжа Бухари, компаньон по купечеству второго халифа, да будет ему милость Аллаха, Шейх Ахмед Караташи, да помилует его Аллах. Общался я также и с множеством других благородных улемов Ташкента, которых не перечислишь. Я имел большое знакомство и в среде крупных русских чиновников, русских генералов и предпринимателей. Были у нас взаимные посещения. В это [двенадцатилетнее] пребывание я через каждые шесть месяцев выезжал в благородную Бухару и встречался с [52] его величеством, с господином [эмиром] или в чарбаге Ширбудун 79, или же в чарбагах Карри и Гала-Асия 80. Являясь [к эмиру], я благословлял его и с высокого позволения опять возвращался на свою обычную работу в Ташкент. С высочайшего согласия [эмира] я в ташкентском вилайате женился два раза. Сначала я женился на одной татарке. Через год /71б/ она скончалась. Опять с высочайшего разрешения его величества благородного [эмира] я взял в себе в жены дочь одного ташкентца, которую потом увез в Бухару.

Короче говоря, за время своей двенадцатилетней торговой деятельности в Ташкентской области я завоевал большой авторитет и приехал в Бухару с

пятидесятитысячным [капиталом] в теньгах, накопленным мною купечеством. Все это благодаря моей честности, искренней симпатии и доверия к высочайшему двору. Ни на секунду не смягчая свою [искреннюю] службу, я всегда держал в памяти господа бога. Не шел дорогой страстолюбия, не имел ничего общего с низкими людьми и простым народом.

В 1299 г. х. его величество благородный [эмир] Музаффар-хан], вдев ноги в стремена государства, выехал из столицы путешествовать в вилайат Шахрисабз [бого] хранимого бухарского государства. Тогда основа страны упомянутый Астанакул-бек бий парваначи был правителем Шахрисабзского вилайата. Его величество предприняли почетное посещение дворца Аксарай в Шахрисабзе. Через несколько дней [эмир] света очей людей, зрачка глаз, своего дорогого сына, славного принца, высочайшего добродетеля Саййид Мир Абдулахад-хан туру, считая его более достойным среди других своих сыновей для наследования престола, отправил в Петербург к императору Российского государства. [53] [Принца] сопровождали: убежища власти и благородства Мухаммад Дурбин-бий инак, Мулла /72а/ Рахматулла бий, Хаджи Абулфайз хаджа судур 81, Мулла Абдаррахим туксаба, хаким, и несколько других слуг с бесчисленными подарками. В то время я, презренный, пишуший [эти строки], находился в вилайате Ташкент, поэтому я вышел встретить уважаемого принца и, удостоившись чести целования руки, благословил его. Губернатор Ташкента, генерал Кауфман, считая приезд престолонаследника принца [Абдалахад-хана] радостным случаем, из своей признательности к Бухарскому государству, выстроил [почетный караул] из многих солдат и принял [принца] с музыкой и большим почетом. Разместив [Абдалахад-хана] в подготовленное заранее [для него] место, [генерал Кауфман] два дня оказывал ему достойные почести и гостеприимство и вместе с сопровождающей свитой и переводчиком проводил в Петербург. Поездов в то время еще не было, поэтому им пришлось ехать на русских арбах, называемых фаэтонами и колясками. Пишуший эти строки проводил [принца] до местности Йагач-уйи, находящейся на расстоянии одного фарсаха от Ташкента. Вернувшись [к себе в Ташкент], я занялся было молением [за принца], рожденного от ангелоподобных, и тут получил из Шахрисабза телеграмму, [где говорилось]: «Согласно высочайшему приказу приезжай немедленно и будь удостоен чести целования руки [эмира]». Я тотчас же, поспешно, благославляя [эмира], приехал в Самарканд. Дорога от Тахта-карача 82 до Бухары проходила через горы, возвышенности и низины между вилайатами Самарканд, Китаб и Шахрисабз. /72б/ Препятствия. Отдых. Его величество в это время прибыл в Китабский вилайат. Здесь, удостоившись чести целования руки [эмира], [54] я молился за него и целый час имел с ним личную беседу. Его величество, господин прибежище халифата 83, благородный падишах был деликатным, справедливым человеком. В своей многозначимой беседе с обращавшимся к нему человеком он не говорил ненужных слов и не был пустословом. Я, презренный, пишуший эти строки, с юношеской поры живя двенадцать лет в Ташкенте, самовольно и беззаботно проводил время и не был знаком с манерами скромности. Внимательный к своим слугам, падишах Джам[шид]ского достоинства, милостиво сказал мне: «Подойди поближе!» Я, проявляя слабоумие, подошел к султанскому трону, сел и, опираясь на шахский трон, отвечал на вопросы [владыки] высочайшего двора. Без церемоний рассказал обо всем, что я видел и слышал [в Ташкенте]. Его величество весело расхохотался от моего дерзкого положения [рядом с тронном] и от интересных моих рассказов. Я ничего не соображая, все более увлекался разговором.

Итак, после того, как я кончил свой рассказ, [эмир] меня отпустил. Я с поклоном вышел и прибыл к сыну опоры страны, правителю Шахрисабза, которому поручил кроме Шахрисабза еще и Китабский вилайат, и [там] утвердился. Но опять в предвечернее время явился [слуга] эмира и увел меня, презренного, к его величеству, прибежищу халифата. Он сидел на одеяле в отдельном помещении двора правителя. /73а/ Я зашел к нему, благославляя, и присел. Около часа [его величества] справлялся о положении дел в Ташкенте и, проявляя милость, [спросил]: «Сколько прибыло писем и телеграмм от Абдалваси туксабы на ваше имя?» Я ответил: «Пришло одно письмо слуги [вашего величества] и одна телеграмма, которые я отправил в высочайшую канцелярию». Проявляя внимание, [эмир сказал]: [55] «Абдулваси обвиняет вас [и говорит], что он послал Мирза Салимбеку караул-беги 84 шесть докладных записок и шесть телеграмм». Слуга, одобряя эмира, ответил: «Вашим слугам не дозволено читать докладных записок и телеграмм на высочайшее имя». [Его величество], слушая внимательно [сказал]: «Он точно так же обвинил и вазарат-панаха Мухаммад-бия 85, кулл кошбеги. От вазарат-панаха я тоже получил одно письмо и одну телеграмму. Обманщик и клеветник сам себя губит». Затем [его величество] вручил мне завернутую в большую трубочку бумагу и милостиво [сказал]: «Этой ночью поезжайте в Шахрисабз; встретившись и посоветовавшись с амарат-панахом [Астанкул-бием], правителем [Шахрисабза], завтра утром вы опять должны приехать и успеть на высочайший утренний прием 86. От этой доброты, милосердного и ласкового к своим рабам августейшего повелителя, я испытывал гордость и, радуясь, с рабским поклоном и, отдав честь, благославляя [эмира], я вышел от него и к вечернему намазу на сон 87 прибыл в Шахрисабз. От Китабского вилайата до Шахрисабза три четверти фарсанга пути. Встретив амаратпанаха, правителя [Шахрисабза], удостоился приема у него и, вынужденный из-за пазухи трубочку бумаги от его величества, /73б/ вручил ему. Эта трубочка бумаги содержала докладные записки, присланные из Петербурга Абдалваси' туксабой, который был отправлен в Петербург вместе с зеницей ока, опорой царства, господином Саййид Мир Мансур-ханом турой в целях изучения русского языка. Эти бумаги были донесениями, посланными высочайшему двору. Опора страны, убежище правительства после [чтения] молитвы на сон, когда комната опустела и в ней остались Астанакул-бий, я, презренный, и его секретарь Мирза Науруз, мирахур, который ко мне [56] относился недружелюбно, обратился ко мне: «Сегодня высочайший господин, оказывая милость, прислал написанную своей благословенной рукой записку, где пишет: «Посылаю к Вам Мирзу Салимбека караулбеги. Уговорите его и получите его согласие, мы его отправим в Петербург на место Абдалваси. Он поедет к упомянутому туре и будет присматривать за ним».

Пишущий эти строки по слабому разумению ответил: «Вот уже двенадцать лет как я нахожусь на службе в Ташкенте. Если близка смерть, то похоронили бы меня здесь на мусульманском кладбище.

Теперь отправляют меня в Петербург. Если настанет смертный час, то похоронят на кладбище христиан».

Так, мы беседовали на эту тему около двух часов. В конечном счете, написали докладную записку [следующего содержания]: «Для отправки в Петербург больше подходит Мирза Абдалхалим, писарь высочайшей казны. Мирза Салимбек караулбеги /74а/ [тоже] готов самоотверженно выполнить [любое] задание». Скрепив печатью, они донесение вручили мне. Перед рассветом в ту же ночь я встал и прибыл в Китаб. Доставив докладную в высочайший дворец,

мне посчастливилось успеть к высочайшему приему. Его величество, освободившись от [церемонии] приема и позавтракав, воссел на коня государства и изволил приехать в Шахрисабз. Муллу Шарафиддина шарбатдара 88, достигшего в настоящее время эмирского достоинства, он отправил к вышеупомянутому правителю с наказом. «Мирзу Салимбека порадуите и отправьте в Бухару. Повидавшись со своими детьми и побыв там три-четыре дня, пусть он выезжает на свою службу [в Ташкенте]». Убежище правительства из-за высочайшей любезности подарили мне два комплекта одежды, чалму и пятьсот тенег на [личные] расходы. Упомянутый шарбатдар увиделся [с нами] и [57] поехал к его величеству. Он вернулся и опять сказал: «Его величество, проявляя милость, [сказал]: «Мирза Салимбека удовлетворите и отправьте». Убежище правительства опять подарил [мне] пятьсот тенег и два куска шелковой [материи]. Шарбатдар, увидев [все это своими глазами], отправился [в Бухару]. Я, воздав благодарность его величеству, собрался в путь. Но увидел, что упомянутый [Муллу Шарафиддин] шарбатдар, выйдя за ворота Аксарая, ожидает [меня]. Он увидел меня и позвал к себе. Я подошел к нему. Он сказал: «Оказываемая вам милость его величества [следующая]: я сам провожу вас до предвечернего намаза. Я остался довольным и благословил его величество и, вернувшись в крепость [Аксарай], привязал своего коня и стал ждать высочайшего милостивого [указа]. Тот день прошел. /74б/ На следующее утро мы вместе с сыном упомянутого имарат-панаха, вместе с несколькими другими из числа поваров [с завтраком] ко времени высочайшего утреннего приема зашли к его величеству. После того, как расставили подносы с лепешками, его величество милостиво [сказали]: «Садитесь!» Я, благословляя, прошел к порогу передней, где обычно сидели сельские, и расположился возле Муллы Шараф мирахура, знатока шахматной игры. [Эмир] спросил: «Съездили ли вы в Бухару?» Я ответил: «Да, благодаря высочайшему милосердию, съездил». Эмир рассмеялся. Таким образом, я каждое утро заносил завтрак и по высочайшей милости садился вместе с упомянутым обществом. [Эмир] спрашивал о разных вещах. Я отвечал по мере своих знаний и отвеивал благословенные блюда. [Затем] я угодил вместе с упомянутыми людьми. И снова ежедневно два-три раза присутствовал на высочайшей беседе и оставался доволен и счастлив. В это время меня поразил дурной глаз вероломного мира. Таково уж обыкновение [58] непостоянного колеса времени. Кое-кто находит дорогу к служению государю, а некоторые недружелюбные люди, следуя по пути безбожника, стараются проявить к нему свою ненависть.

Причиной этого [сглаза] являлся Амиджан джибачи, второй шарбатдар его величества, который по вечерам до поры [ночного] отдыха его величества рассказывал ему о своём пережитом в виде рассказов. Мирза Науруз мирахур, о вражде ко мне которого было сказано [выше], был приятелем упомянутого шарбатдара. Из-за ненависти ко мне он говорил [его величеству], что /75а/ несмотря на уговоры до полуночи амарат-панаха правителя [Шахрисабза], Мирза Салимбек отказал в его просьбе и сказал, что в Петербург не поедет. Тот бессовестный слова этого коварного человека без малейшего упущения довел до высочайшего благословенного слуха. На следующее утро, как обычно, я зашел к его величеству, расставил лепешки и собирался сесть на обычное место, но его величество гневно произнес: «Стой здесь!» Я замер на полпути и словно веточка ивы задрожал. Остальные с тарелками в руках вышли из комнаты. Тогда [его величество] сказал: «Разве ты пострадал от службы высочайшему двору и поэтому отказался ехать на службу?» Я со слезами на глазах ответил: «Виноват. Да стану я вашей жертвой! Мой отец и предки мои благодаря своей искренней службе высочайшему дворцу заслужили постоянную ласку. Ваш слуга также намерен служить, чтобы Вы были довольны мною, и

чтобы от высочайшего двора я мог увидеть ласку». От этих моих, полных искренности слов, его величество больше ничего не произнес и сделал жест, чтобы я вышел. Я поблагодарил [бога] за то, что остался живым, и как обычно, я заходил и клал [перед эмиром] лепешки. Ни разу я не увидел его благосклонного взгляда. [59] Однажды, как установлено, принесли особый завтрак. Его величество чем-то был занят. Я ожидал в передней приемного зала. Через минуты три-четыре, он, обращаясь к слугам, что-то передал /75б/ и сказал: «Отнеси это Мирзе Салимбеку караулбеги! Может быть, он знает, что это». Слуга дал мне одну белую костяную трубочку величиной с палец. Я взял ее и увидел, что кость имеет выступ величиной с кунжутное семя. Я нажал на него ногтем, с одной стороны выскочило маленькое лезвие ножичка. Затем вернул его слуге. Тот отнес [ножик] и отдал в благословенные руки его величества. [Эмир] посмотрел [на ножик] и велел доставить завтрак. Я зашел и как только поставил лепешки и завтрак, [его величество], обратился ко мне:

- Где вы видели подобную вещь? – Я ответил:

- До этого совсем не видел. [Эмир] милостиво спросил:

- Как вы сумели сразу открыть, если впервые видите эту вещь

Я ответил:

- Ручка кости имела выступ, я нажал на него ногтем, изнутри выскочило лезвие. [Эмир] сказал:

- Покажи, откуда?

Я повернул лезвие кверху, нажал на выступ, лезвие тут же открылось. [Вместо ножичка] осталась костяная ручка. Я опять лезвие повернул книзу, нажал на выступ и выскочило лезвие. Его величество получил от этого удовольствие и сам несколько раз это проделал.

Таким образом, целые пять месяцев я постоянно находился на службе [у его величества], получая удовольствие, молясь за него.

Одним словом, его величество, падишах обладающий достоинством Джам[шид]а и Александра [Македонского], тринадцать месяцев находился в резиденции в Аксараяе в вилайате Шахрисабз. /76а/ В это время [60] наступил благородный благословенный месяц Рамазан, Из-за амарат-панаха [Астанакул]-бия парваначи, правителя Шахрисабзского вилайата, на высочайшую благословенную память легло смущение. В жаркий летний день, в среду шестого рамазана, он назначил упомянутого правителя на высокочтимую должность диванбеги. Сам [эмир] покинув Шахрисабз, выехал и расположился в чарбага Ла'листан 89, находящемся в четверти фарсаха от города Шахрисабза. До отъезда из Шахрисабза [случилось следующее]: Мирза Абдаррахман, караулбеги, просматривал и ухаживал за личными султанскими выездными конями, [выполняющего такую должность] обычно называют мирахур-башием. Был еще его младший брат Амиджан джибачи, шарбатдар. Их обоих [эмир] понизили в должности и на их место поставили этого ничтожного раба, пишущего эти строки. Дело ухода за особыми конями тоже поручили мне.

Я находился на своей установленной службе. Упомянутый Мулла Шараф шарбатдар однажды вышел [от эмира] и позвал меня к его величеству. Я вошел [к эмиру] и с поклоном остановился перед ним. Его величество подозвал меня к себе [жестом] и вручил мне телеграмму. Я прочел и доложил: «Сегодня император России Александр Александрович 90 отпускает моего Мулла-заде 91, и через четыре дня, в субботу он предполагает выехать из Петербурга». Его величество сказал: «Жаль, что теперь телеграмма наша не дойдет до него». Встав с места, я ответил: /76б/ Ваша высочайшая милость, телеграмма дойдет». Его величество, приказывая мне сесть, сказал: «Вы обдуманно говорите эти слова? Разве есть здесь телеграф? Я ответил: «Нет». [Эмир] спросил: «Где же есть телеграф?» Я ответил: «Телеграф имеется в Самарканде». Он опять спросил: «А каким образом может столь быстро дойти [телеграмма] по [61] назначению?» Я в ответ сказал: «Сегодня среда, [допустим текст] подаваемой телеграммы повезет с собой один из людей правителя Шахрисабза [Астанакула] диванбеги. Завтра в четверг в предполуденное время он будет в Самарканде и сдаст эту телеграмму. Она дойдет до моего Мулла-заде еще до предвечернего намаза.

Эти моц слова понравились прибежищу мира и он приказал: «Напишите следующий [текст] телеграммы и принесите мне: «Оставляя на время при своем брате Саййид Мир Мансур туре Мулле Рахматулла-бия, приезжай вместе с назначенным при нем на службу Абдалваси туксабой. Как только отсюда поедет [в Петербург] Мирза Салимбек, мирахур, вернется и мулла Рахматулла-бий». Я смиренный раб, согласно приказу его величества написал [текст телеграммы] и представил высочайшему благословенному взору. Его величество сказал: «Напиши правителю Шахрисабза записку и подчеркни, чтобы он как можно скорее отправил в Самарканд [телеграмму]. По высочайшему повелению я написал записку и послал [ее по назначению]. Через некоторое время последовало пожалование меня, низайшего, ярлыком на чин мирахура с конем и дорогой сбруей и с тысячей тенег на личные расходы в придачу. При этом милостиво [эмир] сказал: «Поезжайте в Бухару, пробудьте там пять-шесть дней и опять возвращайтесь в Карши. [Затем] поедете на свою службу в Петербург». Я, помолвившись, выехал в Бухару.

Приехав [в Бухару], /77а/, я поблагодарил за высочайшую милость [эмира]. Но по воле Аллаха на ноге моей вскочила карача и причинила страшную боль. Через месяц [карачу] нарезали ланцетом, и на семидесятый день я начал ходить с костылем. В течение этого промежутка времени я узнал, что господин Муллазаде, наследник престола, вместе со своими товарищами, а [62] так же и Мулла Рахматулла-бий, прибыли из Петербурга в Карши. Кроме того, Мирза Насрулла 92, мирахур, был возвышен на должность туксабы и уехал в Петербург вместо меня. Во время болезни ноги вазарат-панах Мухаммади-бий кулл кошбеги по высочайшему повелению не раз справлялся обо мне. В это время от его величества упомянутый вазарат-панах получил распоряжение: «Пришлите Мирзу Салимбека, мирахура, к высочайшему стремени». Узнав о приезде муллы Рахматулла-бия, я страшно встревожился. «Конечно, телеграмма не дошла [по назначению] в Петербург, и мне придется дать отчет в этом», – [думал я]. После отъезда [в Петербург] Мирзы Насруллы, [эмир] опять прибыл в Карши и спрашивал меня. В страхе и волнении, я в сопровождении человека вазарат-панаха [кошбеги] выехал в Карши. Его величество [к этому времени] покинул Карши и переехал в селение Касан, расположенное на три фарсанга ближе [к Бухаре]. Я прибыл туда, хромя, пошел [к эмиру] и удостоился чести поцеловать ему руку. Исчезли мой страх и тревога. [Первым делом] я обращался с вопросом к Мулле

Рахматулла-бию. Мулла Рахматулла, ответил, что телеграмму получил и сказал: «Император не принял идею [эмира] об оставлении меня [в Петербурге] /776/ и возвращении Абдалваси туксабы, и сказал: Абдалваси туксаба уже в течение семи лет находится на службе при Саййиде Мир Мансуре. До завершения им учебы осталось еще год. Поезжай вместе с турой. Несмотря на то, что [эмир] попросил меня остаться, император все же не согласился. Поэтому я приехал вместе с господином турой, наследником престола, за что несколько пришлось выслушивать порицания [эмира]. После того, как [на мое место] отправили Мирзу Насруллу, [эмир] спросил меня и пригласил на личную беседу. Был разговор и о телеграмме, которую [63] он отправил при тебе в чарбате Ла'листан, и сказал, что тобой очень довольны. Если будешь жив, то от высочайшего двора увидишь бесчисленные милости».

Да не останется скрытым, что когда я жил в Ташкенте, Александр Николаевич 93 был падишахом всех областей Российской империи. Во время его царствования халифом государства Османской Турции был младший брат Абдалмаджида, султан Абдалазиз. После него стал халифом сын упомянутого султана Абдалмаджида, султан Абдулхамид 94. При нем Российское государство начало с османским государством ожесточенную войну и захватило от Османского Турецкого государства все кавказские области, находившиеся в подчинении у стамбульского правительства, государства: Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию от власти Османского государства. Каждому из них [Российское государство] предоставило самостоятельность и превратило в независимые государства. А области Туркестан, Фергану, Ургенч [император России] подчинил себе. Завоевав [всю территорию] до вилайатов Самарканда и Катта-Кургана, он подписал договор крепкой дружбы с государством благородной Бухары. [Так, император Александр Николаевич] царствовал 20 лет. В 1300 г. х. [1882] 95 враги убили его в Петербурге, бросив бомбу под колеса его фаэтона. На его место императором стал его сын Александр Александрович. Тогда губернатором Туркестана был генерал Кауфман. В Турестане он губернаторствовал шестнадцать лет. День за днем все увеличивалась крепость дружбы с Бухарским государством. В то время, когда [император России] Александр Николаевич погиб от бомбы, [Туркестанского губернатора Кауфмана] разбил паралич и он умер. Его величество, убежище милосердия, на молитву по усопшему императору и [64] губернатору направил в Ташкент амарат-панаха Астанакул-бия парваначи, правителя Шахрисабза. [Последний] выполнил все обряды их поминовения и, пробыв в Ташкенте несколько дней, выехал к его величеству [в Бухару].

Одним словом, вместо Кауфмана губернатором стал генерал Черняев, который в 1278 г. х. [1861-1862] /786/ прибыл в Ташкент и захватил [весь] Туркестан до Самарканда и Катта-Кургана. По обвинению за то, что он посягнул и на [границы] Бухарского государства, его отозвали [в Петербург]. Потом он вместо Кауфмана стал генерал-губернатором.

Короче говоря, Александр Николаевич за время своего царствования завоевал большую часть областей Турции и Туркестана и отменил [существовавшую в тех местах] работоторговлю. Предоставил свободу всем рабам и рабыням. В каждый вилайат назначил мирового судью 96 и двадцатипятилетнюю воинскую службу сократил до шести лет. После его смерти [Александр] Александрович стал императором вместо своего отца. Он царствовал 13 лет; на его место в 1313 г. х. императором стал его сын Николай Александрович 97.

В 1322 г. х. [1904 г.] японское государство, /79а/ которое было ответвлением Китая, превратившееся в благоустроенную страну, начало двухлетнюю войну против Российского государства. [Япония] нанесла серьезное поражение русской армии, захватила много областей России в стороне Сибири. Николай Александрович, оказавшись в безвыходном положении, попросил мира.

* * *

Теперь вернемся к своему повествованию. [Пришло] время рассказать о прибежище халифата, повелителе всех правоверных благородной Бухары. Его величество, [65] убежище милосердия, Саййид эмир Музаффар Бахадур-хан, государь справедливый и победоносный, за время своего двадцатилетнего царствования два раза предпринимал военные походы на Коканд и силою меча и бесчисленных храбрецов завоевал вилайаты Ура-типпа, Ходжент и Коканд. Кокандский хан Худайар-хан, потерпев поражение от своих соперников, избрал прибежищем благородную Бухару. Поэтому, эмир Музаффар, утвердив его ханом [в Коканде], прибыл [в Бухару]. Правители вилайатов горных районов, издавна находившиеся в повиновении Бухарскому государству [с восшествием на престол Музаффар-хана] по злочастью своему взбунтовались. Огонь гнева разгневанного падишаха воспламенился в зимнюю пору, а когда засияло на небе солнце, он выступил с войском на тех неблагодарных. Проливая кровь множества [людей], он завоевал вилайаты Дехнау, Хисар и Кулаб /79б/ и наказал мятежников. В каждый вилайат он назначил справедливых правителей и вернулся с победой и счастьем. Вилайаты Шахрисабза и Китаба, [правители] которых начали говорить [в тоне]: «Я, никто другой», тоже были отвоеваны [эмиром]. Поставив в каждом [вилайате] правителя, он возвратился [в Бухару]. [Эмир] ежегодно выезжал в Шахрисабз и Китаб, собирал там всех правителей всей хранимой [богом] страны вместе с нукерами и проводил смотр войскам. Всем собравшимся он оказывал милости. Хотя [эмир] с Русским государством был в дружественном союзе, но из-за царского самолюбия он не согласился с просьбой русских построить железнодорожную линию и провести телеграфный провод [на бухарской территории]. Однако в последние годы своего правления он удовлетворил убедительную просьбу генерал-губернатора Черняева провести до Бухары телеграфную линию. [Некий] русский, по фамилии [66] Назаров, от Катта-Кургана до Бухары провел телеграфный провод, на что было израсходовано 190000 тенег бухарской чеканки. [Расходы] выплачивались бухарской высочайшей канцелярией. [По договоренности] прибыли от него [телеграфа] принадлежали Бухарскому государству. Генерал Черняев в Ташкенте был губернатором два года. [Потом] нам сообщили, что генерал Черняев уехал в Петербург. Тогда амарат-панах Худайназар-бий 98 аталык 99, правитель Каратегина, по приказу его величества, убежища милосердия [эмира Музаффар-хана], прибыл в Бухару и совершил обряд обрезания своих сыновей и внуков во дворе чарбага Баратбек-бий инака, [расположенном в квартале] Хийабан, внутри города. /80а/ На упомянутое празднество он пригласил его величество, убежище милосердия [эмира Музаффара], и поставил под ноги пайандаз 100 из камки, бархата и фаранги. В честь высочайшего посещения разбрасывали золото и чеканные монеты. Посадив [эмира] на шахский трон, [Худай Назар-бий аталык] устраивал торжества, ежедневно преподнося различные кушанья слугам высочайшего двора на разукрашенных скатертях. Все с великой радостью благословляли могущество его величества. К этому времени пришла весть об отъезде генерала Черняева в Петербург. Для участия в проводах [генерала Черняева] назначили меня ничтожного, пишущего эти строки, и удостоили чести, [подарив] благословенную одежду. Мне вручили сто девяносто тысяч за расходы на [проведение] телеграфа. Получив

высочайшее благословение, я в Катта-Кургане сел на почтовую коляску и прибыл в Ташкент. Встретившись с генералом Черняевым, я передал ему письмо от его величества и деньги, расходуемые по проведению телеграфной линии. Упомянутый губернатор через два дня выехал в Петербург. [Перед выездом] он мне ничтожному, [67] пишущему эти строки, определил [место] среди послов в Ташкенте и сказал: «Я вернусь из Петербурга через два месяца и отпущу тебя». В посольстве я занимался только благодарением высочайшей благословенной особы [эмира]. Владелец гостиницы Малинов оказывал мне особое гостеприимство, приготовляя все то, что мне было необходимо, по моему желанию.

В конце-концов, через два месяца генерал Черняев был уволен с поста /80б/ и вместо него губернатором в Ташкенте был назначен генерал Розенбах 101. На третий месяц распространились слухи о его приезде [в Ташкент]. За это время пять месяцев я находился в посольстве в полном удовольствии и почете, так как я до этого жил в Ташкенте двенадцать лет и привык к нему. На место губернатора сел генерал Гродеков 102, заместитель губернатора. Он [постоянно] справлялся обо мне, и через каждые несколько дней приглашал меня [в свой дом] и устраивал банкеты. В один вечер, как обычно, он послал за мной коляску и пригласил в гости. Я, сев в коляску, поехал к нему домой и зашел в его комнату, где сидело около 20 человек гостей – видных сановников Российского [Туркестана]. Я представился им и, поздоровавшись, сел. Девяностолетний начальник штаба в Ташкенте, генерал Разгонов 103, обращаясь ко мне, сказал: «Я у тебя кое-что хочу спросить. Отвечай правильно». Я ответил: «Если знаю, отвечу правильно, в противном случае, буду просить прощения». Упомянутый генерал сказал: «Я путешествовал по всем европейским странам, [бывал] в Стамбуле, Иране, Китае и читал [книги] по разным наукам и [в них] осведомлен. Приезжая в какую-либо страну, я видел дворцы падишахов, базары, чудесные вещи из золота и тому подобное. /81а/ Я спрашивал: «Эти вещи – искусство какой страны?» Мне отвечали: «Это изделие Бухары». Я спрашивал: «В [68] каких странах происходит торговля вашими товарами?» Мне отвечали: «Больше всего они идут в Бухару». Я жалею, что не видел благородной Бухары. По приезде в Ташкент я вместе с генералом Кауфманом ездил в Самарканд. Я просил [его]: «Каковы размеры Бухары?» Он ответил, что наподобие Самарканда. Я видел, что территория Самарканда небольшая. Поэтому и спрашиваю у тебя, куда, несмотря на небольшие размеры, Бухара расходует все эти товары из многих государств? И откуда все эти чудесные вещи, идущие в другие государства?» Я был вынужден ответить. Из потустороннего мира кое-что мне пришло на ум и я сказал: «Вы помните все, что вы приобрели от чтения [книг] и путешествий?» Он ответил: «Конечно, помню». Я спросил: «Какая часть вашего тела является вместительницей всех этих знаний?» Он ответил: «Держу я их в сердце». Я спросил: «Какого размера ваше сердце?» Тот генерал показывая свой большой палец, ответил: «величиной с этот [палец]». Я опять спросил: «Каким образом вмещается в такое маленькое [сердце] все приобретенные знания от путешествий? Почему их место не в голове человека, или в животе, или в спине?» Он ответил: «Всевышний Аллах [всем знаниям] [определил место в душе человека]. Я сказал: «Врачи и ученые разделяют человеческое тело на семь частей. Точно также они земной шар делят на семь климатов. Ясно, что земной шар является местом жительства /81б/ человека и аналогичен человеческому телу: головой мира [является] [Стамбул, Москва – спиной мира, Европа – животом, Китай – ногами мира, Иран – руками мира, а сердцем мира является благородная Бухара». Упомянутый генерал встал со своего места и спросил: «Скажи правду, в какой книге ты прочитал подобный ответ? Я ответил: «Ни в каких

рукописях я [этого] не видел и ни от кого не слышал. » [69] Названный генерал и присутствующие на собрании горячо одобрили меня, встав со своего места, по своему обычаю, взявши меня за руки, [говорили]: «Браво!» Хозяин дома, генерал Гродеков, встал со своего места, достал из ниши золотые часы в коробке и, вручая мне, сказал: «Вот все то, что я имею сейчас. А за этот твой ответ, что бы я не подарил – было бы мало».

Генерал Разгонов сказал: «Я сюда пришел в гости. [Поэтому] к тебе просьба: будь моим гостем завтра вечером у меня дома». Я в ответ сказал: «Если позволит губернатор, пойду». На это [мое слово] генерал Гродеков, радуясь, ответил: «Разрешаю».

Короче говоря, на следующий вечер упомянутый начальник штаба [генерал Разгонов] прислал за мной фаэтон и привез меня в свой дом. Он устроил банкет. Своей жене и детям он расхвалил меня. Когда он меня провожал, то подарил мне большую коробку, в которой были чайник, стаканы, сахарница, молочник, /82а/ чистый чай и несколько штук ложек большого и малого размера. [Провожал он меня] с большими извинениями. Прибыв в свое пристанище, я благословлял своего падишаха.

Итак, через пять месяцев пришла весть о выезде губернатора [Туркестана] генерала Розенбаха из Петербурга. Великий господин, убежище милосердия, чтобы поздравить его, из благородной Бухары [в Ташкент] отправил амарат-панаха Муллу Рахматулла-бия с группой [слуг своих] и Мирзу Насрулла туксабу с множеством подарков. Они до приезда губернатора прибыли в Ташкент и разместились в [помещении] посольства. Мы, встретившись друг с другом, [стали ожидать губернатора] и занялись молением за устойчивость высочайшего государства. Рахматулла-бий сказал мне: «Повеление его величества следующее: «Поговори с [70] генерал-губернатором Ташкента о дальнейшем твоём прибывании в Ташкенте и будут ли обеспечивать тебя содержанием и жильем». Я, богомолец, ответил: «Ни в коем случае не говори об этом губернатору, так как русские давно готовятся посадить консула 104 в благородной Бухаре и ищут для этого повода. Если ты эту просьбу [эмира] будешь передавать губернатору, то он сразу же согласится с тем, чтобы я оставался [в Ташкенте] и что он назначает мне жалованье и выделяет дом [и скажет еще, что] «не стоит [беспокоить] высочайший двор, я мол сам приготовлю все необходимое для [Мирзы Салимбака]. Я тоже отправлю в благородную Бухару своего человека». Если я буду находиться здесь, то я ничего не сумею сделать. Посылка же в Бухару русского консула вызовет [еще] ряд их требований». Амарат-панах /82б/ [Рахматулла-бий] ответил: «Раз последовал высочайший приказ, то мы не имеем права его не исполнить».

Короче говоря, через три дня из Петербурга приехал генерал Розенбах. Все выехали ему навстречу до селения Йагач-Уйи. Мы все трое тоже выехали и, встретив губернатора, вместе с ним прибыли в Ташкент. Через день, взяв с собой подарки, отправились к упомянутому губернатору и, повидав его, вручили ему письмо его величества. После того, как мы справились о здоровье, амарат-панах Рахматулла-бий сказал: «Мирза Салим-бек, мирахур, еще пять месяцев проживёт в Ташкенте. Поэтому, его величество приказали, чтобы я для него в Ташкенте купил дом и обеспечил жалованьем. Находясь в Ташкенте, он должен следить за [бухарскими] подданными, осведомлять нас о приезде гостей из Петербурга и об указаниях генерал-губернатора». Губернатор ответил: «Я очень доволен высочайшей милостью. Нет надобности ему покупать дом и определять жалованье. Это посольство будет его

пристанischem. А его [71] жалованье буду назначать я сам. Я тоже в благородной Бухаре назначу человека, он поедет [туда]. Его величество будет обеспечивать его местом и содержанием. [Этот человек] будет следить за русскими гражданами». Рахматулла-бий взглянул на меня. После того, как разговор окончился, мы вышли. Он сказал мне: «Ты не видел перед этим губернатора и не договаривался? Нам он сказал то, что ты напомнил мне». /83а/ И я ответил: «Подумайте только, другого требования у него нет. Его намерение твердое. Отныне, при встрече с ним скажите ему, что: «Я, мол, довел до Вас милость его величества. Вы слышали. Теперь, пусть сначала Мирза Салимбек, мирахур, поедет в Бухару, встретится с его величеством, получит наказ его величества и приедет». Если его величество меня не пошлет, то авось, и генерал-губернатор не отправит своего человека».

Одним словом, мы находились в Ташкенте 20 дней. За это время мы со своими товарищами два-три раза видались с генерал-губернатором и дали знать ему о своем отъезде. Как только получили разрешение, мы выехали в Бухару. Его величество находился в чарбаге Гала-Асийа. Здесь мы удостоились чести целования руки [эмира]. Его величество, убежище милосердия, подарили мне два комплекта верхней одежды из камки, одежду из шелка абр 105, кусок [материи для] чалмы, 1000 тенег на личные расходы, а амарат-панаху Мулле Рахматулла-бию дали в подарок 1000 тенег, Мирза Насрулла туксабе – 400 тенег. Затем отпустили на три дня домой. Я, прибыв домой, увидел своих детей, за что благословил его величество [эмира]. Через три дня я прибыл в чарбаг Карри и помолился за его величество. В этом чарбаге его величество ежедневно устраивал празднества, приглашая через своих слуг певцов с приятными голосами, устраивал царские банкеты. Господин [72] принц, наследник престола [Абдулахад-хан] тоже находился у высочайшего стремени. Однажды, один из слуг /83б/ его величества увел [меня], пишущего эти строки, из комнаты, где пировали сановники, и привел к его величеству. Вижу, [эмир] сидел на курпаче 106 в спальне. Увидев меня, он дал знак [подойти]. Я подошел и сел. Он сказал: «Я кое-что спрошу у тебя. Говори правду!» Я ответил: «Если будет угодно Аллаху, от вашего слуги не услышите лжи». [Эмир] милостиво сказал: «Правитель Шахрисабза в жаркую пору, в месяце рамазане, выпроводил меня [из Шахрисабза], и все особы моей свиты нарушили свой пост. Кто будет отвечать за них?» Я ответил: «Существование падишахов является причиной жизни их подданных и слуг. Правителю Шахрисабза следовало бы знать свои права. Как он смеет распоряжаться своим падишахом и выпровождать его? Если произошла ошибка, то [все равно] за нарушение поста повинен он один. Часто мне приходится слышать, что упомянутый правитель наставляет сыновей своих: у нас мол кроме его величества нет другого [покровителя], поэтому вы обязательно должны слушаться его величества и без малейшего промаха выполнять повеления своего падишаха. Сейчас один его сын находится в высочайшей свите. Несколько писем такого же содержания он написал [своему сыну]. Мне, вашему слуге, приходилось читать их». [Эмир], проявляя милосердие, [сказали]: «Идите, найдите и принесите то письмо». Я тотчас же вышел и из пристанища Саййидкул-бека туксабы принес и показал упомянутое письмо. /85а/ Он взглянул и сказал: «Если это правда, то все же, [когда] я потребовал от него одного человека, он не дал. После [нашего] приезда из Шахрисабза, он даже ни разу не написал докладной записки». Я ответил: «Его докладчика 107 я видел в прихожей». [Эмир] приказал: «Принесите [73] его докладную записку». Я ушел и принес имевшиеся у докладчика две докладные записки. Одна из докладных записок оказалась присланной Мулле Рахматулла-бием из Ташкента. Читая докладную записку правителя Шахрисабза, [эмир] засмеялся и

сказал: «Иди спроси у докладчика, где он остановился». Я вышел и спросил упомянутого человека. Он сказал: «Тот, кто приехал? Он в караульном помещении». Я сразу явился к [его величеству] и известил его об этом. [Его величество] веселым тоном сказал: «Я тебя хотел отправить в Ташкент, но в Самарканд приезжает генерал-губернатор, поэтому ты отправишься в Самарканд». Затем [эмир] отпустил меня. Через несколько дней, узнав о прибытии в Самарканд губернатора, он отправил меня в Самарканд вместе с Эрназарбек-бием удайчи 108, Муллою Рахматулла бием и наследником престола, принцем Саййид эмиром Абдулахад-ханом с группой людей. При этом он мне приказал: «Когда увидешь губернатора, осведоми его о своем предстоящем приезде в Ташкент». Когда мы приезжали в Самарканд, [эмир] в каждом своем высочайшем поздравительном письме не раз об этом напоминал. На каждой аудиенции, когда мы встречались с губернатором, я выражал ему высочайшее благонамерение эмира. Он, остававшись довольным, говорил: «Я для тебя подготовил жилище [в Ташкенте]. В свою очередь, я в Бухару отправлю Чарыкова 109 /85б/, который представится высочайшему двору и останется там». Через несколько дней его высочества принца, наследника престола [Абдулахад-хана] я проводил [в Бухару], а сам отправился в Ташкент.

Наследник престола господин принц был правителем Кермине. После поездки в Петербург он находился в свите высочайшего государя. Прошло 19 месяцев. В местности Дувал-и Самарканд [Абдулахад-хану] пришла [74] высочайшая жалованная грамота: «Сам останься в вилайате Кермине, а слуг из Бухары отправь обратно; пусть они возвращаются [в Бухару] и благославляют его величество». Наследник престола, господин принц с радостью прибыл в Кермининский вилайат и вручил нам множество подарков для личного пользования и однажды он нас отпустил. Мы приехали в Бухару и благославляли его величество. Через несколько дней губернатор Ташкента направил в Бухару Чарыкова, а меня выпросил для пребывания в Ташкенте. Для того, чтобы Чарыкова не оставляли в Бухаре, его величество меня не отправил в Ташкент и в 1300 г. х. [1883 г.] назначил амлакдаром Хутфарского 110и Самчинского 111 туманов 112. Но это не помогло. В том же году [обе стороны] договорились поставить консула в Бухаре 113. Одним словом, в 1303 г. х. [1885 г.] милосердный господин эмир Саййид Музаффар-хан в чарбаге Ширбудун заболел, через несколько дней он сильно ослабел и поэтому его привезли в Бухару. 6 сафара, в год курицы на 61 году жизни [эмир Музаффар] в высочайшем Арке скончался, «все мы возвратимся к Аллаху» 114. Господин принц, /85а/ наследник престола, с получением сообщения [о смерти отца] немедленно выехал из вилайата и стал обладателем короны царства. Тело его светлости милосердного [эмира] многочисленные люди и слуги подняли и с глубокой печалью у [Мечети Ляби] – хауза читали зауспокойную молитву. [Тело] понесли на [кладбище] его светлости Имла 115, «Да будет ему милость Аллаха», и положили рядом с благословенным прахом отца и достопочтенных предков его в построенной гробнице, да будет ему милость Аллаха! [75]

Рассказ

Однажды, как мне помнится, я выехал в Ташкент вместе со своим слугою. Мы доехали до Джиззака 14 февраля, Оттуда до берегов Сырдарьи [ок. 115 км.] по совершенно пустынной безводной местности. На трех привалах государь, шахиншах Турана Абдулла-хан 116, построил для проезжающих по этой пустыне три сардоба 117, куда собиралась вода от снега и дождей. Эти три сардоба и теперь стоят в том же своем положении. Вследствие безводья внутри двух

сардоба, находящихся в местностях Уч-Йагач 118 и Сардоба-и Мирза 119, были вырыты колодцы. Поблизости каждой сардобы находится русская почтовая станция. На каждой станции живут 5-6 человек ямщиков из казахов и каракалпаков вместе со своим старшиной из русских. Люди, следующие в русских почтовых арбах, получают на каждой станции свежих перевозочных лошадей /85б/ и один [из ямщиков] отвозит их до следующей станции.

Короче говоря, я со своим слугою сели на лошадей и, выехав из Джиззаха, доехали до сардобы, находящейся в местности Уч-Йагач и отстоящей от Джиззаха на три фарсанга дальше. Там мы отдохнули с час и потом опять поехали по пустыне. В пути спутником нашим стал один верховой. Под вечер мы доехали до Сардоба-и Мирза, до нее от Уч-Йагач – четыре фарсаха пути. Мы остановились здесь и расположились у стены сардобы, привязали лошадей к прибитым кольцам. Затем дали тому приставшему к нам попутчику большой чайджуш 120, чтобы он принес в нем воды из колодца в сардобе. Мой слуга занялся сбором дров. Мы намеревались вскипятить воду и выпить чаю, а ночь провести здесь и на следующее утро отправиться дальше. Наш деревенщина [попутчик] вошел в сардобу за водой, через [76] некоторое время вернулся с пустым чайджушом и сказал: «Я по незнанию отвязал веревку с бадьей от кольца на поперечном валике и спустил бадью на руках в колодец. Она наполнилась водой и я стал ее вытаскивать, но она у меня выскользнула [из рук] и упала в колодец». От таких слов этого глупца я сильно разволновался. Не дай бог, если эти люди, живущие на почтовой станции, подойдут к сардобе и узнают, что бадья исчезла, ведь эти безбожные ямщики начнут нас терзать и на наши крики о помощи никто не придет. Прежде, чем ямщики узнают об этом /86а/, необходимо было достать бадью из колодца. Крайне растроенные мы вошли в сардобу и все трое, развязав свои чалмы и кушаки с бедер, связали их друг с другом и, присоединив к ним недоуздки, поводья и подпруги наших лошадей, мы обвязали ими талию деревенщины и стали его спускать в колодец. Колодец был такой обширный в диаметре, что обе руки того человека вытянутые на уровне плеч не доставали до стен колодца. На полпути глубины колодца чалма или кушак – один из них оборвался, и мужик полетел вниз, на дно колодца. Послышался всплеск воды. Окончательно отчаявшись считать его живым, я сказал слуге: «Посмотри снаружи. Не дай бог, если ямщики и казахи придут и узнают об этом случае – они нас немедля столкнут в колодец. Легко было упасть бадье, а каково станет нам погибать из-за этого злополучного мужика?» Когда мой слуга вышел, я подошел к краю колодца и наудачу позвал того человека: «Жив ли ты или мертв?» И вдруг из глубины колодца послышался печальный голос: «Я живой, но хуже, чем мертвый, сижу на краю второго колодца». Глубина колодца была около 50 газов» 121 Я немедленно позвал своего слугу, и мы разорвали оставшиеся чалмы и кушак, связали их концы, присоединив к ним веревки, [которыми привязывали [77] лошадей] и опустили в колодец. Я крикнул: /86б/ «Привяжи к этому веревку с бадьей». Верёвку с бадьей мы стали осторожно тянуть наверх, ухватившись за веревку с бадьей, крепко привязали ее к кольцам на деревянном валике. Потом поспешно отвязали бадью и свободный конец верёвки опустили в колодец. Я крикнул: «Закрепи [веревку] вокруг своего пояса как можно лучше». Тот так и сделал. Мой слуга был человек энергичный и сильный; напрягши все силы, он стал тащить [из колодца] нашего попутчика, а я в крайнем волнении наматывал освобождающуюся часть верёвки на деревянный вал колодца. С такими трудностями, страхом и волнениями мы, наконец, вытащили из колодца этого человека. К удивлению своему я убедился, что ему не причинилось никакого вреда, никакого членовредительства. Полуживой, он теперь как бы обрел

новую жизнь. Воздавши благодарение единому благодетелю [богу], мы вышли из сардобы и увидели трех ямщиков-казахов, гнавших девять лошадей на водопой. Станция находилась от сардобы на расстоянии, примерно, тысячи шагов. Увидев ямщиков, мы вторично, поклонившись, возблагодарили [Аллаха] и пошли к месту своего привала за стеною сардобы. Принеся воды из сардобы, мы заварили чай, сделали чай с сахаром и сами, не притрагиваясь к нему, стали поить нашего попутчика, потому что у него, насквозь промокшего, от холодного воздуха и сырости в колодце и от страха смерти теперь зуб на зуб не попадал. Когда он поправился и пришел в себя, я спросил его об устройстве колодца. Он рассказал мне следующее: /87а/ «Когда веревка оборвалась и я полетел на дно колодца, я сразу же упал в воду, но не мог достать ногами дна и едва не захлебнулся. Но высунув из воды голову я ухватился за край второго колодца и, высунувшись из воды, вылез, я увидел, что вокруг меня [78] гладкая ровная поверхность. До этого места [строители] соорудили первый колодец очень обширный, а потом выложили второй колодец меньшего [диаметра]. Я уже отчаялся остаться в живых, но, услышав твой голос, я приободрился».

Итак, ту ночь мы провели подле этой сардобы, а ранним утром пустились в дальнейший путь. Достигнув почтовой станции Малик, мы там отдохнули, достали из тамошнего колодца воды, вскипятили чай и позавтракав, поехали дальше. Еще до наступления вечера мы подъехали к берегу Сырдарьи, где стояло судно, готовое к отплытию. Мы немедленно погрузились на него со своими лошадьми. Наш злополучный спутник, намереваясь ввести свою лошадь на паром, стал ее сильно подталкивать сзади. Лошадь, испугавшись, бросилась в сторону и упала в реку, а ее незадачливый хозяин, пытаясь ее удержать, перевернулся и полетел вместе с лошадью в воду. С судна понеслись крики, поднялась суматоха. Судовщики еле-еле вытащили из воды злополучного деревенщину, направившегося на тот свет, /87б/ и его лошадь. Я спросил деревенщину: «Эй, злополучный! В чем тут дело, что с тобою все время случаются несчастья?» Он мне ответил на это: «Я выехал из тумана Варданзи 122, направляясь в Ташкент. Приехал в Самарканд, там уселся на русской дороге с целью совершить омовение. За это я неделю сидел под арестом. А в Джиззаке в течение трех дней подвергался разным неприятностям. По дороге Чул-и Мирза перенес эти ужасные страдания. Сейчас упал в реку. Не знаю теперь, какие еще происшествия меня ожидают».

Переправившись через реку [Сырдарья], я распростился со своим злосчастным попутчиком, пожелал ему всего лучшего и вскоре забыл его встречу с нами. [79]

Рассказ

Помню, когда мы вместе с слугой верхом выехали из Ташкента и достигли берега реки Сырдарья, нам сопутствовали несколько бухарских и самаркандских купцов. Ко времени предвечернего намаза мы с друзьями сели на судно. Но вдруг вода реки пришла в волнение. С наступлением сумерек судно подплыло к переправе. Приблизившись к берегу, оно опять отошло назад. Судовщик веревкой притянул судно к берегу и привязал к колу. Затем пассажиры спокойно покинули судно. Некоторые унылые люди, считая себя ловкими, при приближении судна к берегу, кто в одиночку, а кто со своими лошадьми, выскочили на берег. Узда моего коня была в руках слабоумного слуги, который с приближением судна к берегу, /88а/ сошел один на берег и пока он возился с конем, судно отошло от берега. Моя лошадь упала в воду,

а узда ее осталась в руках слуги. На [лошади] был хурджун 123, полный ценных вещей, европейской и китайской верхней одежды, купленных по заказу милосердного султана султанов Саййид эмира Музаффар-хана. На хорджуне была моя шуба, привязанная торокой 124. Все наблюдали, как бедная лошадь попала в стремнину и старалась перебороть течение. Все мои друзья сожалели, когда вода ее понесла, и она потеряла надежду. Бесплезно было горевать. До наступления вечера голова лошади чуть-чуть виднелась. А с наступлением темноты она исчезла из виду. Предстоящий путь наш проходил по Чул-и Мирза. Немного похолодало. В хурджунах товарищей были продукты. Я сказал им: «Сложите все понемножку и приготовьте еду. Поужинаем и после вечернего намаза пустимся в путь. Не жалеете о коне и вещах, так будет лучше». [80]

Приготовив плов, мы поели и после вечернего намаза, как только собрались в путь /88б/, с той стороны реки раздались два пистолетных выстрела и поднялся шум. С противоположной стороны к нам направлялось судно. Я сказал своим товарищам: «Подождем до прихода судна. Узнав причину этих криков и выстрелов из пистолета, пустимся в путь». Товарищи остановились. Через некоторое время судно подплыло к берегу и находившиеся там люди торопливо сошли на берег. Я увидел своего коня на судне, который стоял с прикрепленным на нем грузом. Коня свели с судна и передали мне. Принеся благодарность истинному благодетелю, по милости Аллаха, я невольно заплакал [от радости]. Поклонившись Аллаху, я спросил о подробностях случившегося. Главный судовщик татарин Мулла Шакир был мне знаком. При каждой переправе он приглашал меня к себе и угощал имеющимися у него припасами. Его слуги привели моего коня и сказали: «Приблизительно в полуфарсанге от места переправы ваш конь, плавая, вышел из воды. Затем, увидев большие фонари у места переправы направился вдоль берега прямо к переправе. Мулла Шакир, увидев в бинокль свалившегося в реку коня, сначала очень пожалел. Но когда он увидел коня [на берегу], то обрадовался и, чтобы сообщить вам об этом, он дважды выстрелил из пистолета. /89а/ Люди, которые сажались на судно, были готовы. [Мулла Шакир] отдал коня мне и просил доставить его к хозяину и передать от него привет. Я дал этому человеку 20 рублей в подарок. Попрощавшись с ним, мы той ночью вместе с товарищами пустились в путь и в полдень достигли Сардоба-и Мирза, до которой от берега реки было семь фарсангов расстояния. Спешившись, мы отдыхали два часа. Покушали, попили чаю. Попасли [81] и напоили коней. Затем поехали. Сколько ни говорили товарищи открой мол хорджун и проверь свои вещи, от сырости они наверное испортились, я отвечал им: «Что было, то было, бесполезно теперь проверять вещи. По милости Аллаха, коня и эти вещи дал мне всевышний господь. Даст бог, не причинилось вреда». Проехали еще четыре фарсанга и прибыли в местность Уч-Йагач. Здесь провели ночь и на следующий день пустились в путь. Проехав три фарсанга, мы достигли вилайата Джиззак и остановились в доме Муллы Абу-л-Касьма, моего старого друга. После отдыха я открыл свой хорджун и увидел, что драгоценные и изящные вещи, которые я завернул в свои одежды, нисколько не отсырели; мои же вещи немного промокли. Я принес благодарность всеильному Аллаху за его могущество. Разобрал седло и другие конские принадлежности и высушил их на солнце. Ночь мы провели здесь и снова выступили в путь и прибыли в Самарканд. Оттуда проехали в Китабский вилайат, встретились с его величеством благородным [эмиром] и удостоились чести поцеловать руку и благословить его.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПАДИШАХЕ САЙЙИДЕ ЭМИРЕ АБДУЛАХАД-ХАНЕ, СЫНЕ АБУ-Л-ГАЗИ САЙЙИДА ЭМИРА МУЗАФФАРА СУЛТАНА

Саййид эмир [Абдулахад-хан], как только услышал о смерти достопочтенного своего отца, выехал из вилайата Кермине и направился в благородную Бухару. Пишущий эти строки был тогда амлакдаром туманов Хутфар и Самчин. Мы вместе с другими амлакдарами туманов еще при жизни средоточия всепрощения, Саййида эмира Музаффар-хана, прибыли к высочайшему стремени и все еще находились при высочайшем стремени. [82] Когда милосердный господин [эмир Музаффар] скончался, все слуги вышли навстречу наследнику престола, принцу [Абдулахаду] до местности Малик, находящейся в двух фарсах от Кермине. Здесь мы удостоились чести целования его руки. Оттуда вместе со свитой августейшего прибыли в благородную Бухару, поднялись на высочайший Арк и посадили [принца] на унаследованный престол. [После], подняли тело милосердного господина [Музаффар-хана] и прочитали похоронную молитву в [мечети] Боло-и хауз 125. Похоронили его тело на благословенном месте Хазрат-и Имла, да будет ему милость Аллаха, и прочитали молитву, да помилует его Аллах!

В пятницу шестого сафара 1303 г. х. [14 ноября 1885 г.] Саййид эмир Абдулахад-хан прибыл из Кермине и вступил в Арк благородной Бухары. /90а/ В понедельник [в Арке] собрались простой народ и благородные, улемы и военачальники и по закону Чингиза, по правилам Тимура и по ясе монголов наследника престола, господина принца, посадили на белой кошме его предков, а старшины девяносто двух узбекских племен с четырех сторон поднявши, посадили его на царский трон и объявили падишахом. Отовсюду раздались возгласы поздравления. В течение трех дней и трёх ночей не прекращалась игра на радостных литаврах и царских карнах. Счастливый господин падишах открыл шахскую казну и раздал [деньгами] и верхней одеждой бесчисленные подарки всем улемам, военачальникам и высокочтивым слугам и чинам, всех удостоил отличием. От всех правителей прибыло множество подношений и подарков. [Эмир] за каждый из них выразил свою султанскую благодарность и был счастлив. После этого, думая о спокойствии населения и подданных высокого государства, стали готовиться к отправке посла в Петербург. [83] Посоветовавшись, послом назначили вазарат-панаха Астанакулбек-бия диванбеги, правителя вилайата Шахрисабз. Вместе с упомянутым вазарат-панахом в Петербург отправили Мирзу Джалала диванбеги, меня, пишущего эти строки, Мирзу Хидайатулла мирахура, Раджаб Али и Мирза Шарафа. Тогда еще поездов не было. Мы сели в русские почтовые арбы /90б/ и поехали в Ташкент. Здесь мы пробыли неделю. Ташкентский губернатор отправил вместе с нами своего переводчика, одного казаха по имени Исфандийар и главного проводника. Тогда стояла очень холодная погода. Выехав из Ташкента, мы направились в Оренбург. Проехав через Чимкент, Ак-мечеть, Казакли 126, Кармакчи, Кяты, мы за неделю достигли Йаманкалы. Остановились в доме младшего брата Назарова и отдохнули три дня. Для нас он устроил блестящие банкеты. Все услуги оказывали его дочери, красивые и сладкоречивые. Через три дня, попрощавшись, мы выехали оттуда и за сутки достигли Оренбурга. Устроились в приготовленном для нас губернатором Оренбурга доме Назарова. Перед [нашим приездом] сам Назаров вместе с женой уехал в Москву. Во главе всех дел он оставил своего младшего брата Ивана. Но все расходные и приходные дела были в руках одной дочери [Назарова], луноликой, фееподобной, с красивыми манерами. Стихи: По свойству красоты научились у феи.

От ее красоты озарены девять тарелок. Она была в совершенстве красивой. Очаровательному ее младшему брату было лет четырнадцать-пятнадцать. Сама

она, фееподобная, была семнадцати лет. В доме [Назарова] мы жили десять дней. За это время его луноликая дочь ни на минуту не переставала ухаживать за нами. Каждый раз она по нашему вкусу приносила различные обеды /91a/ и сладкие фрукты и до полуночи, находясь при нас, напевала ласковые песни и проявляла [84] обязательность. Все мы, очарованные той розоликой и стройной [девушкой], десять дней не сочли даже за десять часов.

Итак, через десять дней, с тысячами досад, мы выехали из Оренбурга, сев на поезд и через Самарскую губернию доехали до Москвы, а оттуда прибыли в Петербург. Император из уважения своего к Бухарскому падишаху послал к нам [навстречу кое-кого] из высших чиновников. Построили [караул] из солдат и с большими почестями привели нас в гостиницу «Гранд Отель» на Малой Морской [улице], и оказали нам большие любезности. Через два дня мы, взяв с собой подарки от государства благородной Бухары и высочайшее письмо эмира, направились во дворец императора [Николая] Александровича. Повидавшись с ним, мы представили ему подарки. Император и наследник престола в течение часа осматривали бухарские подарки и остались довольны любезностью [нашего] высочайшего господина. За каждым из нас ухаживали и [император] нас обласкал и наградил орденами Станислава 127, бриллиантовыми перстнями, золотыми часами и чекменями с золотыми позументами, отчего мы довольные вернулись на свои места. Благодаря ласковому отношению императора, мы осмотрели и прогуливались в парках Петергофа, Гатчины, Царского Села, [осмотрели крепость] Кронштадт, огромный город на море. В Петербурге мы находились шестьдесят два дня. Каждый день осматривали достопримечательности города, а по вечерам /91b/ развлекались в театрах и на гуляниях. В библиотеке [Петербурга] видели Коран, автограф его святейшества Усмана 128, да будет доволен им Аллах, и удостоились читать его. В других областях России имелись мусульманские мечети. А в Петербурге подобной мечети не было. Здешние мусульмане нанимали помещение и читали там [85] пятикратные и пятничные молитвы. Его величество Саййид эмир Абдулахад-хан за время своего правления четыре раза ездил в Петербург и имел с императором Николаем Александровичем дружественные связи. В Петербурге он построил прекрасную мечеть, такой высокой мечети не было ни при каких царях. В честь справедливого царя, по обычаю дружбы [эмир] построил в Петербурге такую мечеть, что она удивила весь мир. Кроме того, в величественной Мекке и священной Медине, их обеих сотворил бог, он преклоняясь и почитая их, возвел высочайшие дома для странников на пользу дела паломничества. Для жителей этих двух священных городов он выделил тридцать чтецов Корана и тридцать проповедников ради господина Аллаха и в знак благодарности его светлости великодушному посланнику [Аллаха – Мухаммеду], да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир. На их содержание и на расходы домов для паломников от имени благородной Бухары он построил торговое здание и другие строения. Доходы с них предоставлялись в пользу обеих городов, ибо они творение бога. Никто из прежних государей не совершал подобных дел, но нашему щедрому, справедливому государю /92a/ это довелось сделать. В районе Бахчисарая он взял [в аренду] богатый чарбаг. Каждое лето он ездил туда и, отдохнув три месяца, опять возвращался на престол своего владычества. Большую часть своей жизни он провел в Кермине, в юношеские годы он жил здесь 14 лет. Там у него были три прекрасных раеподобных чарбага. За время своего двадцатилетнего царствования этот владыка, повелитель народов эмир Саййид Абдулахад-хан держал под своей властью все богохранимые вилайаты Маверауннахра: от благородной Бухары до Дарваза и Каратегина и со стороны

киблы до вилайата Кабаклы под Ургенчем, от Карши до Шахрисабза и Китаба. Все вилайаты находились в [86] спокойствии. Извне никаких набегов не было. Благодаря этому могущественному царствованию, вилайаты благоустраивались и развивалась торговля. Сам [эмир], собрав большое количество каракулевых смушек и хлопка, отправлял их в разные области России, а из тех областей, в свою очередь, ввозил [нужные] товары. Расходы на себя и на шахские подарки [эмир Абдалахад] производил из прибылей от торгового дела; поземельный налог 129 с [бухарских] вилайатов он предоставлял [в пользу] служивых чинов, военных и нукеров. Излишки складывали в высочайшую казну, чтобы расходовать на предстоящие нужды. В период правления этого справедливого государя вазиром Бухары был Мухаммади-бий кулл кошбеги. /926/ После его смерти кошбеги стал Мулла-Джанбий 130, а после смерти последнего [везиром] стал Астанакул 131 кошбеги, внук Муллы Мухаммади-бия кошбеги. Все они были купленными рабами, верными [его величеству]... 132

Короче говоря, пробыв в Петербурге 62 дня, мы осмотрели предприятия, производящие пушки и ружья, монетный двор, где выпускались золотые и [серебрянные] монеты, бумажные деньги, фабрики, производящие парчу, камку, искусно сделанные фаранги 133 и ситцы, [торговые] ряды, ювелирные магазины и часовые мастерские. По вечерам ходили в театры. Каждой [просмотренной] пьесе были рады, за что благословляли своего падишаха. В гостинице на Малой Морской [улице] каждому из нас был выделен особый двухкомнатный номер, где мы отдыхали со всеми удобствами...

Через шестьдесят два дня нам разрешили уехать. Сопровождающий приезжал с подарками от императора. В частности, покорному слуге – большие золотые часы, один бриллиантовый перстень, один /986/ шестизарядный револьвер, орден Станислава второй степени, один [87] чекмень суконный и с галуном. Через два дня мы поехали на вокзал. Генералы и несколько человек из чиновников проводили нас до железнодорожного вокзала. Мы разместились в вагонах и попрощались...

Поезд двинулся, но я до самого приезда в Казанскую область не смог удержать себя от слез. И это все из-за расставания с луноподобной красавицей. В Каз;ани [мы простояли] четырнадцать дней. Оттуда на пароходе по реке Волге, любуясь берегами, мы прибыли в Москву. Здесь мы находились пять дней, /996/ знакомимся с неописуемыми достопримечательностями этой области. Оттуда приехали в Самарскую область, затем – в вилайат Джиззах. На неделю остановились в доме Назарова, который [от Кагана] до Бухары провел телеграф. Я тогда вместе с ним руководил работами по проведению телеграфа. На почтовой арбе мы приехали в Ташкент, затем в Бухару. В чарбаге Ширбудун, в царском дворце мы явились к его величеству [эмиру]. Будучи возвеличены султанскими милостями, мы находились среди слуг высочайшего двора. Несколько раз я в качестве посла ездил в Ташкент и Самарканд.

В 1306 г. х. [1889 г.] я удостоился должности начальника ночной стражи 134 города благородной Бухары. Целыми сутками я занимался делами охраны города. Ночами посещал [усыпальницы] святых людей и благославлял государя, его сыновей, братьев и друзей. Начальником ночной стражи я служил пять лет. В этой должности я завоевал доброе имя. Между тем, благодаря милости Аллаха и величия счастливого царствования великого господина, в квартале Масжид-и-Баланд я построил медресе из жженого кирпича, состоящую из 13 келий и передал в вакф. [Кроме того] сделал законным вакфом 135

значительную часть своих обрабатываемых земель и озер, поросших камышом. [88] Высочайший господин [эмир] упомянутую вакфную грамоту украсил благословенной печатью. Кроме того, я для мечетей выделил несколько [экземпляров] книг Салават-и Мас'уди /100а/ и Сиййар-и шариф. Купил лавки в каждом торговом ряду, как-то: в ряду жестянщиков, ряду Джуйбар, бакалейщиков и на Чарсу, и [тоже] отдал в вакф 136. Общеизвестно то, что я покупал книги и отдавал учащимся [в медресе] для чтения. За воротами Имам, рядом с благословенной мечетью его светлости Имама благодетеля, Абу Хафс Кабира 137, да будет ему милость Аллаха, я построил дом для слепых. В то время, когда пишущий эти строки был начальником ночной стражи, его величество господин эмир Саййид Абдулахад-хан, чье место в раю, собирался совершить путешествие в Петербург. Вазарат-панах Астанакул кошбеги, сын Мухаммад Шарифбия 138 диванбеги, были закятчию 139, [проживая] в Хаули-йи пойон 140.

Однажды вечером, после вечернего намаза, [кошбеги] согласно приказа высочайшего господина позвал меня и сказал: «Его величество отправляется в путешествие в Петербург. Для охраны благородной Бухары выделены три отряда регулярных войск. Им приказано нести охрану в трех местах города и следить за окраинами города и воротами. Его величество поручили мне, чтобы об этом мероприятии я поставил в известность начальника ночной стражи». Я в ответ сказал: «Вы довели до меня высочайшую милость. А мою просьбу к ним вы передали или нет?» Вазарат-панах ответил: «Если высочайшая милость намерена что-либо предпринять, что вы могли бы сделать?» Я сказал: «Скажите от моего имени его величеству, что если для охраны [города] оставляют три регулярных отряда, служба ночной стражи приостановится до их возвращения из благословенного путешествия. Все десятники 141 и ночные патрули 142 [89] /100б/ будут отдыхать и благословлять его величество». От этих моих, богомольца, слов вазарат-панах разгневался и ответил: «Куда вы хотите девать пять-шесть ночных патрулей, азартных игроков?» Я ответил: «Вы знаете об азартных играх ночных патрулей? Они, кроме читаемого пятикратного намаза, других занятий [не знают]. Однако я не намерен поручать обязанности каждого ночного патруля сотне сарбазов 143. Их [патрулей] дело охрана, а дело сарбазов – обман. Во-вторых, благородная Бухара имеет своего хранителя [бога]. Охраны не требуется. Барабанный бой и палки ночных патрулей лишь обычай. Прежде мне говорили, что Бухара – это тысяча кривых домов. Тогда я говорил: какой дурак узнал, что Бухара действительно состоит из тысячи кривых домов. [В Бухаре] имеются такие улицы, у которых начало одно, а дальше они разветвляются на три-четыре стороны и все они тупики. Ни один начальник ночной стражи, или бобо 144, или десятник, или ночной патруль ночью [этих тупиков] не видели. Сарбазы же днем шляют и видят некоторые зажиточные дворы без хозяев. Ночью они приходят и делают свое дело. Я не в состоянии отвечать за это. До возвращения высочайшего господина из путешествия я отказываюсь от обязанности начальника ночной стражи. » После этих слов я встал и пошел на свою работу.

Его величество тогда находился в чарбаге /101а/ Ситора-и Махаса 145 . Упомянутый вазарат-панах каждое утро приезжал к нему на прием, а в предполуденное время возвращался.

На следующий вечер [Астанакул-бий] кошбеги через своего человека позвал меня к себе и сказал: «Я доложил его величеству твои слова. Он одобрил их, приказал позвать начальника ночной стражи и передать, что три отряда

сарбазов для охраны города он не [90] оставит. Но для охраны султанских дворов поставил один отряд сарбазов. Как ты смотришь на это?» В ответ я сказал: «Всякое проявленное милосердие его величества несомненно является добрым делом. Раз для охраны султанских дворов определен один отряд солдат, то с условием: пусть они не расходятся по окрестным домам и обязательно находятся у стен [дворца]. В противном случае я их арестую». Вазарат-панах ответил: «Командиры будут патрулировать вместе с солдатами. Что скажете?» Я ответил: «Пусть они ходят с фонарями, в противном случае – если встретится хоть предводитель или войсковой командир – все равно арестую». Вазарат-панах эти мои слова тоже доложил его величеству. После чего [эмир], оказав внимание, [приказал] довести до сведения войсковых командиров, чтобы они ночью без фонарей не ходили, [в противном случае] начальник ночной стражи их арестует.

Короче говоря, через два дня его величество отправился в счастливое путешествие. Я согласно установленного порядка всех своих подручных: баба, десятников и ночных патрулей вывел за город и построил в один ряд вдоль дороги от чарбага деревни Талча до разветвления дороги в деревне Ширбудун. /101б/ По своему обычаю они были в зеленых чалмах, в коротких халатах [из материи] бикасаб 146 и адрас 147. Подпоясаны они были красными поясами. Каждому в руки была дана кривая палка. Имея при себе кроме того копья, они стояли в положении «смирно». Я стоял на другой стороне дороги. Его величество торжественно выехал из города и направился в сторону ночных патрулей, с удивлением посмотрел на их нарядный вид и, радуясь, приблизился ко мне. Я приветствовал его. Ответив на мое приветствие, [эмир] сказал: «Начальник ночной [91] стражи, ты ночами следи за спокойствием подданных, посещай [гробницы покойных] угодников [божьих], молись за нас и испрашивай благословение!». Я по нраву узбеков сказал: «Ваше величество, да стану я вашей жертвой! Я не справлюсь с задачей охраны [спокойствия подданных]. Благородная Бухара имеет своего покровителя – [Аллаха], поручите ему!» Как только произнес я эти слова, его величество сразу же громко заплакал и сказал: «Да, действительно, Бухара имеет своего покровителя, ему поручаем мы [охрану города]. И вы предоставьте [Бухару] ее покровителю!». После этих слов на его благословенных щеках появились слезы. Я тоже заплакал и расстояние в 15-20 шагов прошел рядом [с его величеством]. Потом он протянул [мне] свою благословенную руку, я поцеловал ее и благословил его. Поручая [его величество] всевышнему богу, я поблагодарил [его].

Слава богу, его величество из путешествия в Петербург благополучно возвратился через пять с половиной месяцев /102а/. Благодаря искренности добрых намерений его величества и моей, богомольца, преданности за это время у [бухарских] подданных никаких происшествий не произошло.

ТАРИХ-И САЛИМИ

Рассказ

В то время, когда я, богомолец, возвысился до поста начальника ночной стражи, кази-каланом 148 благородной Бухары был главный судья Кази Мулла Абдашшукур 149.

Тогда, кроме упомянутого кази-калана, лучшего преподавателя и более известного ученого не было. Однако вследствие раздражительности он по характеру своему был немного суров. Я после двух-трех месяцев [службы] в

должности начальника ночной стражи однажды после обеда зашел [к кази-калану]. По приходе [92] [моем] он сначала снизошел ко мне, справился о моем здоровье и сказал: «Мы рады тому, что ты стал начальником стражи, потому что ты от людей никаких взяток не берешь, а когда они подносят деньги, ты их возвращаешь. От такого сочувствия кази-калана я остался доволен и в ответ сказал: «Я такой большой должности не был достоин. Я удостоился [этой должности] благодаря ласковому отношению к рабам моего высокого господина». От этих моих слов кази-калан разгневался и сказал: «Покайся! Не ты был достоин этой должности, а его величество нашел тебя достойным! Еще раз покайся. Ты знаешь мое происхождение?». Я, богомолец, теряя соображение, ответил: «Господин, вы являетесь учителем ученых руководителей Бухары». Он ответил: «Нет, нет! Я не сын муллы, господина или сановника. Моего отца звали Уста Абдаррасул, стиральщик одежды 150. Он проживал в крайней нищете. У него было трое сыновей. Из этих троих /102б/ меня отдали в школу и дали образование. После того, как я получил грамоту, меня оставили в медресе и я там начал преподавать. Учащиеся медресе меня упрекали и говорили, мол, сын стиральщика одежды преподает [в медресе]. Я им ничего не отвечал. Когда я кончил свое доброе дело, то стал мударрисом в медресе Авазбай араба 151. Бухарские муллы насмеялись надо мной и упрекали: «Сын стиральщика одежды стал мударрисом». Благодаря милости Аллаха в Бухаре я стал раисом 152. Они все возмущались: «[Сын] стиральщика одежды стал мухтасибом!» 153. Я говорил: «Всемогущий бог, сделав меня мухтасибом, не ошибся. Теперь я стал кази-каланом, а ты стал начальником ночной стражи. Если его величество в назначении меня кази-каланом, а тебя – начальником ночной стражи допустим, просчитался, то всевышний бог не ошибается». Я покался, после чего он приказал [93] принести угощение. Он сказал: «Сын мой, ты от этих моих слов не утомился?» Я ответил: «Я сожалею, что к вам, господин, пришел слишком поздно и все эти ваши добрые наставления не получил раньше. Этих отеческих ваших наставлений я не забуду вовек». Его сын, Мирза Мухаммад Шариф 154, находился с нами, [кази-калан] спросил: «Знаете этого махдума?» Я ответил: «Они свет очей всех улемов и искренне преданных вам людей». Кази-калана сказал: «Этот махдум будет вашим младшим братом, а вы – его братом /103а/. Вы согласны?» Я принял [это предложение] с радостью, [кази-калан], обратясь к махдуму, сказал: «Мирза Мухаммад Шариф! Начальник ночной стражи [Мирза Салим] – бек будут братом, вы станете младшим братом этого человека. Вы принимаете это?» Махдум поднялся со своего места и дал согласие, [кази-калан] приказал: «Теперь проводите своего брата!» Затем, произнося бесконечные благословения, проводил меня. Через год упомянутый кази-калан умер. На место этого человека кази-каланом стал раис благородной Бухары Мулла Мир Бадраддин 155. Его величество все дела благородной Бухары вели в согласии с упомянутым кази-каланом. Всякое дело или предприятие в стране проводили согласно совету упомянутого кази-калана. Даже [правители[вилайатов свои мероприятия не проводили без совета с кази-каланом. Раисом Бухары стал Абдулхамид-ходжа 156 садр 157, потомок Шейха всего мира, да будет ему милость Аллаха. Ахундом 158 медресе Кукалдаш были тогда Ишан Ариф-ходжа садр. [94]

Рассказ

Имам [мечети] Ходжа Мухаммад-турк Дженди, да будет ему милость Аллаха, Кари Хайат раньше был хатибом 159 мечети Шейх Шана. Он справлял торжество [по случаю обрезания своего сына]. На свадьбу торжественно он позвал всех отличающихся глубокими знаниями ученых. Среди прочих он пригласил и

пишущего эти строки. Его дом был полон крупных ученых и муфтиев 160 . Я тоже находился среди них. Мулла Исамаддин, муфтий, который в вынесении фетв 161 был царем царей [того] времени, протянул свою руку к /1036/ упомянутым раису и кази-калану и попросил у того ахунда [Ариф Ходжа-садра] нас 162. Ахунд, вынужденный из-за пазухи табакерку с насом, передал ему. Муфтий взял табакерку с насом и, обращаясь ко мне, богомольцу, сказал: «Начальник ночной стражи Салимбек, вы разве курите чилим? 163» Я не успел еще ответить, как ишан ахунд сказал: «Начальник ночной стражи [Салим] – бек – шейх, не имеет дела ни с насом, ни с чилимом». Опять [мулла Исамаддин] муфтий, обращаясь ко мне, сказал: «Тот мулла, который не курит нас – не мулла, а чиновник, не курящий чилим – не чиновник». Я в ответ сказал: «[Как я слышал] от Муллы Абдашшукура, кази-калана, он, будучи раисом [Бухары], большую часть людей на базаре наказывал. Он обходил все улицы и распространял добрую весть: «Тот, кто курит нас или чилим, будет наказан! Господин, покойный кази-калан, прочитанных вами книг, [выходит], не читал и наказывал беспомощных невинных людей». От этого моего ответа все присутствующие улемы расхохотались. Тут же принесли скатерть и разложили кушанья. После того, как покушали, все встали и разошлись. Ко времени отхода [95] ко сну я, как обычно, прибыл на регистан высочайшего Арка, пробил в барабан и занялся было отправкой людей на [свои] места, как от кази-калана пришел ко мне человек и вручил мне записку, я зашел к кази-калану. Он с большой любезностью сказал: «Сегодня вы достойно ответили Мулле Исамаддину, причинив ему досаду. До сих пор он такого решительного ответа ни от кого не слышал. Все избегали встречаться с этим муфтием. Если он начинал говорить, то никто не имел права прерывать его. Всевышний бог, такой бог, что один неученый чиновник в споре с первых же слов победил такого высокоэрудированного ученого [нашей] эпохи и тот в ответ ни слова не сумел произнести. Вы бы сами не смогли ответить этому муфтию. Этот ответ не был вашим собственным. Вам внушил его ангел, а вы произнесли его. Попросив [у меня] нас, корыстное его обращение к вам было намерением меня обидеть. «Тот мулла, который не курит нас – не мулла». На том вечере «не муллой» оказался я, потому что я не курю. Остальные все втянуты в беду курения наса. Ваш ответ спас меня от оскорбления». Так он, бесконечно поблагодарив меня, пожаловался на упомянутого муфтия.

Так, в 1306 г. х. (1888–1889), в году мыши, сделавшись начальником ночной стражи в Бухаре, я на протяжении пяти лет и двух месяцев благополучно справлялся со своей службой и был с жителями Бухары в хороших отношениях. В 1310 г. х. [1892–1893], в году рыбы, в благородной Бухаре распространилась повальная болезнь, от чего погибло много народу. С наступлением следующего года, года змеи, начало весны выдалось необычайно засушливым. Дождя не было. [Ветер] ежедневно нес тучи пыли. [В этом году] его величество господин эмир Саййид Абдулахад-хан меня /1046/ возвысил до чина туксабы и назначил правителем вилайата Яккабаг 164, подарив [96] драгоценный набор верхней одежды и коня с дорогой сбруей, после чего отпустил домой. Я, прибыв в упомянутый вилайат, назначил амлякдаров над каждым амляком вилайата и занялся упорядочением своих дел, и благословением его величества.

Яккабагский вилайат – местность с приятным климатом. На его северной стороне протекает речка 165. На его западе расположен Бешарикский амлак, Амлак-и Дюль 166 и Карабаг 167, которые простираются на расстоянии пяти-шести фарсахов в сторону Карши. На северной стороне [Яккабага] – амлак Имам Йакуб не достигает Шахрисабза на полтора фарсахов. На восточной

стороне его – амлак Боз-Арык и амлак Сумак, амлак Таш-курган и горы, которые протягиваются на расстояние в пять-шесть фарсахов. Южная часть [Яккабага], амлак Бобо-Шоди 168 и Кара-Йагач 169, простирается в длину на три фарсаха до благословенной [гробницы] Шейха Садыка, называемой Лангар 170 Хирка 171 его святейшества достопочтенного посланника, да благословит его господь и да пошлет ему мир, находится там и счастливый эмир Тимур, да осветит [Аллах] его могилу, [это рубище] привез из преславной Сирии и передал Шейху Хасану Анхари-йи Самарканди, да помилует его Аллах. Рубище по наследству дошло до его светлости Шейха Мухаммад Садыка, да помилует его Аллах. Падишах Мирза Улугбек, сын Мирзы Шахруха, сына эмира Тимура на том месте построил мечеть, ханака и айван из изразцов и женого кирпича. За исключением Самарканда, более прекрасных строений нигде не имеется. /105а/ Благословенное рубище вместе с благословенной шапкой [его] находшсь в особом доме, в комнате, завернутые в несколько оберток в сундуке. Ежегодно четыре недели в месяце джауза это место становится местом собрания людей. Люди, приезжая со всех сторон, [97] совершают паломничество и приносят ходжам жертвы. Здешние мутаваллии 172 по благословенному указу Бухарского падишаха назначаются из среды тех ходжей. Благочестивый падишах Мирза Улугбек отдал в вакф местным ходжам посевные богарные земли пяти амлаков. Кроме того, в помещении, где находится благословенное рубище, находится в пяти-шести частях Коран, написанный рукою Усмана, да будет доволен им Аллах. И его привез счастливый эмир вместе с благословенным рубищем. Я раз в месяц ходил на поклон благословенному рубищу, утирал им свое грешное лицо, проливал свет своим очам и возвращался.

Два раза я ездил в Ташкурган для прогулки по горным местностям и любовался чудесными горами, за что благодарствовал всевышнему.

Однажды, когда я ездил в Ташкурганский амлак, услышал о чудесной крепости Ширан 173, и захотелось мне побывать в ней. Собрав людей из местных надежных жителей, направились мы в крепость Ширан. Мне сопутствовали примерно 23 человека. /105б/ Ночь мы провели на дороге. Несмотря на то, что было время [созвездия] Рака, с наступлением вечера в палатке разводили огонь и сидели при нем. Мы вертелись словно жаркое на вертеле, чтобы согреться, потому что был такой сильный холод, что необращенную к огню часть тела обдавало [холодом]. С наступлением дня мы тронулись оттуда и перед обедом достигли крепости Ширан. Вижу, что, начиная с высокой горы между двумя горами, лежит земля площадью примерно в двадцать танабов 174. Между двумя упомянутыми горами текла стремительная речка, которая являлась началом реки Яккабаг. Здесь изобиловали дикие плодовые деревья абрикоса, черешни, яблони, алычи, конца которых нельзя было видеть. Деревья, находившиеся на одной стороне горы только [98] что зацветали. На другой стороне горы появлялись зеленые плоды [абрикоса], которых можно было есть. Но стоящие друг против друга две горы были так прозрачны, как будто кто-то отшлифовал их. На середине горы, находящейся на правой стороне, находились ворота, сложенные из четырех бревен. Над этими воротами из строганных четырех бревен была устроена вышка. Один ее столбец упал. Остальные три стояли на своем месте. Ворота упомянутой вышки находились от земли выше тридцати-сорока газдов, и от вершин гор они были расположены примерно на сорок-пятьдесят газдов /106а/ ниже. Стоя внизу, мы сколько ни думали, не могли понять, что же это за постройка, кем она сделана и откуда к ней ход? Среди нас находились два-три человека из Ташкургана, начитанные люди, но они не знали, с какого времени существует [эта постройка]. Следующим чудом

горы было то, что слева из горной крепости низвергался водопад с большой высоты. [Его диаметр] был более диаметра арбузов, т. е. все [ручьи], соединившись вместе, устремлялись струей, размером с арбуз. Эта водная струя, стремилась вниз, [по пути] размельчалась до размеров круглых шариков. На дальнейшем своем пути эти круглые шарики приобретали размер куриного яйца, а при достижении земли они совсем исчезали из виду. Мы подъехали поближе и стали следить: падающие [огромным потоком] мельчайшие капли были похожи на росу. Вниз устремлялось множество воды и впадало в реку.

Короче говоря, мы оттуда проехали дальше, и перед нами оказались дикие чарбаги, различные сорта плодовых деревьев которых нельзя было сосчитать, и приточные воды. Ели и можжевельники тянулись вверх к небу больше, чем на тридцать-сорок газов. Всюду была зелень и веселый вид. Здесь мы слезли с лошадей и [99] приказали достать продукты для приготовления пищи. Поставили самовар и стали пить чай. Все кухонные принадлежности и другие нужные припасы были привезены нами. После [обеда и] отдыха мы, приблизительно, двадцать человек, пошли осматривать крепость Ширан. Мы поднялись наверх на 40-50 шагов. Там стояли остатки больших ворот, /106б/ через которые мы вошли [в крепость]. На расстоянии около ста шагов находилось закрытое сверху [помещение] наподобие конюшни. Все оно было вырублено в горе. Разрез помещения равнялся 30 газам. По обе стороны стен были сложены из обтесанного камня станки. Между каждыми двумя станками были вытесанные из мрамора столбики 175, некоторые из которых стояли еще на месте, а прочие-отломлены, полусломанные. Высота потолка помещения была такова, что если всадник держал в руке меч, то не доставал потолка. Все это помещение было отстроено вырубанием горной породы.

Короче говоря, осмотрев это [помещение], мы вышли через другие двери и оказались у больших ворот, наподобие городских. Но створок на месте не оказалось, а следы их были заметны. Мы вошли в эти ворота и обнаружили на правой стороне лестницу, сложенную из камня. Кого-то попросили подняться и посмотреть, там оказался престол и несолько широких суфф из обтесанных камней. На всякий случай мною были взяты с собой два-три фонаря, три-четыре железных факела, две чашки льняного масла и два-три кадака 176 восковых свечей.

Отсюда мы двинулись вовнутрь. Высота потолка равнялась высоте первой конюшни, которую мы видели. Верхний разрез помещения равнялся примерно двадцати газам. Верх закрытый. Его крыша и окружность [кажется] высокой горой. Внутренние его стены были сплошь [100] покрыты резными ислими 177 и рельефными изображениями. В обеих стенах имелись вырубленные большие и маленькие ниши. /107а/ Большая часть ниш была с каменными решетками. В разных местах стояли вытесанные из камня шандалы. В двух-трех местах лежали сделанные из камня ручные мельницы. Некоторые, которых живущие в степи и пастухи не смогли стащить с места, были разбиты.

Короче говоря, засветив факелы, взяв с собой хлеб, мясо, воду и другие продукты мы прошли примерно 200 шагов и оказались на просторном месте с проходами, похожими на купол ювелирных мастерских в Бухаре. Посредине стоял большой белый мраморный столб яхонтового оттенка. Верхний конец был скреплен с потолком. А нижний конец висел. Но [со стороны] казалось, что подстолбник на месте. С течением времени люди выломали его.

Итак, мы там просидели приблизительно с полчаса и осмотрели все. Отсюда хотели направиться дальше вперед. Но туда дорога постепенно сужалась. Ишан Саййид Абдулла Хирати и Хидир мирахур, саркарда, сочли нецелесообразным дальнейшее продвижение, опасаясь за жизнь, и остановили меня, потому что местами лежали кучи больших камней, свалившихся с потолка. С нами были также недавно закончившие учение Мулла Абдашшукур, Мулла Исматулла и Наман из Ташкуртана. Они рассказали: «Мы несколько раз заходили сюда и тогда видели, что проход в ту сторону, кажущийся сейчас узким и низким, был длинней, чем сейчас, более, чем на 20 шагов. Дальше проход /107б/ расширяется, Примерно через 100 шагов он опять сужается и становится низким. А через 30 шагов – снова расширяется. Таким образом, примерно, через тысячу шагов проход опять сужается, [ширина его] местами становится [101] равным высоте от земли до колена, местами до груди. Примерно через 20 шагов, проход опять расширился, и мы оказались возле помещения с одностворчатой дверью с деревянным косяком. Мы подошли к двери. Та комната оказалась полна воды, количество которой мы не могли определить. Мы боялись войти в помещение, как бы оно не оказалось заколдованным. Напротив нас в помещении имелось отверстие, откуда виднелись деревья. Может быть, как говорят люди, [те деревья] относятся к вилайату Сар-и джуй» 178.

Итак, выслушав от упомянутых студентов подробный рассказ, мы встали со своих мест и по дороге, по которой пришли, поднялись наружу. Поблагодарив бога за благополучный выход, мы сели подле тропы у ворот и закусили хлебом с мясом и попили холодного чая. Затем спустились вниз и зашли в созданные величием бога чарбаги. Плов был готов, поели и оттуда пустились в дорогу. Проведя ночь на вчерашнем привале, мы приехали в Ташкуртан. Оттуда через Зармаст 179, пройдя немного от местности Бардан 180, мы заглянули вниз и увидели такое зрелище, которое нельзя описать. Короче говоря, с горы мы медленно спустились вниз /108а/ и нам казалось, что все спускается ниже семи пластов земли.

Если смотреть на небо, то кажется, что небо исчезло, и небом является земля с того места. После долгих стараний мы взобрались наверх и увидели светлый день. Затем приехали в крепость Яккабаг и совершили поклон и благодарение [Аллаху].

Я правил Яккабагом пять лет. Время, когда я был возвышен на пост правителя, было началом года змеи 1311 г. х. [1893]. Тогда один ман 181 зерна стоил от 11 до 12 тенег. Я тогда по необходимости 200 манов зерна с трудом продал за 2300 тенег. Два килограмма баранины стоило от [102] полтеньги до трех мири 182 Каждый дунимсир 183 бараньего сала стоил от 8 до 9 тенег. Остальные продукты были в подобных ценах. С того времени прошло 25 лет. 1336 г. х. [1917]. Начало этого года тоже было годом змеи. По неисповедимой воле господина [цена] за один ман зерна стоила 10000 тенег. В некоторых вилайатах, подчиняющихся благородной Бухаре, [цена] одного мана зерна достигала 13-14 тысяч тенег. Подобное ни в какую эпоху не наблюдалось, чтобы один ман риса стоил 14000-15000 тенег, два чайрака 184 бараньего мяса – 200 тенег, два чайрака говядины – 150 тенег, два чайрака бараньего сала – 300 тенег. Все /108б/ зерновые и продукты были столь же дороги. В вилайатах областей Ферганы и Туркестана один ман любого вида зерновых достигал до двадцати тысяч тенег. Перед месяцем Рамазаном 1336 г. х [1917 г.], года лошади, цены на зерновые начали снижаться. Около 200 манов хлебной пшеницы мне было преподнесено в знак благодарности.

Вследствие падения стоимости [денег] я, оценив [эту пшеницу] в 1500000 тенег, отдал под долговой документ.

В 1311 г. х. я, бывало, продавал 200 манов зерна за 2300 тенег. А в 1336 г. х. [1917 г.], то есть через 25 лет, я 200 манов зерна продал за 1500000 тенег. На этом мы еще подробно остановимся.

Рассказ

Как мне помнится, в 1288 г. х. [1871], в году барана, зима пришла суровая и [озимую] пшеницу побил морозом. Поэтому в благородной Бухаре началась большая дороговизна: один ман зерна стоил 100 тенег, один ман муки – 120 тенег. Остальные все продукты были дешевле. Несмотря на это, жители впали в панику и [вместо хлеба] покупали чайрак [урюка] гулунг 185 за 12 фулусов 186 [103] и кормили своих детей. Следующий год был годом обезьяны. В этом году в благородной Бухаре распространилась повальная болезнь. Синели ногти людей, большинство которых погибало. /109а/ Дело дошло до того, что для перенесения на кладбище трупов иногда не находилось людей. В те дни я вместе с Кари Джурабаем, сверстником моим, и Кари Банатом, человеком помешанным в уме, сели на коней и поехали на поклонение его светлости Ого-и Бузург, и к вечеру прибыли в местность Диха-йи Лукман и остановились в доме Мирзы Канд, мираба 187 Хайрабада, который был из одного квартала [со мной]. Привязали мы коней и стали отдыхать. Мать мираба была и для нас как мать. Она заклинала нас, чтобы мы, проходя по огороду, не ели дынь. Во время распространения болезни употребление дынь считалось вредным. Мы, услышав о дынях после вечернего намаза, пошли в огород. Скороспелые дыни уже поспели. С вечера до полуночи мы ели дыни. [На следующее утро], прочтя утреннюю молитву, мы пешком направились в сторону [гробницы] святого. Погода стояла такая жаркая и дул такой знойный ветер, что наши лица горели. До [гробницы] его светлости Великого господина оставалась еще четверть фарсанга. Посередине дороги стояла крепость Рамиш. Благодаря могуществу всевышнего бога, со стороны Великого господина двигалась, словно стрела, черная войлочная кибитка, внутри которой горел красный огонь величиною с дыню и стал кружиться. Мирза Банат, одержимый, сказал: «Эй ребята, видите, что идет к нам навстречу». Мы все чуть не заплакали. Двое упомянутых чтецов Корана, проливая слезы, стали нараспев читать Коран. /109б/ Я тоже, в свою очередь, стал читать запомнившиеся стихи Корана. Мы все начали рыдать. Черная кибитка и упомянутый огонь приблизился к нам на расстояние около 200 шагов. [104] По воле и милости Аллаха одного человека ударило и подняло над упомянутой кибиткой и огнем, и все вместе они поднялись выше крепостной стены и оказались внутри разрушенной крепости. Время от времени черная кибитка поднималась выше и упомянутый огонь продолжал кружиться в ней. Иногда кибитка опускалась ниже стен, так что была видна половина кибитки, а иногда только верх той черной кибитки. Вознеся благодарность [Аллаху], мы прошли по земляной насыпи под крепостью до могилы его светлости Великого господина. Мы оглядывались назад, черная кибитка с упомянутым в ней огнем были все еще в крепости. Крепость была расположена на #возвышенной местности и нам еще была видна.

Короче говоря, мы достигли [гробницы] его светлости Великого господина и увидели, что все худжры и гостинные комнаты мутаваллия были закрыты. Мы открыли переднюю гостиную комнаты, зашли туда. Там сидел служитель. Он сказал: «Заходите и закрывайте за собой дверь». Из гостиной послышался голос: «Кто там?» Слуга ответил: «Не знаю, пришли трое». Опять раздался

голос: /110а/ «Разве снаружи есть еще живые люди? Скажи им пусть заходят». По знаку слуги мы вошли в гостиную. Она была темной. В углу комнаты кто-то сидел, закутавшись. Мы ждали, что он нам скажет, но он этого не сделал, а спросил: «Откуда вы?» Мы ответили: «Из Бухары». Он сказал: «В городе Бухаре остались ли еще живые люди?» Мы ответили: «Слава богу, все живы». Этот человек оказался мутаваллием благодатного мазара его светлости Великого господина, да помилует его Аллах. Его звали Абдалкарим, который уже сорок пять лет выполняет обязанности мутаваллия. Другие не смогли продержаться в должности более чем четыре-пять лет.

Короче говоря, мутавалли приказал своему слуге: «Принеси сладкого горячего чаю!» И еще мутавалли [105] велел: «Приготовь им горячую пищу и подай с перцем, чтобы на них не подействовала повальная болезнь. Мы остались там, пили горячий чай, ели наперченную шурпу. Потом приказал [мутавалли слуге]: «Отведи их в ту худжру» и, обратившись к нам, сказал: «Вы закройте в худжре, там же читайте и пополуденную молитву, поспите и как только услышите призыв к предвечернему намазу, выходите из худжры для поклонения». Итак, мы там отдохнули и вышли во время предвечернего намаза, совершили омовение, читали молитву и так провели вечер. В среду рано утром мы выехали оттуда. Горячий ветер ударял в лицо словно пламя и /110б/ обжигал. Мы были одеты легко в свои белые одежды. С большими трудностями доехали мы до деревни Лукман, затем — до благородной Бухары. В те дни, среду, четверг и пятницу повальная болезнь достигла такой степени, что даже не хватало обмывающих покойников, некому было уносить на кладбище трупы. В субботу Мулла 'Абдалхамид Махдум Намангани [Бухарский] кази-калан скончался. Люди стали говорить, что умерла большая особа, поэтому повальная болезнь теперь прекратится. И верно, день ото дня [смертность] уменьшалась, а через месяц совсем прекратилась.

Итак, пять лет я правил вилайатом, в течение этого времени, по воле Аллаха, случилось со мной несколько несчастий. Во-первых, старшая жена моя, которая была дочерью моей тети по матери, скончалась. От покойной остались одна дочь и двое мальчиков. И дочь при разрешении от бремени умерла. Ее ребенок тоже умер. По им обоим читая похоронную молитву, я перевез их тела из вилайата Яккабаг в благородную Бухару. Похоронил их на кладбище святого Имама Абу Хафз Кабира, да помилует его Аллах. За тот период в [Яккабагском] вилайате мой сын от ташкентской жены Хайдаркул-бек в возрасте семи лет захворал и умер. Его [тело] я тоже [106] перевез в благородную Бухару и похоронил на упомянутом кладбище. Так, к одному горю прибавлялось другое. Кроме того, /111а/ были у меня племянники, [дети сестры], по имени Аманулла-ходжа и Абдулла-ходжа. Первый заболел золотухой, другой водянкой и оба скончались. Несколько человек из моих слуг тоже пришлось проводить на тот свет.

Короче говоря, пробыв в Яккабаге более пяти лет, я вернулся [в Бухару]. В 1313 г. х. [1897 г.], в году свиньи, меня назначили правителем Нуратинского вилайата, вместе с тем произвели меня в чин амарат-панах бия. Вместе с членами семьи я поехал в упомянутый вилайат и занялся молением [богу], прося продлить жизнь и увеличить богатства моего государя. После того, как меня назначили [правителем] этой местности, в том же году родился свет моих очей Азимкул-бек, мирахур. Да дарует ему всевышний бог долгую жизнь, [счастливое] будущее и богатство.

Да не останется скрытым, что в упомянутом году зима была такой суровой, что в пустыне не осталось ни одного верблюда, ни овец, ни коз, ни лошадей, ни рогатых животных — все погибли [от мороза]. Погибли даже дикие животные, такие как волки, шакалы, барсы и газели. В горах и пустынях никого из птиц, хищных и домашних животных не осталось. По этому поводу было составлено пятистишие, которое приведено ниже. Два года подряд саранча съедала и уничтожала урожаи от посевов. Несмотря на то, что Нуратинский вилайат место святое благодаря благословенного [свыше] источника жители его все бедны. Большая часть их ремесленники и молельщики.

В городе Нур-Ата имеется двадцать четыре мечети. /111б/ Они всегда полны людей. В каждой мечети существует школа. [В Нуратинском вилайате] много грамотных людей, женщин и мужчин. А жаждущих знаний еще больше, но учителей [лишь] несколько [человек]. [107]

Нуратинский вилайат является [вилайатом], благоустроенным [Александром] Зулькарнайном, который прибыл туда ради того, чтобы воевать с неверными. Он простоял там два года и благоустроил упомянутый вилайат. У него были 360 знаменитых военачальников [Искандар] велел им построить 360 каризов 188 и по ним провел воду, потому что вилайат [Нур-Ата] не имеет ни рек, ни ручьев и был вилайатом богарным. С течением времени упомянутые каризы пришли в негодность или загрязнились и в настоящее время из этих каризов остались лишь сорок или пятьдесят. Водой этих [каризов] торгуют. Каризы увеличивают урожай пшеницы. Кроме зерновых, [население Нур-Аты] стало выращивать и другие виды растений. Особенно дыни и арбузы, выращенные на воде каризов Нур-Аты, бывают прекрасными, крупными и сладкими. По причине поразительно крупных размеров его дынь и арбузов их вывозят в разные места. Нур-Ата состоит из восьми-девяти амлаков. Большая часть их является богарной. Каждый амлак имеет свой родник. Его водой торгуют. В самом городе Нур-Ата тоже существует благословенный родник, для восхваления которого нет слов. В расположенный на стороне киблы вилайата вода входит в благословенный кариз в количестве около половины или четверти санга 189 и с другого конца выходит и течет, разделяясь на четыре большие ручья 190 /112а/, все они [текут] полноводные. Удивительно то, что вода, выпадающая в кариз, не превышает полсанга, а вода, вытекающая из кариза течет четырьмя полноводными ручьями в количестве до двух сангов. Текущая на четыре стороны по четырем ручьям воду берут по другой цене на земли всех [мест] вилайата согласно справедливо составленной купчей. В вилайате Нур-Ата [сама] земля не имеет ценности. Упомянутую воду получают по составленному документу [108] таким способом, что землю, орошаемую в течение часа, здесь называют одним кара 191.

Как только приходит очередь какого-нибудь человека, арбаб 192 возле орошаемой его земли устанавливает [специальный] кувшин, наполнив его водой. В дно кувшина вставлена тонкая трубочка. Пока вода вытекает через упомянутую трубочку проходит один час. Отсчитав один кара воды, доля того человека кончается независимо от того, прошло ли на участок земли достаточно воды или нет. «Один кувшин» такой воды стоил от 1000 до 1500 тенег.

Жители Нур-Ата все зажиточные, владельцы овец и ремесленники. Большинство их является ткачами алача 193 и крестьянами 194.

Величина благословенного бассейна от киблы до восточной стороны около двадцати пяти газов; от северной до южной [границы] 12 газов. Посредине благословенного [бассейна] родника находится священный камень размером с большой йахдан 195 . Вся тайна была в том камне.

Рассказывают, что в ночь вознесения на небо его святейшества Мухаммада, избранник божий, да благословит его Аллах и да пошлет ему мир, с этого камня сел на коня Бурак 196 /1126/. По велению всевышнего Аллаха архангел Гавриил принес этот камень и бросил в тот родник. Со всех сторон люди приходят ради поклонения этому камню и для этого заходят в родник. За водой родника зрителя не было. Вода родника такая прозрачная, что видны даже мелкие камешки, находящиеся на дне родника. Рыб в роднике так много, как будто поверхность воды сплошь из рыбы. Как только люди заходят в родник, рыбы, давая им дорогу, устремляются в сторону киблы. Ежегодно в месяце Савр 197 на целых четыре недели это место становится местом прогулок и паломничества. Сюда приходят паломники со всех сторон, из дальних и близлежащих вилайатов. [109] А в дни четверга и пятницы здесь собирается до 100000 человек, мужчин и женщин. На юго-восточной стороне [бассейна] покоится его светлость полкс полюсов, Шейх Абулхасан Нури 198, да помилует его Аллах. Там же находится его благословенная гробница. [Шейх] этот духовного происхождения скончался в 286 г. х. [899 г.]. Сейчас, в 1336 г. х. [1918 г.] со времени смерти шейха Абулхасана Нури, да будет ему милость Аллаха, прочили 1050 лет. В то время, когда я был назначен правителем Нуратинского вилайата, край благословенной гробницы со стороны [бассейна] его светлости благородного [шейха] был разрушен. Для его ремонта я пригласил мастера-зодчего и выделил ему людей. Они развалившиеся кирпичи и камни /113а/ убрали и открыли [гробницу]. Благословенная гробница Шейха Абулхасана Нури, да будет ему милость Аллаха, находилась напротив бассейна на высокой дахме. Шейх, да помилует его Аллах, лежал как бы в спокойном сне. Сразу же назначил чтение Корана от начала до конца. Развалившееся место отремонтировали, гробница стала как бы выше [прежней]. По случаю этого знаменья достали рукописный Коран большого размера, красиво переписанный, и положили в мечеть возле священного родника. Я купил две лавки, благоустроил помещения и их доход передал в вакф.

Кроме того, на северной стороне кургана Нур-Ата, примерно в четверти фарсанга, покоится Ахмед Вали Шейх Ахмад Кабир, да будет ему милость Аллаха, [один] из числа одиннадцати братьев. Множество людей приходит со всех сторон, чтобы поклониться благородному шейху и обращаются к нему за помощью. Между киблой и севером вилайата Нур-Ата, в двух фарсангах от него, в местности Газгам, между двумя горами находится священная гробница его величества повелителя всех [110] правоверных, льва божьего, победителя, избранника [Аллаха] Алия 199, да помилует его Аллах. Там же имелась пятничная мечеть и множество других зданий. Тамошний мутавалли поставлен со стороны двора его величества [эмира]. [Селение Газгам] имеет своего сборщика налогов, чиновника, проповедника имама и чтецов наизусть Корана.

Ежегодно и это место в течение четырех недель является местом гуляний. Жители Газгама, все мужчины и женщины владеют искусством каменотесов. Там расположено месторождение камня – мраморная гора. Они, откалывая мрамор большими плитами, /113б/ выделывают из них большего и меньшего размера подножки для колонн, разного размера жернова, прекрасные чаши. С разных сторон люди приходят, покупают и увозят [эти изделия]. Благодаря его

светлости, льву божьему да будет доволен им всевышний Аллах, для тех людей мраморная гора является казною.

Еще на стороне киблы Нур-Аты, в двух фарсангах от него по дороге в вилайат Кармине, расположено селение Типпа-и Боланд. Там священное место мученической кончины их светлости двух имамов, свет и зрачок очей, двух важных саййидов Имама Хасана и Имама Хусейна 200, да будет ими доволен всевышний Аллах, и стоят две гробницы с красными флажками.

На тысячу шагов дальше, на высоком холме, была большая мечеть и благословенная гробница его светлости имама Мухаммада Ханафы, да будет им доволен Аллах. У подошвы холма расположен город Зайн-ал-Араб, [по имени] супруги Имама Мухаммада Ханафы, да будет доволен им всевышний Аллах. Там мутаваллием является Лутфулла-ходжа Саййид-Атайи 201. Это место является, местом паломничества, большого [значения]. Туда люди приходят со всех сторон ради поклонения и приносят по обету множество разных вещей. [111]

Весь вилайат Нур-Ата с конечной стороны киблы до восточной длиною 15 фарсахов. А с юга до конца благоустроенной северной стороны было два или три фарсаха. Кроме того северная сторона до Ургенча является пустыней. Южная часть вилайата Нур-Ата целиком гориста. Тут находится Кух-и Чубе, то есть гора Джуди и ковчега его светлости Ноя, да будет благословен он. Вместе с казием Муллою Абдулхалимом мы однажды поднялись на упомянутую гору и увидели тот ковчег. Большие ивы, /114а/ то есть многочисленные деревья так расположены, что образуют огромный круг, словно ковчег, все они зеленые и вселяют в душу радость. Каждое из этих деревьев еле вмещалось в объятие из вытянутых рук трех-четырёх человек. В стволе некоторых деревьев устроены кельи, а в некоторых – школы, однако эти деревья продолжают как и прежде зеленеть. Если какая-нибудь ветвь, обломившись, падает на землю, то она продолжает расти и зеленеть. На вершине горы Джуди мы увидели проточные воды и другие удивительные явления [природы]. На востоке горы Джуди, рядом расположена гора Бахил. Она очей высокая. На этих горах имеются алкары 202, то есть горные козлы, которых называют кузан. Скупость упомянутых гор Бахил в том, что на них нет ни воды, ни растений. На востоке [этих гор] – гора Ахчаб 203. В них много удивительного: помещения, сложенные из камня. Для вод весенних дождей Абдулла-хан Сахибкиран, да озарит [Аллах] ему могилу, построил между горами из горных камней и жженных кирпичей плотину 204. На разных местах ниже плотины были установлены трубы. В весенние дни между этими горами скоплялась вода и через оставленные железные трубы она долгое время стекала в сторону Нур-Аты. Плотина была протянута примерно на 500 [112] шагов в длину. [Ныне] обрушилась [часть ее], около 50 шагов. Если могущественные падишахи по своему человеколюбию [взялись бы] исправить [эту часть плотины], то ремонт закончился бы в короткий срок, что принесло бы поданным большую пользу, Я ездил туда и осмотрел то разрушенное место и понял, что его можно исправить с незначительными усилиями. Об этом я собирался доложить его величеству, но в это время прибыл благословенный указ о возведении меня [на должность] правителя Байсунского вилайата. /114б/ Я уехал в тот вилайат. Так, четыре с лишним года я правил вилайатом Нур-Ата и не обидел даже муравья.

В 1320 г. х. [1902 г.], в году зайца, я был назначен [правителем] Байсунского вилайата, которым правил два года. За это время всевышний бог одарил меня добродетельным сыном от ташкентской жены. Его зовут Рахимкул-

бек 205, по прозвищу Кари-бек. Питаю надежду на престол божий, что он дарует ему долгие годы жизни и бесконечное счастье. Слава Аллаху! Сейчас ему 16 лет, он научился грамоте и продолжает учебу.

Короче говоря, за этот двухлетний срок правления Байсунским вилайатом, мать моего любимого сына Азим-кули-бека скончалась при разрешении от бремени. [Там находилась гробница] почтенной, именуемой Биби Карасач 206, где похоронили и жену.

Азимкули-бек остался после матери пятилетним, Я женился на дочери Мулла Ахмеда, караул-беги, амлакдара Пашхурда 207, который был из моих слуг. Байсунский вилайат состоит из пяти амлаков. Его территория тянется на четыре фарсанга. Кроме того, имелись амлаки, разделенные на десять селений, которые протягиваются до десяти фарсангов. Но все они считаются тремя амлаками. Еще три амлака в Кийик-тау. Их протяженность тоже десять фарсахов. Все эти [амлаки] подчиняются правителю Байсунского вилайата. [113]

Так, два года я был там правителем, после чего заболел тяжелой болезнью и из-за поклепов казия Сиражиддина /115а/ был смещен с должности. В расслабленном состоянии я приехал в Бухару. Спустя год с лишним я был назначен правителем Ширабадского 208 вилайата, которым правил четыре года. Длина упомянутого вилайата от киблы до восточной его оконечности шесть фарсахов, а с севера до южной [границы] — семь фарсахов расстояния. [Ширабадский вилайат] имеет пять амлаков. На стороне киблы, южней его, протекает река Аму, которую называют Джайхуном. Расстояние между Чучкагузаром и Патта-Кисаром семь фарсахов. По берегу реки [живут] только племена туркмен. Они проживают вне упомянутых амлаков, однако ежегодно платят установленную поземельную подать правителю Ширабада. На берегу реки, близ Патта-Кисара, расположен город Термез, где Чингиз-хан устроил поголовную резню и разрушил этот [город]. Но остатки того [древнего] города еще сохранились. В этом городе имеется множество [гробниц] муджтахидов 209 и великих святых. В их числе святые гробницы Ходжи Хаким Али Термези 210, Ходжи Абу-Бакра Варрака, Ходжи Захида Варрака и Ходжи Хасана, да помилует их всевышний Аллах. Ходжа Мухаммад Иса, знаток хадисов, да помилует его Аллах, похоронен на восточной стороне Ширабада в трех четвертях фарсанга от него. Мирза Абдуллатиф 211, сын Мирзы Улугбека, внука амира Тимура Сахибкирана, да озарит [Аллах] его могилу, построил там из жженного кирпича большую мечеть, высота которой была равна тридцати газам. На южной стороне этой мечети расположена гробница его светлости почтенного святого. Так как упомянутая мечеть была слишком высокой, то я, пишущий эти строки, насыпал [114] внутри и снаружи мечети земли толщиной в рост человека. Здесь же соорудив /115б/ печь для обжига кирпичей 212, изготовили сорок тысяч их и жженным кирпичом выложили площадку, а на ней из 200 купленных телеграфных столбов построили высокий двойной ширины айван высотой в тридцать газов. [Айван] построили на уровне потолка мечети. Его опорные столбы сложили из жженного кирпича и алебаstra. В это время я от его величества эмира Абдулахад-хана получил указ приехать в Кермине вместе со своими нукерами и учениками для проведения торжества своих сыновей. Я с [благодарным] сердцем принял достойное восхваления приказание его величества, которым был возвеличен, и немедленно вместе со своими нукерами и слугами приехал в вилайат Кермине. Удостоившись целования руки [эмира], я занялся подготовкой к торжествам.

Для его величества [эмира] я постлал пайондаз из парчи и камки с вышивками. Осыпал его монетами червонного золота и множеством тенег 213. Дорогого мулла-заде Мухаммада Алим-хана тура тоже осыпал золотыми монетами. Торжества длились двенадцать дней. По ночам зажигали освещение. Состоялись конные игры, то есть цирковые представления. Каждый вечер русские показывали цирк, где красивые девушки, луноликие христианки устраивали групповые танцы и пели песни. Во время свадьбы его величество султан султанов того времени удостоил меня, презренного слугу, высокочтимой должностью дадха и подарил /116а/ несколько богатых наборов верхней одежда, тканую золотом чалму и коня с дорогой сбруей. Двадцать человек из старших сыновей и слуг богомольца и двадцать нукеров возвысили в чины туксабы, мирахур, караулбеги, джибачи и мирзабаши 214. По окончании торжеств мне [его величество] подарил еще благословенную шубу, [115] черные брюки с золотым позументом и пояс. Затем меня отпустили. От радости и от высоких почестей я, бесконечно благословляя [амира], прибыл в Ширабад.

В местности Патта-Кисар, на берегу Аму-дарьи, напротив Балхского вилайата вот уже несколько лет [русские] осуществляли строительство. Здесь они построили город с одиннадцатью воротами.

Его стены были выложены все с амбразурами для стрельбы. Кроме того, они возвели особую [постройку] – земляную крепость Турпак-курбан, где постоянно находились: один генерал [командующий] войсками и начальник гарнизона со множеством солдат и артиллерии с бесчисленными [орудиями]. Я тоже, в свою очередь, построил в том месте здание и поставил там своего человека-бекча 215, через которого следил за гостями. Каждый месяц я сам ездил в Патта-Кисар, находился в его доме два-три дня и встречался со старшими русскими чиновниками. Они тоже приходили в мое местопребывание. [Свои] беседы заканчивал словами: государственные деловые отношения будут протекать успешно. На берегу реки на восточной стороне Патта-Кисара имеется селение Салихабад, где живут два рода ходжей вместе с туркменами, /116б/ занимаясь земледелием. Они платят Ширабадскому беку поземельную подать. В древности здесь был расположен город Саман 216, который является истинной родиной падишахов Саманидов 217. И сейчас еще заметны остатки медресе и бань [этого города], а его минареты стоят целыми. В особенности [нужно отметить, что] здесь находятся здания мечети, ханака и гробницы прежних падишахов, гробницы его светлости Султана Хусейна Саадата 218 и его сыновей, да помилует их всевышний Аллах. Я ездил туда для поклонения. Особенно, недалеко от него в полуфарсанге, расположен большой рабат 219 Кырк-кыз 220. Его стены были [116] выложены из необожженного кирпича; он настоящих ворот не имеет. На одной стороне имелась дверца, через которую мы вошли и увидели, что это огромный рабат, но никаких зданий незаметно. Все его помещения были под землей и мы по ведущей туда дорожке спустились в подземелье. Мы увидели, что все помещения построены из необожженного кирпича: большие залы и длинные коридоры. По этим коридорам можно было пройти в другие залы. Во все залы входы имели четырехугольные косяки, но дверей не было. Потолки и стены всех залов и коридоров были выложены из необожженного кирпича. Несмотря на то, что эти здания находились под землей, ни один кирпич не впитал в себя сырости. Еще удивительнее то, что в упомянутых помещениях, хотя и находившихся под землей, /117а/ не было темно. Во всех залах было светло. Сколько мы ни думали, ни спрашивали у разных людей мы не сумели разузнать тайну [источника] освещения этих залов. Откуда падает свет – источник не был известен. В одном из передних

залов имелась большая могила. Но мы не узнали, чья эта могила. Во всяком случае постройка является мудрым творением прежних правителей.

Да не останется скрытым, что река Сурхан течет с восточной стороны Патта-Кисара и, протекая поблизости от русских построек, вливается в Амударью.

В то время, когда я согласно высочайшему повелению поехал в вилайат Кермине к высочайшему стремени для того, чтобы провести торжества по случаю обрезания [своих сыновей], инженер Патта-Кисара Ананьев 221 примерно в трехстах шагах выше [места впадения в Амударью] реки Сурхан, прорыл для нее новое русло 222 и по нему пустил воду [реки] Сурхан в Амударью. Часть оставшегося прежнего русла реки Сурхан, длиною в триста шагов, инженер присвоил себе. По завершении [117] торжеств я приехал в Ширабад и узнал [об этом]. К этому времени наступил новый год. Стало обычаем приглашать на новогодние гуляния влиятельных людей из русских государственных чиновников Патта-Кисара. Русские пришли вместе с женами и детьми, а также с музыкой [своей]. Они оставались трое суток, гуляли, а затем, некоторые пораньше, другие попозже, ушли обратно. Упомянутый инженер явился с двумя подполковниками и /117б/ были гостями.

В Ширабаде у берега реки имеется прекрасное посольское здание и большой чарбаг, бассейн с прилегающими к нему аллеями. Я тоже прибыл в посольский дом и сидел, беседуя с гостями. Инженер Ананьев сказал: «Я для реки Сурхан буду рыть новое русло, а на освободившейся от реки местности посажу деревья. Когда деревья вырастут, мы с вами будем пить чай в их тени». Я в ответ сказал: «Поскольку ты являешься гостем, я не заговорил [об этом]. Но теперь, когда ты сам начал разговор, мне хотелось бы спросить тебя: земля, оставшаяся от русла реки, разве является твоей собственностью, что ты будешь сажать деревья и сделаешься хозяином? По нашему мусульманскому закону и по твоему закону сажать деревья на чужом поле – большой грех. Инженер сказал: «Я истратил большую сумму денег и от реки провел новое русло. Оставшаяся от реки земля поэтому принадлежит мне». На это я ответил: «Если ты потратил большую сумму денег и израсходовал 200–300 тысяч тенег, то этим ты обеспечил безопасность построек своего падишаха и от своего правительства ты получишь израсходованные деньги обратно. Если ты потратил свои [собственные] деньги, то покажи мне счета, я заплачу эти деньги». Инженер был уличен и сказал: «Я тоже считаюсь одним из ваших подданных. Дайте мне эту землю в аренду». Я спросил: «Какую [118] сумму составит твоя ежегодная арендная плата?» Он ответил: «Ежегодно буду платить /118а/ 400 рублей». Я сказал: «Напиши расписку и дай мне». Он немедленно достал ручку и бумагу, написал, расписался и сказал: «Вы тоже дайте расписку!» Я, согласившись, взял расписку и, сунув за пазуху, ответил: «Я поеду в Патта-Кисар, проверю упомянутую землю и после этого дам тебе расписку». Инженер в испуге сказал: «Отдайте мою расписку. В любое время, когда вы дадите мне расписку от своего имени, я отдам вам свою». Я его расписку не отдал. Он испугался, что я отправлю его расписку в посольство и буду обвинять его. Я сказал: «Не бойся, я поеду в Патта-Кисар, спрошу местных подданных. Может быть им нужна та земля. Если они будут платить больше, то я отдам эту землю им и верну твою расписку обратно там, на месте». Сколько он ни умолял, я не отдал ему расписки. Через несколько дней я отправился в Патта-Кисар и спросил у местных. Они ответили: «Земля, оставшаяся от реки, песчанная и каменистая, и для земледелия не годится. Поэтому она нам не нужна». Инженер услышав о моем приезде прибыл [в Патта-Кисар]. Я сказал: «Теперь я отдам тебе эту землю

под расписку». Он, радуясь, увел меня в свой дом и устроил банкет. Мне он отдал 400 рублей – арендную плату за один год; 50 рублей он дал моему мирзе, 30 рублей – переводчику. Я написал расписку и вручил ему. Инженер сказал: «Я тогда из-за своего поступка очень беспокоился, думал, что может быть вы отправите мою расписку в посольство и /118б/ будете обвинять меня. Теперь я доволен вами, как будто вы подарили мне весь Патта-Кисар». За время моего пребывания в Ширабаде, он ежегодно платил мне 400 рублей арендной платы.

Да не останется скрытым, что, когда я находился в Ширабадском вилайате, четыре русских чиновника, [119] проживавших в Патта-Кисаре, явились ко мне и хотели взять в аренду 1000 танабов целинных земель по четыре рубля за каждый танаб. «Из реки Амударья мы [насосной] машиной подыдем немного воды [для орошения земли] и каждый год будем платить вам 4000 рублей». Им в ответ я сказал: «Та целинная земля, которую вы просите, принадлежит подданным. Они вам не отдадут ее». Русские ответили: «На той земле, которую мы просим у вас, ничего не растет, земля – каменистая». Я сказал: «Какая бы она ни была, если вам отдам, подданные взбунтуются». Так я и не отдал им земли. Упомянутые русские поехали в Бухару и у вазарат-панаха Астанакул-бия кошбеги, сына амарат-панаха Мухаммад Шариф бия диванбеги, получили разрешение на аренду упомянутой земли сроком на 20 лет, с арендной платой по четыре рубля за каждый танаб, общей суммой восемьдесят тысяч рублей. Они принесли мне записку [от кошбеги] и составленный договор. Пишущий эти строки сказал [чиновникам] от имени подданных: Мы добились получения от его величества жалованной грамоты [на эту землю], мы сами от реки Сурхан проведем арык, приведем воду и будем обрабатывать [ее]».

Так упомянутую землю я и не отдал русским. Между тем земля не составляла владения какого-либо человека и была расположена на возвышенности. Вода туда не поднималась, земля была каменистой и растений не было. Но, несмотря на это, я русским эту землю не отдал, дабы подданные не скитались и не лишались работы, своих занятий /119а/.

Упомянутые русские однажды вечером пришли ко мне и по секрету, кроме установленной арендной платы, хотели дать мне взятку в сумме десяти тысяч рублей, сказав, что это вам уступка. Я сказал: «Его величество господин эмир этот вилайат поручил мне. Я буду [120] кормиться, одеваться, делать подарки, а остаток отправлять [в казну]».

Сколько они не старались меня уговорить, я не согласился отдать землю и сказал: «Сами подданные приведут воду из реки Сурхан и эту землю будут обрабатывать». Те русские, одним из которых был инженер Ананьев, поехали в Бухару и сообщили мой отказ отдать землю упомянутому вазарат-панаху [Астанакул-бию]. Визарат-панах написал мне письмо, в котором, обидевшись на меня, писал: «Тысячу танабов никому не принадлежащих брошенных невозделанных земель я сдал тогда в аренду за восемьдесят тысяч рублей и послал их тебе. Ты упомянутые земли не отдал русским офицерам, а что ты отправляешь [в казну] из хараджа Ширабада?».

Визарат-панаху я написал ответ: «В книгах писали: если кто-либо из пророков или святых в какой-то степени приближается к всевышнему богу, то на столько же увеличивается его страх. Ныне происходит иначе, страх усиливается настолько, насколько [человек] сближается с русскими. Я далек

от русских, поэтому их драгоценных слов я не приму. Сверх всего, они сейчас мне давали взятку – десять тысяч рублей. Тем не менее, я те целинные земли /1196/ им не намерен отдавать».

В письме [кошбеги] милостиво приказывал: «Я сдал в аренду пустошь за восемьдесят тысяч рублей и арендаторов посылаю к тебе. Что ты особенного посылаешь из хараджа Ширабада высочайшему двору?». «О, вазарат-панах! Лучше было бы говорить обдуманно. Подумайте, если вы сдали в аренду за восемьдесят тысяч рублей, то эту сумму, восемьдесят тысяч рублей, вы получите в течение двадцати лет, при ежегодном взносе по четыре тысячи рублей. Я же ежегодно из хараджа Ширабада высочайшему двору посылаю несколько сот тысяч, как и вам известно. До этого вы писали, чтобы [121] [русский] инженер сделался хозяином образовавшейся от реки Сурхан площади земли, в результате прорытия нового ее русла. Теперь вы не вмешивайтесь. Я расположил к себе сердце упомянутого инженера и отдал ему в аренду землю оставленной части русла реки с ежегодной платой четыреста рублей; я был у него на банкете, людям моим он любезно давал деньги». Прибежище министерской власти, поняв суть дела, больше по этому поводу не писал.

Короче говоря, упомянутую целинную землю я не отдал русским. Из реки Сурхан [подданные] провели воду и стали обрабатывать пустошь. Я получил от его величества ласковое послание и, собрав всех старшин Ширабадского вилайата, стал обсуждать вопросы проведения воды из реки Сурхан. Все чиновники, амины 223 /120а/ и старшины говорили: «Нет возможности провести воду из реки Сурхан, потому что между упомянутыми землями и рекою Сурхан имеется множество песчаных холмов. До этого многие крупные благоустроители приложили огромные старания для того, чтобы провести воду, но никак нельзя было провести [арык] через пески. Поэтому они так и оставили. Вы тоже не старайтесь, нет выхода». Я их словами был весьма изумлен и смущен потому, что принес высочайшую жалованную грамоту и чувствовал себя неудобно. Ночью я видел сон: я ходил на поклонение одному святому. Вижу, стоят три почтенных человека. Один из них среднего роста, красивый, с черной бородой. В середине стоял старик. Один имел нездоровый вид, а другой был плотный, высокого роста. Я подошел к ним, приветствовал их и хотел поклониться им по порядку. Но один из них, старший по возрасту, сделал мне знак в сторону почтенного человека с черной бородой. Я подошел к нему и поклонился, затем отдал поклон остальным двум крайним. [122] Все почтенные особы, подняв руку, благословили меня. Оттуда я пошел обратно [домой]. Навстречу быстро шагал бедный человек высокого роста с зеленой чалмой на голове, с подогнутыми полами [чалата]. Увидев меня, он сказал: «Мы шли к тебе, чтобы тебя благословить. Преждевременно мы покинули тебя». /120б/ Благословив меня, он повернул обратно. Проснувшись, я ходил с надеждой, говоря, что святые и благородные особы Ширабада благословили [наше намерение] провести воду и стал готовиться к этому. В ту пору прибежище саййидов, ишан Абдулла-ходжа, садр муфти-аскар 224, был казием в Ширабадском вилайате. Мы все время с ним были вместе. Он также знал о моем сне.

Да будет известно, что вода в вилайат Ширабад шла со стороны плотины Байсунского вилайата, и ее не хватало четырем амлакам: Калимбаф, Талл-и Ашикан, Саййидабад, Майда-арык. Как говорят, они часто между собой ссорились. По стороне киблы и юга Ширабада протекала Амударья, а по восточной стороне – река Сурхан. Но, несмотря на это, от них никакой пользы [для Ширабадского вилайата] не было. Поэтому благоустройство

Ширабадского вилайата зависело только от этих четырех амлаков. Протяжение этой благоустроенной части [Ширабадского вилайата] достигала до половины дороги на Патта-Кисар, то есть была равна трем с половиной фарсангам. Кроме того, земля длиною в три с половиной фарсанга до Патта-Кисара – местность пустынная, необработанная, песчанная и безводная. В древние времена, когда Термез был благоустроенным, весь вилайат Ширабада пил воду из реки Сурхан. Так что и сейчас были заметны /121а/ следы множества русел больших и малых каналов. Но вследствие того, что восточную сторону Ширабада покрыли пески, и река Сурхан высохла, приток воды прекратился. Один амлак [123] Ширабада называется Джаркурганом; он расположен на берегу реки Сурхан, на юго-востоке Ширабада на протяжении шести фарсангов и ближе к Патта-Кисару. [Люди] этого амлака пользуются для своих нужд арыком от реки Сурхан. Но их было много, а земель было мало и их обществу не хватало.

Поэтому мы решили расширить арык Джаркурганского амлака, и за счет этого увеличить количество текущей в сторону Ширабада воды Сурхана. За то, что они пропустят воду через свои арыки, семь тысяч пятьсот танабов пустопорожних земель ширабадцы отдадут нуждающимся в них подданным Джаркурганского амлака. От этого на пустопорожние земли Ширабада пришла бы вода, а земли населения Джаркурганского амлака тоже расширились бы. Обе стороны пришли к соглашению. Прибежище шариата, казий Мулла Абдулла-ходжа, который в настоящее время является садром и муфти-аскаром благородной Бухары, и Мулла Нусратулла-ходжа, раис, Мир Сулеймани, составили договор, скрепили печатями и вручили мне. Подданные четырех амлаков Ширабада и Джаркурганского амлака с радостью начали хашар 225. Прежде всего, начиная от реки Сурхан с обоих берегов Джаркурганского арыка убрали по одному газу [земли] и расширили его до селения Занг, которое в прошлом было большим городом, имевшим минарет, мечеть и медресе /121б/. Остатки этих построек известны. Его минарет стоит [и ныне]. От берега реки и Джаркургана до [селения Занг] три фарсаха расстояния. За недолгое время упомянутый арык проложили до той местности. Благодаря милости и щедрости Аллаха и помощи благородных людей, вслед за каждым их ударом кетменя поступала вода и на той пустопорожней земле, [прежде] безводной, нуждающихся в воде не осталось. [124]

Короче говоря, до местности Занг образовалась большая речка. Здесь речка разветвлялась на двенадцать арыков. Каждой общине велели копать свой арык. Я в свою очередь из тех арыков выбрал один и назвал его Бек-арыком. В том году пошли в дело хлопок и кунжут. От земледелия я получил доход в сумме 50000 тенег, которые израсходовал на праздник по случаю обрезания сыновей, света моих очей. В Ширабаде мало амлаков и доходов мало. Но источником [его благоустройства и достатка] является наличие [гробниц] угодников Аллаха, муджтахидов, благословенной гробницы его светлости Са'да Ваккаса и его светлости Ахтама, да будет доволен ими всевышний Аллах и да помилует их. Особенно же наличие следа стопы его святейшества избранника [божия] Алия, да помилует его Аллах.

Рассказывают, что гяур Макатил за благословенную голову его святейшества льва, господина [Алия], да будет им доволен всевышний Аллах, отправил Джанабила, обещав выдать за него свою дочь в случае, если он доставит голову [Алия]. Джанабил принес благословенную голову его светлости Ахтама. Его святейшество Алий, да помилует его Аллах, преследовал его, соорудил дор 226 и завладел арком Ширабада. И ныне имеется место мачты дора. Сам

Макатил для того, чтобы сразиться с его святейством львом, господином [Алием], да будет им доволен Аллах, спустился с Арка и, переправясь через реку Ширабад, встретился [с Алием]. /122а/ Его святейство, отважный покоритель Хайбара, избранник [Аллаха] Алий, да будет им доволен Аллах, на том месте одним ударом «Зулфикар-и Хайдари» разрубил пополам Макатила. Его поганое тело, распалось и лежало неподвижно. И сейчас, несмотря на то, что прошло больше тысячи трехсот лет, заметно его тело. Словно отлитое масло все его тело с ног до головы [125] торчит на поверхности земли. Особенно в весенние дни в дождь, не видевший [его] раньше человек, если заметит его издали, то ему покажется, будто огромное чудовище лежит на земле и спит. В настоящее время посольский дом в Ширабаде расположен с южной стороны Макатила. Ширабадский Арк имеет три подступа, на каждом из которых поставлены ворота. Вода в Ширабаде соленая. Прибывший со стороны человек почти неделю не может привыкнуть [к ней]. А те, кто пил и привык к пресной воде Амударьи, эту воду пить не могут. Всякий раз, когда мы вместе с кази-раисом едем в Патта-Кисар и выходим на берег Амударьи, то в случае, если нам хочется пить чай, мы в самовар бросаем немного соли и пьем чай.

Между вилайатами Байсун и Ширабад со стороны селения Хамкан, [расположенного] на стороне Хузарского [вилаята], из соляных копей в ручейках текла соленая вода, вливаясь в реку Ширабада, и делала ее воду соленой, а прежде вода не была соленой. Ширабад был местом самым жарким и с плохим климатом. Поэтому государи, если кого-либо хотели сослать, то отправляли в Ширабад. Им приходилось пользоваться соленой водой. Теперь Ширабад сделался местностью с приятным климатом, а его вода – пригодной для людей и животных. /122б/ Плодовых [деревьев] в Ширабаде немного. Плодов тутового дерева не бывает. Но здесь имеется превосходный сорт дыни кукча, подобных [дынь] ни в каком другом вилайате нет. [Этот сорт дынь] сохраняется до наступления нового года.

Короче говоря, я правил Ширабадским вилайатом четыре года. С живущими в Термезе русскими и с населением Ширабадского вилайата я обращался в приятной манере, за что получил высочайшее благоволение. Его величество оказывал милость моему сыну [126] мирахуру Мухаммад-кул-беку и назначил его [в Ширабаде] правителем. Бог дал мне еще другого сына по имени Аулия-кул-бек. Но он прожил несколько дней и умер; и за него я приношу благодарность [Аллаху].

В это время я от его величества, повелителя всех правоверных, эмира Сайида Абдулахад-хана получил благословенное письмо, [в котором он писал]: «Приезжайте в вилайат Кермине и благословите нас. У нас имеется для вас любезное [поручение]. Я довольный, благословляя [эмира], прибыл в вилайат Кермине.

В чарбаге Алчин 227 я встретился с его величеством, удостоился чести целовании руки и благословил его. Он меня пригласил на личную беседу с ним. Справившись о моем здоровье, он сказал: «Мы к вам имеем любезное [поручение] – услышите [его] от Абдулкадыра дадхо». Я, кланяясь и благословляя, вышел. Амарат-панах Абдулкадир-бий дадхо, вышедший от его величества, отвел меня в угол и сказал: «Милость к вам его величества такова: он хочет назначить вас закотчи в нижнем дворе. При этом он перечислил все вещи, начиная от мануфактурных товаров и кончая прочим имуществом нижнего двора. Я в ответ сказал: «Вот уже двадцать два два года, как я несую службу его величества за пределами столицы и поэтому я не

осведомлен о порядках службы при дворе /123б/ и не справлюсь с этой [должностью]». Сколько ни старался [Абдалкадир-бий дадхо], но воля всевышнего не сочла подходящим для меня [эту работу]. Так я и не согласился. Он явился к его величеству и известил [о моем отказе]. Его величество в течение недели не обращал на меня никакого внимания и во время [ежегодных приемов] не смотрел [на меня]. Однако я ежедневно бывал у принца мира сего, наследника престола, падишаха всего света Саййид Мир Мухаммад Алим-хана, и вел с ним беседы.

Через неделю мне пожаловали три комплекта [127] полной верхней одежды, чалму, шитую золотом, верховую лошадь с полным убором и вышитым чепраком и указ о назначении правителем вилайата Шахрисабз с правом взимания там заката 228. Так, оказывая милость, меня назначили правителем упомянутого вилайата. Я, одевшись в [жалованную] благословенную одежду, сделав венцом головы высочайший указ 229, пошел [к эмиру], благословляя его. Букча-бардар 230 Яукашти туксаба вышел и ввел меня к его величеству. Его величество обратился ко мне [со следующими] словами: «Вот теперь вы, ставши правителем Шахрисабза, достигли своего желания, а за ту службу, что мы предлагали вам, вы не согласились приняться». Я ответил: «Меня смущало то, что может быть я не справлюсь [с ней], о чем было доложено. Будьте ко мне снисходительны». Его величество, согласно обычаю при приходе на поклон, протянул руку. Я, приблизившись, хотел было поцеловать благословенную руку, но [эмир], взяв меня за руку, сказал: «Вот вы поседели, я тоже состарился. Из слуг наших тоже остались лишь два-три старика. /123б/ Кто будет служить при высочайшем дворе?» Я ответил: «Хотя я и стар, но состарился, служа [высочайшему] двору. Ваше величество, государь мой, вы еще находитесь в расцвете жизни и я надеюсь, что всевышний господь бог дарует вам долгие годы жизни». Его величество после этих моих слов выпустил мою руку и, дотронувшись до своей бороды, сказал: «Ведь я крашу бороду [в черный цвет] а, от подбородка до ног я весь увяз в седине». С этими словами он залился слезами. Заплакал с ним и я. Через короткий промежуток времени он протянул [мне] руку. Я откланялся. Он сказал: «Поезжайте [в Шахрисабз] по Самаркандской дороге, для встречи [с нами]. Необходимо, чтобы вы чаще приезжали». С этими словами он благословил меня. Я, помолвившись, направился в Шахрисабз. [128]

Короче говоря, в 1328 г. х., [1910 г.] в начале года свиньи, я был назначен правителем Шахрисабза, который назывался вилайатом Кеш-и Дилкеш [т. е. привлекательный Кеш] и который являлся столицей эмира Тимура Сахибкирана. [Шахрисабз] состоял из тринадцати амлакдарств и населен племенем кенегас. По внешности они хотя и казались несчастными, но имели грубый нрав и дерзкий характер; к бухарцам питают лютую ненависть. В случае, если находят выход, то не желают оставаться подчиненными и подданными бухарскому падишаху. Однако, несмотря на это, в течение четырех лет я правил вилайатом Шахрисабз и поддерживал с тамошними людьми отношения.

Северная и восточная стороны Шахрисабза гористы: там живут таджики, которые называют себя чагатаями. Из всех упомянутых амлаков четыре амлака [расположены] в горной местности. Из их числа /124а/ в селениях Гилан, Кызыл-Имчак и Чунгарак 231 имеется множество редкостных по красоте девушек, о которых говорят, что они ведут свой род от гурий. Кто захочет, может жениться с небольшим расходом. Я за время пребывания там за двадцать двух красивых девушек из тех мест заплатил от трехсот до тысячи тенег [за

каждую] и женил на них своих слуг. Сам я из Шахрисабза выбрал в жены двух. От бухарской жены всевышний господь бог дал мне сына по имени Килич-бек 232.

Через год, в год мыши, как только при нижнем дворе был поставлен [закатчию] правитель Чарджуя Низамиддин ходжа 233 парваначи, в нижнем дворе возник пожар. Тогда сгорели драгоценные мануфактурные изделия, две тысячи ружей, заряжаемых с дула и другие вещи, перечень которых находился в Дафтар-и султани 234. Сгорели деньги в сумме двух-трех миллионов тенег. Весть об этом дошла до его величества и крайне опечалила [его]. Спустя [129] несколько дней после этого его величество, чье место в раю, Саййид эмир Абдулахад-хан скончался естественной смертью в возрасте пятидесяти двух лет в чарбаге Хайрабад, относящемся к амлаку Султан-рабат Зияуддинского вилайата, да помилует его Аллах! «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся».

Его величество Саййид Мир Алимхан-тура, наследник престола, находился в вилайате Кермине. Узнав о событии, он немедленно прибыл [в Бухару] и, подвергнув благословенное тело своего почтенного отца омовению, облачил [в саван]. В торжественной обстановке [играя] на уде 235, рассыпая благовония, тело эмира Абдулахада перевезли в вилайат Кермине и похоронили рядом с его светлостью почтенным Шейх Касимом, да будет ему милость всевышнего Аллаха, в его [подготовленной заранее] гробнице. Устроили чтение от начала до конца Корана и посветили [покойному].

Из вилайата Кермине наследник престола поспешно /1246/ соизволил приехать в благородную Бухару в счастливый час. Все улемы, военачальники и подданные государства вышли ему навстречу, сопровождали его до унаследованного престола царства великих его отцов и дедов, посадили на него и благословили. [130]

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЦАРСТВОВАНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПОВЕЛИТЕЛЯ ВЕРУЮЩИХ И ИМАМА ВСЕХ МУСУЛЬМАН, СЧАСТЛИВОГО ГОСУДАРЯ САЙЙИДА ЭМИРА МУХАММАДА АЛИМ-ХАНА, БОРЦА ЗА ВЕРУ, ДА ПРОДЛИТ АЛЛАХ ЕГО ЦАРСТВО НАВЕКИ

В 1329 г. х., [1910 г.]. в год мыши, его величество Саййид эмир М'ухаммад Алим-хан, борец за веру, воссел на престол царства благородной Бухары. Открыв двери восполняемой богом казны, он устроил приём всем столпам государства. Всем улемам, военачальникам, доставляя удовольствие своими милостями, он подарил: сарпо, коней с драгоценными уборами, танхо 236, мельницы – каждому по достоинству. Жалованье предводителей нукеров увеличили в два раза. Танабана 237, получаемый ими ежегодно, определили в следующем размере: танабана чухра агаси 238 было девяносто тенег, стало двести двадцать тенег; танабана мирзы-баши было [в размере] ста тридцати тенег, теперь стали давать по триста тенег; танабана джибачия было сто восемьдесят тенег – сделали четыреста тенег; танабана караул-беги было двести двадцать тенег, [теперь] определили [в сумме] шестьсот тенег; танабана мирахура было триста тенег, сделали восемьсот тенег; танабана токсабы было триста пятьдесят тенег, сделали тысячу тенег; танабана ишик-ага башия 239 было четыреста тенег, сделали тысячу двести тенег; танабана амарат-ианах-биев было пятьсот тенег, теперь определили сумму в две тысячи тенег. /125a/ Эти все танабана и комплекты одежды нукерам [раньше] давали один раз в год. Счастливый молодой падишах размер ежегодных танабана и число [131] комплектов одежды постановил [давать] два раза в год. Кроме

того, от слуг амарат-панахов [биев] до начальника дворцовой охраны установили обычай дарить ежегодно по одному коню. Месячное жалование воинов регулярных войск со времени его величества милосердного Саййид-эмира Музаффар-хана до эпохи его величества Саййид-эмира Абдулахад-хана, чье место в раю, было двадцать тенег. Месячное жалование воинов регулярной армии увеличили сразу в три раза – назначив сумму в шестьдесят тенег. Простили поземельный налог размером в десять тенег с каждого мана урожая по тогдашним ценам взимаемой с подданных, [живущих] на территории [Бухарского] государства, а поземельный налог будущего года сократили наполовину. С каждого танаба сада, в зависимости от урожая, брали от двухсот до четырехсот тенег поземельного налога, теперь стали брать по тридцать тенег. Раньше с каждого танаба клевера брали от ста до трехсот тенег поземельного налога, теперь его определили в двадцать тенег. Этими своими благодеяниями [эмир] всем подданным доставил удовольствие;

Мирзу Насруллу парваначи, временно стоявшего у ворот высочайшего Арка 240, возвысили сразу на пост кошбеги и поручили ему всю государственную власть в благородной Бухаре. Сам его величество [эмир], как это делал его благородный отец, каждый год ездил в Россию, в чарбаг Бахчасарай, а большую часть времени проводил в вилайате Кермине, в чарбаге Ситара-и Махаса, который создал его высокочтимый отец. Кроме того, он также построил просторные, высокие царские дворцы и сделал это место высочайшей столицей и своей резиденцией, /1256/ где он занимался справедливым разбором жалоб, потому что все [государственные дела] передал в полное ведение Мирзы Насруллы. У этого явно [132] бесчестного человека, родом из Балха, был отец по имени Насир-махдум, который был проклят своим отцом, казием Рахимча, за свою дерзость и злонравие. Позднее [Насир-махдум бежал от отца и] занялся земледелием. Он, в свою очередь, проклинал своего сына Мирзу Насруллу. Последний бежал от своего отца в Самарканд и стал служить у Мирзы Умара, начальника ночной стражи Самарканда. После увольнения, он оттуда переехал в Зияуддин и стал служить у правителя Зияуддинского вилайата амарат-панаха Астанакул-бия парваначи. Еще при Саййид эмире Музаффар-хане он оттуда пролез в высочайший двор. Во время нынешнего высокочтимого падишаха он занял столь важный пост вазира. День ото дня деяния этого неблагодарного достигли все большего успеха. Его величество без его совета никаких вопросов самостоятельно не решал. Этот негодяй сделал покорным себе всех правителей, судей, военачальников и улемов, и притом в такой степени, что увольнение и утверждение всех слуг высочайшего двора было поручено ему. И постепенно его положение дошло до того, что падишах был падишахом только на словах. Всех он сделал себе послушным до того, что каждый из улемов, военачальников и рядовых подданных не обращался к его величеству, владыке правоверных. Все, подхалимничая перед этим безбожником, получали свой кусок хлеба от высочайшего правительства. Даже русских государственных чиновников он склонил к себе, торговцев сделал себе послушными и, действуя как безбожник и негодяй, осуществлял свои замыслы, /126а/ которые противоречили мусульманским обычаям. Следовал он по пути джадидов 241. [Мирза Насрулла] назначал на должности казия и правителей [вилайатов] только таких лиц, которые были единодушны с ним в его поступках и воззрениях, а несогласных с ним он смещал с [133] должностей. Так, например, пишущий эти строки в 1332 г. х., [1914] без каких-либо совершенных им преступлений был снят с управления Шахрисабзом.

Причиной этому послужило следующее: [Мирза Насрулла кошбеги] всем правителям рассылал свои поручения, которые без всяких оговорок следовало

выполнять, и вмешивался [в дела правителей]. Я его письмам, в которых он, подчеркивая важность вопроса, просил исполнить, не следовал. Сообразив настоящее положение дела, я нигде не писал ему соответствующий ответ, а иногда некоторые его письма возвращал обратно. Сдача в аренду базаров Шахрисабза всецело зависела от правителя этого [вилаята]. Один арендатор [нарушил договор и] был пойман с поличным. На его место стал арендатором Салих-джибачи. Прежний арендатор отправился в Бухару и принес от кошбеги хатт-и васита 242, но я отказался принять. Тот опять поехал в Бухару и стал там просить [кошбеги] оказать ему помощь. Мирза Насрулла, рассердившись, написал [резкое] письмо: «Ты, не оказывая должного уважения моей печати, сделал арендатором проклятого Салиха-арбакеша». Я в ответ написал: «Я никакого проклятого и арбакеша Салиха не знаю. Раз ты знал, что [Салих] проклятый арбакеш, то почему ты его произвел в чин джибачи и благословенный указ его величества об этом воткнул в его чалму, ввел его в ряды чиновников над нукерами и посадил у скатерти его величества, и назвал его Салих-джибачием. Во-вторых, твоя печать не является печатью какого-нибудь святого старца, чтобы ее особо почитать». Так, несколько его письменных распоряжений я отказался [исполнить] и дал на них /1266/ резкие ответы.

В 1331 г. х. [1913 г] его величество эмир Саййид Мухаммад Алим-хан ради путешествия и утешения [134] подданных пожаловал в Шахрисабз. Этому [предшествовало] письмо Мирзы Насруллы «Никаких особых приготовлений не следует делать. Его величество пробудет в Шахрисабзе шесть дней и четыре дня – в Китабе. Затем, сразу вернется обратно. В день приезда его величества при поднесении подарков надлежит ограничиться подведением коня и одним свертком [одежды], а при выезде его пятью свертками и пятью конями с драгоценными чепраками». Я пренебрег его указаниями и его величество в первую ночь поместил в чарбаге Кара-кузи, расположенном в четверти [фар]санга от города [Шахрисабза]. Поутру я поднес дары, состоявшие из одного свертка особой одежды и коня с дорогим убором, сто головок сахара, сто коробок сахара-леденца, сто кусков чая люнка 243, пятьдесят манов риса, пятьдесят манов ячменя. Три тысяча снопов люцерны, сто подносов с лепешками, халвою, кандалатом, миндалем, фисташками и кишмишом. Приготовил завтрак из многочисленных блюд. Все пронесли перед лучезарнейшим взором [эмира]. Я был удостоен присутствовать на частной беседе с [его величеством] и благословил его. Его величество эмир там [в Кара-Кузи] провел ночь. На следующий день, приняв утренний салам, он позавтракал и покинул тот чарбаг. Он приехал в Шахрисабз и посетил Ак-Сарай, резиденцию счастливого эмира Тимур Гургена, да озарит [Аллах] его могилу, и почтил его. Я, нижайший среди слуг [эмира], от шорного ряда до ворот высочайшего Арка [цитадели Ак-Сарай], разбросал пять тысяч бухарских тенег под счастливые стопы высокодостоинного и досточтимого падишаха, /127а/ а от того места до высочайшего престола [во дворце Тимура] разбросал под благословенные стопы двести бухарских золотых. Все подданные и жители подобрали [деньги], остались довольными и бесконечно благословляли [135] высокого благородного [эмира]. В течение целого месяца я был занят уходом за его величеством, прибежищем царства. [За все это] я, по милосердию его величества шахиншаха, был возведен в высокочтимый чин верховного инака и, кроме того, награжден кашмирском поясом, кинжалом с золотым [эфесом] и орденом, осыпанным алмазами, истинно царскими халатами и конем с богатым убранством. Его величество, прибежище халифата, помимо этих милостыней произвел трех сыновей богомольца в чины туксабы, мирахура и караул-беги. Из лиц, окружавших меня, и из больших людей регулярного войска и

Шахрисабзского вилайата он пятьдесят два человека произвел в достойный чин с вручением по этому случаю благословенной царской грамоты и пожаловал каждому дорогое верхнее платье и коня со всем конским убором. Всему духовенству, улемам, купцам, аминам и старшинам оседлого и кочевого населения [Шахрисабзского вилайата] были выданы по полному набору верхнего платья, этим была оказана огромная и несравненная ласка. Все остались довольными, возвеличенными. Точно так же было проявлено множество [эмирских] милостей населению вилайатов Китаб и Яккабаг. Нукеры тех [вилайатов] также были пожалованы высокими должностями и множеством наборов верхней одежды, за что [эмиру] были возданы бесконечные благословения. [Затем эмир] направился в Каршинский вилайат, снял с поста местного управителя Тура Ходжи садра, а на его место поставил правителем Карши бывшего правителя вилайата Денау Усман-бек бия, возведя его в высокий чин дадхо.

В 1329 г. х. [1910 г.] /1276/ был первым годом правления его величества, прибежища царства. [В этом году] правитель Каратегина амарат-панах Аулиякул-бек 244 бий парваначи, сын амарат-панаха Аллаяр-бек бия диванбеги, [136] мангыта, был возведен в чин высокочтимого диванбеги и назначен правителем вилайата Хисар-и Шадман, Правитель Кулябского вилайата амарат-панах Мулла Ниматулла бий дадхо был назначен правителем вилайата Каратегин, амарат-панаха Исхак-бек бия, бывшего правителя вилайата Сариджуй, сына иранца Абдулмумин-бека назначил правителем вилайата Куляб, амарат-панаха Мирзу Раби ходжабия – правителем вилайата Ширабад.

В 1330 г. х. амарат-панаха афганца Мухаммад-Юнус бия дадхо возвели на должность правителя вилайата Чарджуй, амарат-панаха Абдал-Хафиз бия Инака Бухари – назначили правителем вилайата Байсун.

В 1331 г. х. его величество эмир Саййид Мухаммад Алимхан в вилайате Кермине справлял несколько торжеств, [на которых] амарат-панаха Мирзу Низамиддин Ходжа-бия парваначи возвели в высокочтимый чин диванбеги, а сына настоящего диванбеги амарат-панаха Нусратулла Ходжа-бия, правителя вилайата Нахрипай – на должность высокочтимого дадхо; амарат-панаха Ахрар Кулбек-бия удайчи, калмыка, сына амарат-панаха Ходжа-Кулбек-бия диванбеги – на должность дадхо; казначея мубаризат-панаха Имамкул-бека токсабу калмыка, возвел в чин амарат-панаха бия.

В 1332 г. х. Мирза Насрулла кошбеги, который все время враждовал со мной и из ненависти искал случая причинить мне вред, приложив большие старания, уговорил моего господина его величества [эмира Алим-хана] прислать Мирзу Сахба-бия 245, джадида, который казалось состоял в числе войск самих дьяволов, и добился снятия меня, богомольца с поста правителя Шахрисабзского вилайата. Я со всем своим имуществом и семьей переселился в Бухару и целый год ходил без дела? благословляя и молясь за продление жизни его величества государя. [137]

Спустя год, его величество помиловал меня [и подарил] полный набор дорогого верхнего платья /128а/ и пожаловал в танхо мельницу с повышением в должности, [назначив] начальником отряда гвардии. Теперь я стал жить в своем доме в Бухаре, в квартале Джуйбар.

В 1335 г. х., (1917 г.) в году змеи, после [месяца] рамазана меня возвели на высокочтимую должность парваначи и вместе с тем закатчи, [которая

равносильна] должности вазира благородной Бухары, [живущего] в нижнем дворе. [Кроме того], мне подарили полный набор царственного верхнего платья и коня со всем конским убором с пышным чепраком. [После чего] я благословляя его величество шахиншаха, приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

ТЕПЕРЬ Я КОЕ-ЧТО РАССКАЖУ О ЖИЗНИ ПОДЛОГО ПСА, ВЕРОЛОМНОГО ВРАГА, ЗЛОДЕЯ МИРЗЫ НАСРУЛЛЫ, НЕБЛАГОДАРНОГО К ДЕРЖАВЕ ВЛАДЫКИ И ДАЖЕ ВРАГА РЕЛИГИИ, РАЗЪЯСНЕННОЙ ИХ СВЕТЛОСТИ БОГОВОЯЗНЕННЫМИ САЙИДАМИ, ДА БЛАГОСЛОВИТ ИХ АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ

Я описал выше происхождение этого проклятого [человека] с характером тирана.

Этого подлеца низкого происхождения его величество [эмир] опекал, довел до чина туксабы, а затем возвел в чин амарат-панах бия. В течение нескольких лет он держал его в составе группы людей, с которой вел особые беседы, а затем возводил в чин дадхо. Кроме того, он назначил его правителем вилайата Китаб, потом – возвел на пост правителя вилайата Шахрисабз. [Мирза Насрулла] завоевал полное доверие [эмира]. После [138] кровавых событий между улемами и иранцами Бухары, он был смещен [с поста правителя Шахрисабзского вилайата]. Вазарат-панах Астанакул бий кошбеги назначил этого несчастного замещающим служащего у ворот высочайшего Арка при наследнике престола, принца Саййид Алим-хана тура. После того, как был установлен порядок в Бухаре и усмирен мятеж улемы и иранцев, принц, наследник престола, уехал к благородному и славному отцу в вилайат Кермине. А Мирза Насрулла устроился на службу [в Арке].

После смерти его величества Саййида-эмира Абдулахад-хана. чье место в раю, наследник престола принц [эмир Алим-хан тура] прибыл к унаследованному престолу царства. Тот несчастный Мирза Насрулла /1286/ в чине парваначи возвысился сразу же до должности высокочтимого везирства – [стал] кошбеги. Решение и рассмотрение всех дел по всей территории страны Бухары перешли в его руки. Его величество, прибежище халифата, большей частью находился в вилайате Кермине или в Бахчисарае. Местопребыванием [эмира] был чарбаг Ситара-и Махаса. Несчастный изменник Мирза Насрулла кошбеги все блага жизни и богатства территории Бухарского государства захватил в свои руки. Все правители, казии, приказчики, торговцы и крестьяне государства благородной Бухары постепенно стали слушаться его велений. Даже жаждущий [человек] без его согласия не имел права самостоятельно утолить свою жажду.

Прежде был такой порядок, если государь снимал какого-нибудь правителя, или возводил в должность правителя, или же хотел подарить кому-нибудь почетное одеяние, или дать им важные поручения по какому-нибудь вилайату, то все это делалось по велению государя, и для исполнения уполномочивался один из слуг высочайшего двора: чиновников или махрамов. [139] Теперь же подобные мероприятия государя осуществлялись по усмотрению и приказу [Мирзы Насруллы кошбеги]. Если иногда кому-нибудь из слуг высочайшего двора государя жаловали должность и он не следовал кому-нибудь из людей Мирзы Насруллы, то настоящее дело до конца не доводилось. Слуги высочайшего двора, в свою очередь, без его согласия не осмеливались что-либо предпринять. Даже без позволения его людей они ни к чему не приступали. Кто не проявлял уважение и почет к людям [Мирзы Насруллы], тот

тут же лишился чести быть слугой высочайшего двора. Раскаяния этого беспомощного не принимались государем до тех пор, пока Мирза Насрулла не прощал его вину. Государь без одобрения [Мирзы Насруллы] никому не оказывал любезность. Государь был таковым только на словах. Тот неблагодарный безбожник и негодяй, не довольствуясь всем этим богатством, даруемым богом, как тиран претендовал на свое превосходство /129а/ перед всевышним богом; он отступил от мусульманской религии и стал вероотступником. По своему скудоумию [Мирза Насрулла] учредил веру джаидов; скрытно и постепенно он принуждал некоторых из улемов, военачальников и купцов принять полную религию джаидов. Даже русские, которые были консулами в Бухаре, были подкуплены им. Они поддерживали его при осуществлении своих намерений, на что тратились миллионы [денег] Бухарского государства. На каждой улице, на базарах Бухары и в вилайатах территории [Бухарского вилайата] он устраивал скопища джаидов и продвигал свои дела. [Мирза Насрулла кошбеги] даже государя хитростью вводил в заблуждение. Под предлогом, что в Российском государстве свершилась революция не для того, чтобы отозваться на это каким-нибудь новшеством, добился получения [от эмира скрепленной его] печатью [140] особой грамоты. Этим подкрепил он свои дела. В целях установления своей непрочной религии и проведения своих неприемлемых новшеств, он снял с должности прибежища шариата главного казия [Бухары] Мулла Мир Бурханаддин садра 246, сына казия Мулла Мир Бадриддина, а на его место назначил главным казием казия мулла Мухаммад Шарифа садра, сына покойного главного казия домоллы Абдашшукура. Снял с должности раиса Муллу Изамаддина 247 садра, сына известного муфтия, домоллы Арифкула, и направил в Гиждуван, назначив его казием тумана Харканруд. На его место назначили раисом [Бухары] Мудлу Абдассамада ходжу, сына казия Муллы Абдалхайя-ходжи судура; сняв с должности муфти-аскара Муллу Абдуллу-ходжу судура, его отправили в Чарджуйский вилайат, назначив казием [того вилайата]. На его место сделали муфти-аскаром казия тумана Вабкент Муллу Мухаммад Ариф-ходжу судура, сына главного казия, шейхал-ислама 248 Муллы Бака-ходжи. Так он подготовил почву для своих дальнейших действий. Для распространения /129б/ джаидских учений и порядков он подготовил специальную грамоту 249, добившись скрепления ее печатью его величества. Подготовив [грамоту], ее напечатали в нескольких экземплярах. Кроме сторонников [кошбеги], никто больше не был осведомлен о всем этом разврате.

В 1335 г. х. [1917 г.] его величество [эмир] был в Арке. На свое непутевое предприятие [Мирза Насрулла] добился согласия его величества, прибежища халифата. В пятничный день было послано извещение всем улемам и военачальникам собраться в десять часов наверху [в Арке]. Слуги-офицеры, богомольцы, главный казий, ахунд и муфтии, полагая, что это приглашение по высочайшему приказу, прибыли [в Арк]. Всех завели в пятничную мечеть Арка. Еще до прибытия всех слуг и [141] богомольцев тот негодяй, безбожник [кошбеги] пригласил консула с тремя чиновниками и несколько человек джаидов-вероотступников. Он посадил их перед тронем его величества в приемной гостинице Рахим-хана 250. Никто не знал о неблагоприятном предприятии [кошбеги]. Этот несчастный вошел в пятничную мечеть с тремя большими [листами] бумаги в руках. Он присел и одну из бумаг подал главному казию, Мулле Мухаммаду Шарифу 251 со словами: «Внимательно просмотрите, а потом громко прочитайте его величеству и всем собравшимся. Затем я дам вам две другие грамоты, чтобы вы их также зачитали». Главный казий занялся чтением [про себя]. Муфтии попросили читать погромче, чтобы они могли слышать. Главный казий читал неразборчиво; о том, что его

величество [эмир] ради пользы подданных высокого государства назначает при каждом правителе и амлякдаре по одному надзирателю. Всем судьям назначается помесячное жалование, все арестованные и [заключенные] в тюрьме освобождаются. [Но едва это было выслушено], как все улемы и военачальники закричали, что основой их действий является шариат его святейшества пророка, /130а/ да благословит его Аллах и да приветствует. Мы уполномочили четверых из улемов: Мулла Кутбаддина, Мулла Шавкатулла ходжу, Мулла Музаффар ходжу, Мулла Ибадуллу чтобы они, руководствуясь велениями [Корана] и шариата, поговорили относительно религии. Мирза Насрулла, услышав эти громкие протесты, вскочил со своего места и сказал: «Пойдемте в гостиную Рахим-хана, потому что все собравшиеся ожидают нас. Его величество тоже прибудет, и все что он милостиво укажет, то и надлежит исполнить. После этих слов, он вышел [из мечети], все мы последовали за ним в Рахим-ханскую приемную-гостиную. В передней гостиной Рахим-хана [142] стояли консул христиан с [тремя] своими помощниками и несколько человек из негодяев джадидов. Масса людей, улемов, военачальники и чиновников, собравшись, ожидали появления его величества.

Немного спустя показался его величество. Упомянутый главный казий, стоя начал читать большой и печатный лист того манифеста. Его величество стоял и все упомянутые люди тоже слушали читающего стоя. Все как будто были низкими и слабоумными, и не подумали о том, что даже слово Аллаха и священные хадисы читают сидя. А эти, не имеющие смысла слова, состряпанные несколькими вероотступниками джадидами, читают с такой церемонией, с таким безмерным произношением и уважением, заставляя при этом стоять мусульманского государя /130б/. Я испытывал большое душевное страдание, [когда думал], что благороднейший посланник [Аллаха], да благословит его Аллах и да приветствует, сидя выслушал через архангела Гавриила, да приветствует его [Аллах], божественное небесное откровение, так почему же эти слова, не имеющие смысла, все слушают стоя? Содержание упомянутого манифеста не стоило такой степени уважения, потому что оно является изобретением нескольких христиан и джадидов. В нем не было ни стихов Корана, ни слов из хадисов, а был просто набор слов о свободах. Во всяком случае, будь он Кораном, то все равно его читали бы сидя.

Короче говоря, после окончания чтения его величество вышел оттуда и направился к своему трону. Христиане и джадиды, довольные, горячо поздравили друг друга. Одну отпечатанную пачку, – тысячу или больше из тех прочитанных, но не имеющих значения листов [манифеста], они раздали каждому в руки. Люди, бывшие в упомянутом собрании, начиная с высших чинов и кончая мальми, не понимая сути дела, стали как можно скорее хватать из [143] рук христиан [листы], их они считали своим благополучием. Среди собравшихся возникла суматоха.

Так прошла ночь. В субботу [с утра] джадиды с несколькими красными знаменами и флагами [вышли на демонстрацию]. Одна толпа шла со стороны перекрестка, подняв красные флаги, и устроила митинг на площади медресе Кукалдаш. Другая толпа тех [джадидов] шла со стороны /131а/ [улицы] Хиабан], поднимая колеблющиеся красные знамена, бессмысленным шумом и криками вызывая сумятицу. Некоторые из них под знаменами танцевали. Несколько вожakov слабоумных джадидов осыпали [танцующих] розами и сахаром. [Все это] происходило в Бухаре. По милости и великодушию Аллаха и молений распорядителя законами освященного шариата мусульмане и богословы отвернулись от этой гадости. Они, собравшись со всех сторон по пятьдесят

человек, стали окружать [демонстрантов]: некоторых задержали, большинство разбежалось. Знамена и флаги были поломаны и разорваны в клочья. Улемы и подданные, узнавшие о происшедшем, собрались на Регистане у подножья высочайшего Арка и били тревогу. Его величество заперся в царской цитадели. Узнав о сборище улемов и шуме подданных, [эмир] вышел наверх высочайшего Арка. От этого движения джадидов шум в городе еще больше увеличился. Перед этим мулла и поэт джадидов Айна 252, джадид Мир Баба 253 и джадид-торговец ситцем Назири 254, поднявшись на высочайший Арк, просили у Мирзы Насруллы достать им музыку ради увеселения. [Нукеры] их задержали и для успокоения [взволнованных] подданных в день воскресенья всех троих вывели на Тахта-пул 255, дали в наказание каждому по семидесяти пяти палок и бросили в тюрьму. Иранцев Ходжи дадхо и Мирзу Сахба, которые /1316/ были украшением трона джадидов, тоже [144] арестовали и посадили в тюрьму. Благодаря этим мероприятиям его величества волнение среди людей утихло и они разошлись. Но прошло еще два-три дня, пока наступило полное спокойствие.

В следующую пятницу к 10 часам утра индакчи 256 опять пригласили всех улемов и военачальников в высочайший Арк. Мы пришли. В пятничной мечети Арка были постланы ковры, всюду было убрано. Как только мы собрались спросить удайчиев [о причине вызова], Мирза Насрулла кошбеги вышел из своего двора и обратился к удайчиям: «В гостиную Рахим-хана пригласите сегодня и махрамов, сановников, так как придут многие». Я спросил Мирзу Насруллу: «Что за причина этого собрания?» Он ответил: «Сегодня сюда опять придут русский консул со своими помощниками, и в их присутствии все собравшиеся скажут, что манифест, зачитанный в прошлую пятницу, ими принимается». Я сказал: «В прошлую пятницу люди, не зная в чем дело, выслушали упомянутый манифест, но вчерашние волнения открыли нам глаза. [Я полагаю], что вы совершили ошибку. Теперь думайте о выходе из этого положения. Никогда народ не будет склонен принять возвещенного. Не знаю до чего доведет вред от него?» Мирза Насрулла, рассердившись на эти слова, молча вышел. Словом, мы зашли в гостиную Рахим-хана. Она была переполнена улемами и военачальниками. На веранде упомянутой гостиной стояли: консул с тремя своими помощниками и несколько человек коварных /132а/ джадидов, их глава, заместитель упомянутого кошбеги Мирза Мухиддин 257, из видных торговцев Бухары, опустошитель султанской казны Хаджи Абдусаттар со всклооченной бородой и дети влиятельных представителей духовенства, достойные преждевременной смерти. В этот момент явился Мирза Насрулла. Его сейчас же окружило несколько человек из военачальников. Мулла [145] Имамаддин алам 258 и четыре улема, уполномоченные [нами], спросили: «Что за цель заставить волноваться весь этот люд?». Он ответил: «В России настала свобода и здесь также для спокойствия подданных будет установлена свобода и все дела будут оканчиваться благополучно». Уполномоченные сказали: «Все эти ваши деяния кроме разврата народа никакой другой цели не имеют и мы ради этого дела готовы ехать в Петербург, ибо нет возможной свободы». Мирза Насрулла, видя, что хитрость и обманы не пройдут и все тщетно, вышел и, не отставая от его величества, прибежища царства, провел его [в гостиную]. Его величество эмир зашел в гостиную, сел на свое место и, оказывая милость, сказал: «Примите свободу ради меня. Я тоже человек и все эти мои начинания ради вашего блага и спокойствия». Но все закричали: «Пока мы живы, такого рода свободы мы никогда не примем. /132б/ В сущности, свобода — это наш шарргат! И мы никогда не преступим законы шариата». Мирза Насрулла был за дверью [гостиной]. Его величество понял, что все единодушны в мнении. Обращаясь к Мирзе Насрулле, он сказал:

«Кошбеги, зайдите и поговорите с ними». Мирза Насрулла зашел и смущенно сказал: «Примите слова его величества» и опять все закричали: «Насчет [свободы] мы со словами [его величества] никогда не согласимся». Его величество, видя, что [люди] никак не хотят исполнить его воли, встал со своего места. Мы, опять – шесть человек из военачальников, окружили его величество и, плача, сказали ему: «Да станем мы вашей жертвой, государь! Мы ваши самоотверженные слуги никогда не согласимся с такими идеями». Мирза Насрулла стоял позади его величества. Прибежище саййидов офицер Тура-ходжа 259 судур обратился к Мирзе Насрулле [с резким упреком]: «Ты испортил [государственные] дела». Я тоже возмущенно [146] сказал ему: «Его величество ты отдалил от его собственных слуг. Никто из слуг не узнает его величества. Ты забрал всю власть в высочайшем государстве в свои руки и в конце-концов совершаешь еще такие дела [как введение свободы]!». Все заплакали и поднялись такие вопли, будто наступил день страшного суда в гостиной Рахим-хана. Началась сутолока. Его величество тоже горько заплакал. Я и прибежище военачальников Аулия-кул диванбеги, открыв дверь в покои его величества, взяли его под руки и /133а/ вывели за дверь. Тут я сказал [эмиру]: «Да буду я вашей жертвой, вы не слушайте этого неблагодарного!». С этими словами мы закрыли за ним дверь. Все мы, присутствовавшие, покинули [гостиную эмира] и увидели [необычайную картину]: весь Регистан и Арк были полны студентами и подданными жителями высочайшего государства. Все кричали раздирающими душу громкими голосами, плач и стон повисли в воздухе. Одни зывали: «Увольте Мирзу Насруллу от должности вазира!» Другие кричали «Мирзу Мухиддина, негодника, сбросьте вниз с накара-хана!» 260. Жители окрестных селений города [Бухары], узнав о том, что происходит с джадидами, стали собираться в большие толпы и спешить [в город], жажда крови джадидов. В туманы Бухары были посланы люди 261.

Короче говоря, весь день до полуночи [возбужденный] народ не расходился с Регистана, от ворот высочайшего Арка, ожидая выхода оттуда консула и джадидов, чтобы при выходе их всех арестовать. И лишь после полуночи, перед рассветом, консул со своими помощниками и джадидами тайно были вывезены [из города] через Самаркандские ворота в сторону станции Каган.

В воскресенье для исправления всего совершившегося и ликвидации этой смуты студенты, улемы и подданные собрались [возле Арка]. Его величество [147] поднялся в высочайший Арк. Скопление людей все более увеличивалось. Главный казий, раис и муфтий тоже поднимались [в Арк] и все собрались во дворе кошбеги. Со всех сторон прямо в лицо Мирзе Насрулле /133б/ сыпались грубые оскорбительные слова: Все эти беспорядки возникли от тебя, всю эту смуту в народе заварил ты, даже давал ход джадидам!» С ответом на эти [упреки] людей выступал раис Бухары, Абдуссамад ходжа судур, и сказал: «Джадид – не богоотступник». Едва он успел сказать эти слова, как его схватили за шиворот, стащили с суфы вниз и стали избивать и скрутили ему руки. Но подоспевшие люди вазарат-панаха [Мирзы Насруллы] вырвали [раиса] из рук и доставили на балахану [двора кошбеги] и спрятали. Хотели побить и главного казия, но его удалось втолкнуть в гостиную кошбеги и там запереть. [Собравшихся] людей стали просить потихоньку и по-хорошему разойтись. А народ ничуть не подчинялся. В конце-концов главный казий и кошбеги выдали от своего имени бумагу, скрепив ее своими печатями. Но народ и этим не успокоился: «Пока эта бумага не будет скреплена еще и печатью его величества, мы не уйдем». Кошбеги удалился и принес

скрепленную печатью его величества [бумагу] и отдал. Народ успокоился и спустился [из Арка].

В понедельник учащиеся медресе под влиянием некоторых порицаний и подстрекательств собрались на Регистане. Узнав об их сборище, кошбеги послал людей за главным казием, ахундом, учеными и муфтиями. Они прибыли. Мулла Мухаммад Шариф, главный казий, в пышной одежде прибыл на Регистан с большим числом своих слуг. И только он хотел подняться наверх [в Арк], как учащиеся из горных мест 262 стащили главного казю /134а/ с лошади и сильно избили 263, изорвав на нем чалму и одежду, сорвали с пальца бриллиантовый [148] перстень, сняли пояс и хотели было его задушить. Но сбежавшиеся сверху [из Арка] удайчи его спасли – посадили главного казю в фаэтон и отправили домой. Подобную дерзость со стороны учащихся горцев сочли следствием подстрекательства со стороны отставленного с должности главного казю Муллы Бурханаддина. Ради спокойствия главного казю [его] отправили из города [Бухары] в сторону [станции] Каган, в имевшийся там чарбаг. Люди стали было успокаиваться. Однако джаиды, снова как и в понедельник, не отказались от своих идей и несправедливых поступков: их разговоры и пропаганда их идей на улицах и базарах стали еще больше. Все, слыша открыто такие речи, послали во все туманы извещения через [особых] людей. Все улемы, военачальники и студенты медресе собрались в Арке и единогласно стали кричать: «Пока Мирзу Насруллу кошбеги не снимут с поста вазира, мы отсюда не уйдем!» Его величество [эмир], любящий своих подданных, оказывая ласку своему народу, немедленно [Мирзу Насруллу] отстранил с поста вазира. Его имущество отобрали в пользу высочайшей казны, а его самого с семейством выслали в Каршинский вилайат, [поселив] в чарбаге Курганча 264. На его место /134б/ на высокочтимую должность кошбеги был назначен амарат-панах Мирза Низамиддин-ходжа бий диванбеги бывший до этого закотчи, [проживающим] в нижнем дворе. Все вазирские дела в высочайшем Арке поручили ему. Его сына амарат-панаха Нусратуллу-ходжу бия дадхо назначили правителем вилайата Китаб. [Точно также] в 1335 г. х., 9 шаввала. [31. 07. 1917 г] уволили главного казю Муллу Мухаммада Шарифа судура; на его место был назначен прежний главный казий Мулла Мир Бурханаддин садр. Муфтий-аскара Муллу Низомиддина бия садра назначили раисом [города] Бухары. А меня возвели [149] на высокочтимую должность парваначи вместе с правом сбора занята [с товаров, следующих] по путям, [ведущим] в Кабул, Мешхед, Урганч, Коканд, Ташкент и закята Бухары. Все были пожалованы и обласканы [пожалованием] комплекта верхнего великолепного платья и коня в богатом уборе с бархатным, шитым золотом чепраком, чем голову мою, слуги, возвысили до вершины созвездия Плеяд. Оставшись довольным, я занялся молением [богу] за продление жизни государя и торжества его величества, прибежища государства. Затем я отдался своим служебным обязанностям, Я завоевал благословение людей от малого до взрослого. Раньше Абдулла-ходжа судур был назначен казием Чарджуя. Его отозвали обратно и сделали муфти-аскаром вместо Ариф-ходжи судура, сына Шайхал-ислама. Кроме того, его удостоили чином садра /135а/. Так установился порядок, как прежде.

Как было сказано выше, джаидов уговорили и задобрили. Собравшихся из-за мятежа джаидов жителей кишлаков по-хорошему уговорили разойтись. Так, все люди успокоились и занялись своей работой. Но джаиды, хотя внешне казалось, что они вернулись к своим занятиям, на самом деле вели подготовку к тому, чтобы осуществить свои дела. Их вожаки Мухиддин и Файзулла Ходжа 265 съездили в Москву и Петербург, встречались там с

руководителями сторонников свободы Новой России, государства большевиков, дали им множество обещаний, чем склонили их на свою сторону. В Бухаре они развернули пропаганду и подстрекательство, чем продемонстрировали перед глазами [большевиков] свою [деятельность] в области заговора и смуты. Они на станции Каган наняли двор и превратили его в место заговоров. На крыше дома, окружив его, водрузили красные знамена, полки в комнате заполнили джадидскими книгами. Они собирались один два раза в [150] неделю и вели разговоры относительно организации беспорядков и смуты. [Кое-кто] из доброжелателей высокого превосходного государства старались уничтожить это общество, но не приложили должного старания и ничего по этому поводу не было предпринято, они полагали, что ничего особенного пять-шесть джадидов совершить не смогут. Несколько человек из общества джадидов, /1356/ удостоенных доверия государя и вазиря, [на службе] были известны, но как пособники джадидов в глазах государя они казались жалкими. [Эмир] не понимал, что нельзя не дооценивать мелкого врага, считая его ничтожным.

Фард [строфа]:

Если [на пути] ты не остановишь ручеек, то его не переехать даже на слоне.

Как пишут в исторических книгах, такие враги веры, которые вначале кажутся подобными муравьям, спустя немного времени становятся змеями и драконами. Они разрушают имения и опустошают дома. К примеру, Абдассалам, будучи немусульманином из корысти стал мусульманином. Среди мусульман [существует правило], что все правоверные друг другу братья, [это] упомянуто и всевышним Аллахом в его достославном Коране. Слово всевышнего: «О верующие! Верующие ведь братья. Примиряйте же обоих ваших братьев... » 266 Этот несчастный безбожник, [Абдассалам], какие еще смуты не творил. Он принял абсурдный толк шиитов и его разделил на семьдесят две секты. Правоверных братьев отделил друг от друга, между ними посеял вражду.

Или же, был некий Хасан Саббах, от творимых им беспорядков и смут страна сбилась с пути. Все растерялись и начался грабеж. До эмира Тимура Сахибкирана, [151] да осветит [Аллах] его могилу, Ибн Муканна 267 Самарканди, который, сбив с пути толпище людей, назвал их «людьми в белых одеждах», какие только не творил он проступки бесстрашия и несправедливости, а это общество джадидов превзошло и его.

В «Мушкот-и Шариф» 268 и «Сахи-и Бухори» 269 включены священные хадисы о его светлости Пророке, да благословит его Аллах и да пошлет ему мир, что доказывает Мухаммал ибн Касир, и сообщает Суфийан-и Саури 270, Аъмаш 271, Сувайд 272 и Али, да будет доволен им Аллах, Пророк, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир.. 273

В день светопреставления появится группа молодых и глупых людей. Еще несовершеннолетние они произнесут слова великого Имама или какого-то благородного, проявят много стараний, распространяя разные разговоры и убегут от ислама, словно стрела из лука. Вера их не перешагнет дальше их глотки. Где бы вы их не видели, убивайте. Достаточно их как следует убивать, чтобы сделать доброе дело и в день светопреставления получить награду [от бога]. Они такое общество, про которое его святейшество, благородный посланник божий, да благословит его Аллах и да приветствует /1366/ лучами пророчества, возвещает, что большинство их является молодыми людьми.

ТАРИХ-И САЛИМИ

СЛОВО О РАДОСТИ БЛАГОРОДНОЙ БУХАРЫ ПОСЛЕ ОЖЕСТОЧЕНИЯ

В 1335 г. х., [1917 г.] в конце года змеи и начала года лошади произошли [страшные] события для населения благородной Бухары и Маверауннахра и даже вилайатов Туркестана и Ферганы. И все из-за поднятой войны русскими людьми, называемыми большевиками, то есть [152] мужиков, которые являлись рабочими и ремесленниками из разных областей России. Они вели тяжелую, трудную работу, полную страданий, бедную жизнь. В русском государстве живущих хуже них не было. Подобных бедных не было даже ни в одном государстве Европы и Китае.

Был 1332 г. х., [1914 г.], год зайца. Государство великой славы Россия, начиная с эпохи царствования Александра Николаевича, стало завоевывать области Туркестана и Ферганы. Это продолжалось и в эпоху его сына Александра Александровича и сына последнего Николая Александровича. При последнем [упомянутые области] полностью были подчинены [России]. По воле и желанию Аллаха, из областей Маверауннахра [она] захватила вилайаты Ура-типпа, Джиззах и вилайат Самарканда, который был самым лучшим, с приятною водою и воздухом, и считался даже блеском лица земли /137а/ вместе с подчиненной ему [территорией] до вилайата Катта-Курган и сделала их зависимым от государства России.

В то время благородная Бухара и Маверауннахр подчинялись повелителю верующих его величеству благородному могущественному правителю, прибежищу халифата, эмиру всех мусульман, эмиру Саййиду Музаффар-хану, сыну Саййида эмира Насруллы, от силы могучего меча которого лев и барс разбегались по углам. Благодаря шахиншахской доблести зимою 1280 г. х. [1863-64] он с помощью многочисленного войска и громящих [вражеские] войска, губящих души пушек вырвал из рук мятежников и с гневом захватил вилайаты Дехнау, Хисар, Куляб, Бальджуан, Дарваз – вплоть до Шугнана. На местах он оставил [отряды] борцов за веру в ислам, самоотверженных слуг, и с триумфом прибыл в царскую резиденцию. Дважды он захватил вилайаты Ферганы и, из любезности и славы, те края передал государю тех мест Худайар-хану и вернулся [в Бухару]. [153] К этому времени христианские войска стали приезжать в вилайаты Туркестана. Считая долгом правоверных борьбу против иновории, улемы дали заключение согласно законам шариата. Покровитель религии, государь, /137б/ посоветовавшись с видными военачальниками, изъявил свое желание пойти на соглашение с сильным врагом, что соответствовало стиху Корана «Ведь согласие – лучше» 274 . Он отправил посла и заключил перемирие. Но по божественному предопределению верх одержала борьба за веру, и улемы, собравшись, усилили невиданные агитации и пропаганду. Покровитель веры волей-неволей с многочисленным войском и бесчисленными сторонниками борьбы за веру, по желанию последних, выступил в поход и дошел до берега реки Сайхун, которую обычно называют Сырдарьей. В местности Сассиг-куль 275 он разбил шатры и палатки. Простояв несколько дней и не достигнув цели, он повернул оттуда обратно и прибыл в Самарканд. Командующий войсками христиан, генерал Черняев, набравшись смелости, переправился через реку Сырдарью и появился у города Джиззах. В крепости этого вилайата находились несколько тысяч бухарских нукеров как авангард. Из военачальников государя царства Маверауннахра здесь были Мухаммад Йакуб-бий 276 кошбеги, который был слугой и воспитанником [эмира], Искандар 277, афганский генерал, и несколько других лиц. Правителем того

вилаята был тогда прибежите власти Аллаяр-бек диванбеги, мангыт. Он предпринял несколько мужественных атак против христианских войск. Но сколько они ни старались, судьба predetermined победу христиан. /138а/ Аллаяр-бек бий [диванбеги, генерал Искандар] и несколько военачальников вместе с авангардом войск были убиты в бою. Лишь немногим вместе с Йакуб-бием кошбеги удалось бежать и прибыть к своему государю в [154] Самарканд. Христианский генерал Черняев, не довольствуясь захватом вилайата Джиззах, вместе со своим войском выступил из Джиззаха и, пройдя через Илан-отти 278, встретился с бухарским войском возле [селения] Сайбуйи, Янги-курганского [вилаята] и завязал сильное сражение. Бухарское войско потерпело поражение. В местности Хишт-кофрук между Самаркандом и Сайбуйи произошло второе сражение, и [бухарское войско], не достигнув цели, ушло обратно в Самарканд. Его величество, повелитель верующих эмир Саййид Музаффар, чувствуя, что все старания напрасны, и что это predetermined [богом], назначил правителем Самарканда прибежище власти Шир-Али инака, который был из числа его купленных за золото слуг, а сам вернулся в благородную Бухару. Уповая на всевышнего Аллаха, он стал размышлять о том, как быть с христианами. Христианское войско напало на Самарканд и осадило его. Иранцы Самарканда, сардаром которых был Мухаммад Юсуф-бий дадхо, вступил в союз с таджиками Самарканда, и они открыли ворота Самарканда. Христианство без боя и усилий вошло в город. Все старания Шир-Али инака оказать сопротивление никакой пользы не дали. Он сам был убит. /138б/ Из учащихся медресе Бухары и борцов за веру многие были перебиты. Лишь небольшое количество их бежало и прибыло в Бухару. Генерал христиан Черняев, пробыв в Самарканде несколько дней, привел свое военное снаряжение в порядок и с войском подошел к Катта-Кургану. Захватив последний, он захотел двинуться на Бухару. Его величество эмир Бухары собрал войско и под предводительством Усмана туксабы, Хаджи Туксабы – командира и нескольких других военачальников Бухары, они отправились навстречу русским. В местности Зирабулак, в двух фарсах от Катта-Кургана, они [155] встретились с христианским войском и мужественно завязали бой. С обеих сторон был много убитых, а раненых нельзя было сосчитать. Русское войско оставило поле боя и повернуло в Катта-Курган, не думая больше наступать против [бухарцев]. Бухарское войско в Зирабулаке задержалось на несколько дней. Доложили его величеству о возможном продвижении в Катта-Курган. Но его величество прибежище халифата, согласно содержанию священного хадиса: «Государственные деятели должны работать с вдохновением» 279, проявил заботу о населении, о вдовах и несчастных жителях высочайшей столицы, и следуя стиху Корана: «Ведь согласие лучше», ибо «Аллах благословляет сторонников перемирия», он исходя из этого, отправил для /139а/ заключения мира нескольких слуг своих и военачальников в Катта-Курган к генералу Кауфману, который вместо генерала Черняева стал командующим армией христиан. [Генерал Черняев] был снят с поста за то, что осмелился двинуться на Бухару. Он был смещен с занимаемой должности еще и по той причине, что, когда Александр Николаевич для наказания [восставших] казахов Туркестана направил войско с генералом Черняевым, последнему было приказано, чтобы он не переходил Сырдарью и не наступал на земли благородной Бухары. И еще причина: при императоре Николае Павловиче 280, отце Александра Николаевича, его величество Саййид-эмир Насрулла, государь Бухары, отправил деда пишущего эти строки, Балтакул-бека чигатай-беги 281, послом в Петербург к императору Николаю Павловичу, и тогда было заключено дружественное соглашение. А генерал Черняев после того, как захватил Ташкент, заставил отступить от берега реки Сырдарьи многочисленные войска, прибывшие во главе с его величеством эмиром Саййид Музаффаром. Он же

распускал немало клеветы [156] по адресу Бухарского государя и допускал [другие], подобного рода, дерзости.

[Руководствуясь] велениями всевышнего Аллаха, эмир подготовил текст договора и после отхода христиан в Каттакурган послал его к генералу Кауфману. Этот генерал, прочитав /1396/ текст договора, высказался за установление дружественных отношений и поощрял послать посла в Петербург. Его величество Саййид-эмир Музаффар, посоветовавшись с генералом Кауфманом, отправил в Петербург к императору России Александру Николаевичу амарат-панаха Абулкасым-бия 282 дадхо, сына Мухаммад Хаким-бия кулл кошбеги вместе с зеницей ока всех мирян Саййид Мир Абдалфаттах ханом турой. Император одобрил первый заключенный договор и выразил уверенность, что он укрепит все условия дружественного соглашения. Саййид Мир Абдалфаттах туру он принял ласково и затем отпустил. Тот благополучно прибыл к отцу.

Начиная с 1. 286 г. х., [1869-70 г.], с императора Александра Николаевича и при его сыне, Александре Александровиче, и сыне последнего Николае Александровиче, продолжались прочные дружественные отношения, и вот уже пятьдесят лет, как между Российским государством и благородной Бухарой от его величества милосердного Саййид-эмира Музаффар-хана и [во время правления] его величества Саййид-эмира Абдулахад-хана, место которых в раю, и в течение времени нынешнего государя, милостивого и справедливого Абдулгазия Саййид-эмира Мухаммада 'Алим Бахадур-хана [дружественные] связи остались крепкими и устойчивыми. Никаких разногласий между двумя государствами не происходило. Он старался все больше укреплять дружбу и /140а/ обеспечить спокойствие людям Аллаха... 283

Свою столицу [большевики] перенесли в Москву. [157] Тысяча большевиков в 1335 г. х., в месяце тирмах, в году змеи, за десять дней прибыли в Ташкентскую область. В Ташкенте, присоединившихся [к большевикам] солдат-пехотинцев 284 было мало. Местные конные казаки 285, несмотря на свою малочисленность, несколько дней сражались с большевиками и затем волея-неволей сдались. Оставив свою артиллерию, винтовки и другое военное снаряжение [большевикам], они сами ушли в сторону Оренбургской области. [После этого] дела большевиков продвинулись. [В Ташкенте] утвердили губернатором Колесова 286, затем они перешли в Коканд. Явившись в Самарканд, они у местных солдат отобрали пушки, винтовки и другое военное снаряжение и этом успокоились. Состоятельных жителей Ташкента, Коканда и Самарканда с их последователями [большевики] обложили насильно и принудительно [контрибуцией] в сумме нескольких миллионов рублей. При этом они применяли все виды жестокости и насилия. Затем они согласно договоренности, вместе с артиллерией и солдатами через [территорию государства] благородной Бухары направились в сторону Мерва и Красноводска, где приняли предосторожности 287 и подчинили себе [упомянутые области]. Здесь, отобрав [у местных туркмен] оружие, они успокоились.

На станции Каган, расположенной в одном фарсах от благородной Бухары, в упомянутом году в месяце сафаре, [соответствующем] началу [солнечного] месяца каус 288, /140б/ то есть зимой [большевики] 289, введенныев соблазн джадидами, ждали [удобного] случая, тщетно надеясь на исполнение их лживых обещаний. Его величество Саййид-эмир Мухаммад Алимхан, заметив признаки неприязни среди большевиков, велел прибежищу власти Рахматулла ходже 290 бию, казначею, устроить торжество. Под предлогом торжества были призваны

на [158] копкари-таз 291 [мужское население] туманов Бухары и Мийанкаля 292, вилайатов Кермине, Зийауддин, Хатырчи и Нур-Ата. Собралось большое количество людей. Им были отведены жилища близких от царского дворца Ситара-и Махаса. [Эмир] ежедневно выдавал им от тридцати до сорока козлов. А сам, поднявшись на крышу дарваза-хане 293 чарбага, ставил царский шатер и оттуда любовался. Собрались тысячи зрителей. Таким образом прошло пятнадцать дней. Большевики не ушли из Кагана и продолжали находиться там. По окончании торжества, [устроенного] упомянутым казначеем, его отец, вазарат-панах Низамаддин Ходжа-бий кошбеги с высочайшего соизволения также начал празднества. Как и в предшествующие торжества от высочайшего дворца его светлости покойного эмира [Сайид Абдулахад-хана], чье место в раю, до вновь построенного высочайшего дворца того царственного государя на протяжении около пятисот шагов [кошбеги], расстилая под ноги [эмира] пайандаз из камки с тканными на нем благословенными текстами, под ноги государя, опоры справедливости, бросал множество монет из золота. И слуги высокого дворца и присутствующие подбирали столько, сколько каждому выпадало на долю, за что оставались довольным и молились за долгую жизнь и высочайшее царство [эмира]. /147а/ Ежедневно он поочередно приглашал всех слуг-благожелателей далеких и близких и угощал их различными явствами. Каждый день [эмир] выдавал на козлодрание от сорока до ста козлов. Но в эти дни дороговизны и голода цены. были столь [высоки], что за исключением шахского двора у других людей ничего не имелось. Каждого козла покупали за четыреста-пятьсот тенег. Дороговизну и страшный голод того времени я описываю еще и потому, что подобное в летописях никем не упоминается и язык не в силах рассказать это [159] Короче говоря, подобного рода расходы кошбеги делал на протяжении целого месяца празднования. В теченрге празднеств тремстам человекам из слуг высочайшего двора, слуг нукеров [разных] отрядов, людей упомянутого кошбеги и джигитов туманов Мийанкала были пожалованы различные султанские [отличия]. Пишущий эти строки с самого начала этих празднеств находился при высочайшем стремени. Тогда я представил список двадцати двух человек своих людей для производства в благословенные чины высочайшего двора. Моего главного мирзу, иранца Мирзу Мухаммад Шарифа, мирахура [эмир] удостоил чином токсабы; четырех моих джибачиев – чином караул-беги, пятерых мирза-башиев – чином джибачи; остальных [повысил] в чин мирза-баши с вручением им султанского указа и по полному комплекту благословенной верхней почетной одежды, за что все они молились за незыбленность государства. Я тоже удостоился подарка трех наборов верхней одежды из цветастой парчи высшего сорта, куска европейского бархата и куска марли.

С начала празднеств казначея /147б/ и вазарат-панаха прошло уже сорок восемь дней 294, но празднества все еще продолжались. [В день] пятницы губернатор большевиков Колесов прислал его величеству со станции Каган письмо, которое содержало в себе требования из восьми пунктов. Там подчеркивалось, что «если вы эти требования примите, то мы, как прежде, останемся в дружественных отношениях. В противном случае, мы предпримем наступление на Бухару со своим войском и артиллерией. До завтрашнего дня, субботы, пришлите свой ответ, мы ждем вашего ответа» 295. Его величество, прочитав его письмо, послали за всеми сановниками, улемами, военачальниками высокого государства и велели собраться всем в чарбаге Ситара-и Махаса, [160] который был высочайшим пристанищем [эмира]. Здесь [эмир] просил совета как ответить ка письмо [Ф. Колесова]. Все слуги и богомольцы благословили высочайшее государство и, прочитав требования, убедились в том, что все требования большевиков были требованиями и

желаниями вышеупомянутых джадидов. В случае принятия [этих условий], не осталось бы и следа от шариата и правительства, управление Бухарой и вся богоспасаемая страна, все довольствия и веселья достались бы джадидам. В случае непринятия [требований], большевики [поверили] бы ложным заверениям джадидов, согласно которым тридцать тысяч джадидов находятся в Бухаре в полной боевой готовности и поднимутся против эмирской власти, откроют ворота и сдадут им [город]. И Колесов, действуя по наущению джадидов, с войском /148а/ и артиллерией движется на город Бухару. Необходимо было на его письмо для первого раза отправить наставительный ответ. И самим [нужно] было сегодня же составить высочайшее благословенное [послание] и отправить ко всем амлакдарам и казиям, чтобы подданные туманов немедленно явились сюда [в Бухару]. Также распространить по всей богоспасаемой стране высочайший указ, чтобы все слуги [предводители] нукеров и борцы за веру прибыли [в Бухару]. Согласно высочайшему милосердному [указу] слуги и чиновники, махрамы и ясаулы разъехались по всем направлениям, чтобы объявить [высочайший указ]. Затем несколько человек слуг-богомольцев, купцов и я зашли в особый двор и составили черновик ответного письма [Ф. Колесову]. [Письмо] представили перед лучезарными очами [эмира] и согласно высочайшего позволения поехали в город.

В это время совершилось и другое: вазарат-панах Низамаддин-ходжа, кошбеги, устраивая упомянутого [161] масштаба торжества, истратил много казенных денег. [Кроме того], по его ходатайству, триста человек стали виновниками и теперь разрешение всех важных дел находилось в его руках. Его уволили в отставку с поста вазира. На его место был назначен бывший правитель Каршинского вилайата прибежище власти Усман-бий инак, который был человеком преклонного возраста, семидесяти двух лет от роду. Со времени поездки его величества Бухарского эмира в Петербург для изучения русского языка он был самым близким человеком его величества. /148б/ Тогда он сопровождал [эмиру] и находился при нем. Его возвысили на высокочтимую должность парваначи и пожаловали ему должность вазира всего Бухарского [эмирата]. В тот же день находившийся на службе на станции Каган Мирза Махди-ходжа 296 телеграфировал его величеству: «Согласно требованию главы большевиков Колесова немедленно пошлите ответ на его письмо». Его величество [эмир] написанное вчерне [ответное письмо], представленное пред лучезарными очами слугами-богомольцами отправил в [арк] с прибежищем власти Барат-бекбием дадхо удайчи, чтобы там посоветовавшись, написали ответ [Колесову] и послали [в Каган]. Главный казий, раис, я и вазарат-панах Усман-бек-бий парваначи зашли во дворик кошбеги и присели возле телеграфного аппарата. Позвали к телефону Махди-ходжу бия, переговорили и передали ему в ответ: «Восемь требований [Колесова], согласующихся со священным шариатом, мы принимаем». Затем, окончив письмо, мы отослали его с упомянутым [Барат-беком] удайчи к его величеству. Было около полуночи, когда мы разошлись по домам.

Итак, тот черновой экземпляр письма его величество отправил [в Каган] в качестве ответа Колесову. Колесов и большевики в результате агитации и [162] подстрекательства безбожных лгунов-джадидов сразу же со всеми своими содатами и артиллерией /149а/ двинулись на Бухару. Его величество, услышав эту страшную весть, послал за всеми слугами – предводителями войск, слугами-предводителями нукеров и отрядов гвардии мангытов и групп калмыков-огуз. Абдасаттар-бек-бий дадхо, топчи-баши 297, высочайшую артиллерию вывел наружу. Командующим всеми этими слугами [предводителями] регулярных войск и отрядами нукеров эмир назначил вазарат-панах

Низамаддина-ходжу бия кош-беги. Затем последовал высочайший приказ о выступлении против внезапно появившегося врага. Множество учащих медресе и муллы и бесчисленные подданные, все вооруженные ружьями и чем попало, газиы – каракалтаки 298 сразу пошли в поход. Они встретились с врагом, не доходя до кишлака Абришим, откуда до Бухары около трех четвертей фарсаха расстояния. Между сторонами поднялось пламя огня войны. Они друг друга открыли ураганный, словно дождь, огонь из пушек и винтовок. Бой длился около двух часов. В это время вражеская пуля настигла амарат-панаха Шамсиддин-бия, офицера регулярных войск, и он умер мученической смертью. За последние пятьдесят-шестьдесят лет бухарское население не видело войны и поэтому, услышав выстрелы из пушек и винтовок, перепугалось. Хотя от пуль газиев ислама погибло множество вражеских [солдат], /149б/ но по воле и желанию Аллаха и сами газиы приняли мученическую смерть. [Отряд] Шамсаддин-бия, видя смерть нескольких воинов и артиллеристов, стал отступать. Так все бухарское войско, потерпев поражение, разбежалось по сторонам. Об этом сообщили в Бухару. Все пришли в смятение.

Пишущий эти строки, вместе с прибежищем [163] саййидского достоинства Тура-ходжа судуром поспешно сели на коней и выехали через ворота Кавала, куда направлялись бежавшие [с поля боя] нукеры. Проехали дальше. Навстречу скакал вазарат-панах Низамаддин-ходжа бий, кошбеги. Мы остановили его, стараясь вернуть обратно, но он в сильном испуге сказал, что враг преследует их. Волей-неволей мы проводили его до станции у ворот [Кавала], сняли с лошади и задержали, насильно уговорив подождать до прихода артиллерии. Прошло около часа. Оставив в руках врага две бухарские пушки, начальник артиллерии с третьей пушкой и орудийной прислугой с оставшимися воинами подошел к воротам Кавала. Слово пьяные, никто не соображал, что делать. По милости Аллаха, враг, собравший трофейные пушки, вдруг прекратил наступление. Он повернул обратно и прибыл на станцию Каган. В случае продолжения их действий, случилось бы безобразие. Вдов и несчастных-бедняков настигла бы участь ограбления. Этот огорчительный случай /150а/ заставил бы всех плакать и стонать. Улемы, военачальники и подданные обратились с горячей мольбой к милостивому творцу предотвратить злосчастье и отразить беду.

Ужасное сообщение дошло до его величества, который велел всем предводителям [нукеров] и предводителям регулярных войск укрепить ворота. Кроме упования и надежды [на бога] другого выхода не было. [Эмир] для себя назначил охрану в составе отряда сарбазов и отряда передовых солдат. Слуги высочайшего правительства просили и уговаривали его величество, чтобы он вошел в Бухару и расположился в высочайшем Арке. Но возле его величества днем и ночью находился главный правитель канцелярии джадидов Хаджи Зикрия 299, которого [эмир] возвел в чин туксабы, оказывая ему [164] внимание и подарил кошелек с золотом. Он был другом и собеседником [его величества] и знал все тайны государя. Все до мелочей он доносил джадидам и осведомлял их. Слуги высочайшего двора, опасаясь этого поганого пса, не имели возможности сообщить о нем [и о своих планах] высочайшему господину. И сегодня, когда самоотверженные слуги просили его величество войти в Бухару, развратный и распутный Хаджи Зикрия, узнав об этом, известил его величество о том, что якобы «те, которые обратились к нам, намерены загнать вас в клетку Бухары и выдать в руки большевиков. /150б/ Мой добрый вам совет таков: когда все заснут, после полуночи садитесь в автомобиль и под видом, что едете в Бухару, прямо поезжайте в Каршинский вилайат. Оттуда, переправившись через реку, поезжайте в Афганистан и приведите от

афганского эмира войско на помощь, и мы большевиков не допустим к Бухаре. Этим же бухарским солдатам и нукерам мы не доверяем», Так он стал лукавить. Его величество, поверив словам этого неблагодарного предателя, втайне приготовил путевые запасы: деньги и съестные припасы и стал ожидать удобного момента. Когда время было за полночь, подали [эмиру] машину и приготовились в путь. Но один из благодарных служащих, узнав суть дела, сразу же пошел и заявил об этом удайчиям. Те в смущении проснулись и, явившись [к эмиру], узнали о происшедшем. После долгих уговоров его величество заставили отказаться от своего окончательного решения. В четыре часа до призыва к утренней молитве [эмира] ввели в город [Бухару] и разместили в высочайшем Арке. Хитрости и обману предателя Хаджи Зикрии не удалось осуществиться. Целью этого несчастного, неблагодарного человека был верное служение своим джадидам, увезти и [165] предать его величество в их руки. Всевышний бог сохранил государя, защитника веры, от злобы того негодяя /151a/. Проявилось искреннее милосердие благородных людей к положению дехкан и населению благородной Бухары. Благодаря милосердию Аллаха и помощи благородных людей, принятию и услышанию [богом] молений правоверных, его величество повелитель всех мусульман, прибыв в высочайший Арк, вооружил около пятисот человек из находившихся у стремени чиновников, махрамов 300 и есаулов 301 пятизарядными заряжающимися с дула винтовками. Затем он пригласил к себе главного казая, а из слуг – Тура-ходжу садра и меня. Присутствовавшие [у эмира], до всего этого шума и триумфа большевиков, готовились заключить перемирие. Слуги и молельщики, придя к решению, отправили на станцию Каган к колесовцам кошбеги Усман бек парваначи, амарат-панаха Барат-бек дадхо удайчи и, из жалости, упомянутого Хаджи Зикрия токсабу. Они с белым флажком мирных намерений прибыли на станцию [Каган], встретились с главой большевиков и предложили заключить мир. Файзулла ходжа, сын бухарского торговца Убайдулла-ходжи 302, которому было восемнадцать лет, сделался деятелем общества джадидов и даже большевиков и распорядился их расходами. Он был застрельщиком всех интриг. Со стороны большевиков он был единственным оратором и проявил много грубости и жестокости. Ни страха перед всемогущим [Аллахом], ни стыда перед слугами высочайшего двора [у него не было]. /151б/ Он говорил речи, которые нельзя повторить, потому что они были полны бесстыдства.

Короче говоря, [наши представители] остолбенели от изумления. Большевики вместе с тем бесстыдником удалились в другую комнату и совещались. Через час [166] они вышли к слугам высочайшего [двора] и открыто заявили: у нас отрядов множество, поэтому мы выделим по два человека от каждого отряда и вместе с вами направим к его величеству. Перемирие вы завершите там и они возвратятся. Слуги высочайшего двора, преданные и верные [эмиру], уповая на бога, приняли их слова за чистосердечные, и по телефону из Кагана сообщили [в Бухару]: «С нами приедут посланцы-реформисты. Вдоль дороги [торгового] ряда назначьте людей, чтобы на [них] не посягнули». Его величество немедленно определил несколько человек из военачальников и чиновников по [торговому] ряду для встречи и сопровождения гостей. Для принятия гостей приготовили двор кошбеги. Все слуги высочайшего двора построились тесной шеренгой и стали ожидать. Трое из слуг правительства [Бухары] прибыли с двадцатью двумя большевиками. Главой их был коварный безбожник Уткин 303. Все они были полностью вооружены пятизарядными винтовками, некоторые из них револьверами. Они сразу /152a/ с великим торжеством поднялись в высочайший Арк и намеревались прямо войти к его величеству. Слуги высочайшего двора переградили им путь, предложили угощение и отвели во двор кошбеги. Упомянутый Уткин один, вооруженный,

вошел к его величеству, где пробыл около четверти часа, и вышел. Его тоже провели во двор кошбеги к его товарищам. Было приготовлено угощение для гостей. Неблагодарный Хаджи Зикрия находился при них, готовый к услугам. [Уткин] в сопровождении Хаджи Зикрии зашел в комнату с телефоном, сказав, что сообщит в Каган о своем [благополучном] прибытии. Что он мог передать? Через час со стороны Регистана снизу под высочайшим Арком послышались винтовочные выстрелы. Тут нам сообщили, что со всех [167] сторон бухарской крепости появилось множество русских. Услышав эту страшную весть, все слуги справедливого двора бросились во все стороны. Возникла суматоха. Сразу же заперли ворота двора кошбеги. Снаружи вокруг [дворца] цепью стали наготове полностью вооруженные солдаты гвардии [эмира], которых называют Терскими 304. У ворот города [за русскими] наблюдали солдаты и нукеры с пушками. К воротам Кавала по общеизвестной дороге на Каган на двух-трех автомобилях приближались многочисленные..., полностью вооруженные большевики. /1526/ По железной дороге прибыл состав с множеством вагонов полных большевиков, пушек и с несколькими пулеметами, все они ожидали [сигнальный] выстрел Уткина и его друзей. На совещании большевиков с джадидами в Кагане упомянутый Уткин был посредником и он прибыл вместе со слугами высочайшего правительства. Он решил: с пятьюдесятью большевиками мы захватим Бухару и станем хозяевами Арка. Поэтому он двадцать два человека привел с собой, а двадцать восемь подготовил заранее. Они были из босяков [Бухары]. По двое, по трое, они, пройдя по глухим улицам, стали в ожидании вокруг Регистана на заранее определенных им местах, дожидаясь винтовочного выстрела [Уткина]. Командой [к открытию огня и действию] была первая пущенная в воздух ракета. Увидя ее и услышав винтовочный выстрел, они должны были начать свое злодейское движение. Однако благодаря истинного защитника правоверных и всемогущего милостивого воля [Аллаха] сводилась к тому, что славный шариат его святейшества пророка, [да будет] на нем мир, не будет растоптан гордыми гяурами. Некий Шамахмуд, сын домоллы, лечащего больных молитвами 305, стоял на Тахта-пуле у ворот высочайшего Арка. Заметив на Регистане одного русского [168] большевика, он винтовку, которую держал в руках, невольно направил на него. Произошел выстрел, пуля /153а/ настигла того большевика и он упал. Ожидавшие за каждым углом большевики открыли стрельбу. Как только раздались винтовочные выстрелы, все [нукеры] бросились в стороны и начали стрелять по показавшимся большевикам и убивать их. Оставшиеся двадцать восемь большевиков, которые со всех сторон вошли в город, собирались бежать. Но их обнаружили на улицах и в торговых рядах и убили. Перестрелка распространилась и за город, Солдаты и нукеры, стоявшие у ворот Кавала, открыли огонь по находившимся за городом русским. Начали стрелять и в большевиков, прибывших на автомобилях. Оставшиеся в живых из них, не оглядываясь, бежали в сторону станции Каган. Большевики, прибывшие с железнодорожным составом с пушкой и пулеметами, увидев это чрезвычайное происшествие, стали защищаться и открыли огонь из пушки и пулеметов. Предав смерти нескольких мусульман, они отошли назад. На южной стороне чарбага Ширбудун имелась высокая возвышенность. [Большевики] расположились там. На упомянутый холм затащили пушку и пулемет, вырыли окоп 306 и начали стрельбу из пушки. Его величество, прибежище халифата, своих слуг [предводителей] солдат и нукеров, учащихся медресе и подданных, прибывших толпами из туменей, /153б/ расставил группами у ворот города и приказал убивать всех попадавших русских подданных и разобрать железнодорожные линии на Самарканд, Чарджуй и дорогу на Бухару. [Эмир] перед всеми прочитал фатиху. За воротами Кавала возник военный лагерь. Начали убивать всех большевиков, где бы их ни встретили: в вагонах, [169] на вокзале, на

площади у ворот, а также русских и армян, с давних времен ставших постоянными жителями города и вне его. Улицы в торговых рядах наполнились огромными кучами их трупов.

Погромы и аресты продолжались два дня. Затем военный лагерь довели до чарбага Ширбудун. Большевики с южной стороны Ширбудуна, с вершины упомянутого холма, а бахадуры, газии и их сторонники с [чарбага] Ширбудун занялись перестрелкой. Словно весенний дождь лились пули из пушек и винтовок. Слава богу, благодаря милости и доброте Аллаха ни одна вражеская пуля не дала результата и никого не поразил. Стих: «Хранитель его [Аллах] защитил прекрасно».

Враг был стеснен и оказался в трудном положении и ночью, сняв с холма свою пушку, он отошел в сторону [станции] Каган. Я во время сражения стоял во главе всех предводителей. На третий день я заметил, что от неприятеля на холме не осталось и следа. /154а/ Послал разведку 307 и выяснил отход врага. Принеся благодарность [Аллаху], мы подняли на холм четыре пушки, вырыли окопы лицом к неприятелю и стали ждать необходимого приказа [эмира].

ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ О ДВАДЦАТИ ДВУХ БОЛЬШЕВИКАХ, ПРИБЫВШИХ ПОСЛАНЦАМИ И ПОПАВШИХ В ПЛЕН, ОБМАНЩИКАХ

Для мусульман они рыли яму, но сами попали в эту яму. Слово [Аллаха] всевышнего: «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах лучший из хитрецов». Те двадцать два [реформатора] большевика, опоясавшиеся поясом вражды, чтобы захватить Бухару, с множеством извинений поднялись в высочайший Арк. Главу их Уткина, который по злодейству и [гадкости] не имел равного, считали одним из отважных большевиков. Когда [170] он, вооруженный, зашел в [приемную] его величества, главный казий, раис, я и слуги высочайшего двора, чуть не потеряли сознание. Истинный хранитель [Аллах] защитил здоровье государя ислама. Пробыв около четверти часа [на приеме], он вышел. Его с большими почестями провели во двор кошбеги и к его друзьям. Там имелся телефон, по которому он на армянском языке сообщил в Каган: «Прибыв сюда, мы сами оказались в положении побежденных» 308. Еще не успев осуществить свои порочные намерения, они, по милости Аллаха /154б/, оказались похороненными. Со стороны его милостивого величества последовало воззвание, призывающее схватить неверующих большевиков. Ворота двора кошбеги сразу же закрыли. [Большевики] удивленно спросили о причине закрытия ворот. Служащие [эмира] ответили: «Вы являетесь уважаемыми гостями его величества. Внизу [под Арком] без высочайшего соизволения происходит восстание подданных. Как бы они не одержали верх и, ворвавшись [в Арк], не проявили к вам свое неуважение. Исходя из этого, мы заперли ворота, если вы намерены покинуть эту комнату и укрыться в другой. Лучше было бы вам свое оружие сдать нам. После признания победы народа в полночь, надев на вас чалмы и халаты, мы выбросили бы ваше оружие на улицу и дали бы вам проводника, который доставил бы вас вместе с оружием [вашим] в Каган. Они с радостью одобрили эти советы и собирались было сдать свое оружие и винтовки, [если бы не] неблагодарный Хаджи Зикрия, который подмигнув глазом, намекнул им не сдавать оружия. [Чиновникам и нукерам] дали знак, чтобы их подняли в балахану. Большевики не сдали своего оружия и поднялись на балахану. Волей-неволей им там поднесли кушанье. Несколько человек из слуг опоры справедливости /155а/ зашли к [большевикам] и в [171] теплых словах, с извинениями, их с балаханы опустили вниз и сказали,

что отсюда ход в высочайшую канцелярию, завели в каменный подвал 309. Несмотря на все теплые слова, трое из [большевиков] высочили и успели залезть на крышу. Они вели перестрелку до полуночи и убили двух воинов высочайшего [двора], а двух или трех ранили. Воины высочайшего двора тоже, в свою очередь, двух обратили в бегство, а третьего схватили и, отобрав у него оружие, бросили в каменный подвал. На протяжении всей ночи ни у кого не было покоя. Двери упомянутого подвала не удалось закрыть. Все, которые стояли при каждом [большевике], высочили наружу. Большое количество солдат окружило этот подвал. Все они с оружием в руках стояли наготове. Способ закрыть вход в упомянутый подвал придумали такой: при помощи веревок на вход натянули большие ковры, размером десять на двадцать газов и завладели входом. Таким образом, настелив друг на друга несколько ковров, поверх их набросали земли и крепко закрыли вход. Изнутри [большевики] начали стрелять. [Нукеры] просверлив потолок подвала над ними, спустили туда, смешав с землей, около трехсот бурдюков воды. Притащили и вылили [туда же около десяти пудов «царской водки» 310. /1556/ Прошло девять дней. Все полагали, что они под землей и [холодной] водой померли, от кислоты разложились. Через девять дней подняли ковры и вытащили их поганные трупы. Трое из [большевиков] были еще живы. Одного ударили [прикладом] винтовки и убили. Другие оказались [тяжело] ранеными. Их пристрелили и отправили в ад. Гадкие трупы их вынесли и выбросили за ворота [города].

В тот же день, когда большевиков завели в каменный подвал, его величеству стало известно предательство и злонамеренность Хаджи Зикрия туксабы, [172] носителя золотого пояса, подлого и неблагодарного. Согласно приказу [его величества] его в высочайшем Арке мечом разрубили на куски. Так он получил по заслугам за свою неблагодарность и подлость и получил возмездие.

Теперь вернемся к упомянутому сражению.

Итак, на третий день [военных действий], в среду, втащили пушки на холм Ширбудун и все стали следить за неприятелем. Рассматривали через бинокль. Никакого следа противника не оказалось. С возгласом «Мы надеемся на тебя, Алий Аллаха!» открыли огонь по дороге на Каган, проходящей близ холма, и заняли дорогу. Все солдаты, нукеры и газии, пешие и конные, направились [по этой дороге] и дошли до местности Абришим, где в первый день [военных действий] был убит амарат-пашх Шамсаддин бий /156а/ и были оставлены пушки, и откуда отступили назад. Мы прибыли на это место, разместились до предвечернего намаза и установили вокруг наблюдение. Со стороны врага никакого действия не предпринималось. После заката солнца, мы забрали свои пушки и вместе с войском прибыли в Бухару. Пушки вкатили в город и установили у ворот. При них находились солдаты. Ночь провели спокойно. В четверг опять взяли с собой пушки и с солдатами и нукермаи взошли на [холм] Ширбудун. Находившиеся здесь авангардные отряды мы сняли, а большую часть подданных, прибывших из туманов, назначили для разрушения железнодорожной линии. Затем направились в Каган.

Когда мы прошли через кишлак Абришим и приблизились к Старому Кагану, откуда до станицы было около четверти фарсанга, неприятель, взобравшись со своей пушкой и пулеметом на холм, открыл непрерывный огонь. С нашей стороны артиллеристы государства тоже открыли огонь из пушек. С обеих сторон было [173] произведено сорок-пятьдесят выстрелов из пушек. Прибежище власти, хаджи Абдасаттар-бек бий дадхо топчи-баши с двумя

пушками, солдатами и нукерами на северной стороне Кагана занял дорогу в Каган и стал стрелять из пушек по станции. Прибежище власти Хаджи-кулбек бий, предводитель Кубанского 311 отряда, на южной стороне Кагана по другой дороге предпринял наступление на станцию [Каган] и открыл огонь из пушек. /1566/ Неприятель растерялся и покинул холм Старого Кагана, отступая на станцию [Каган]. Организовав здесь военную позицию, [неприятель] открыл стрельбу из пушек и пулеметов. Но, хотя снаряды сыпались градом, они пролетали над нами и по милости Аллаха ни в кого не попадали. А летящие с трех сторон города наши снаряды производили серьезные беспорядки у большевиков. Они в тревоге открыли огонь из пушек. Перестрелка из пушек и пулеметов продолжалась до предвечернего намаза. Затем опять мы забрали свои пушки и вместе с главным казием и раис-садром начали отходить в город [Бухару]. Возле [чарбага] Ширбудун нас насилиу догнал Мирза Ахмад-бек караул-беги бекча у станции Амира-бад 312, расположенной на дороге в Карши, и вручил главному казию три письма, сказав: «Большевики с самого начала военных действий задержали всех, кто ехал со стороны вилайата Карши: сановников и махрамов, возвращавшихся по выполнении порученных им дел, направлявшихся [в Бухару] от каждого кургана докладчиков, Бальджуанского казия Муллу Абдалхаким Саулат Кази, сборщиков заката Нижнего и Верхнего [дворов], схватывали всех и имеющих при них вещи отбирали. В числе них арестовали и меня. От сегодняшнего вашего сражения большевики пришли в полный беспорядок. Русские, которые с давних пор проживают в Кагане, собрались, пришли к Колесову /157а/ и посоветовали [174] ему заключить мир. Их совет был принят. Хайдар Ходжа и Введенский 313 были уполномочены на ведение мирных переговоров, они и вручили мне эти письма и направили [сюда, сказав]: «Получи ответ и скорей доставь нам, чтобы мы затем пошли к его величеству и заключили мир». Я заметил, что одно из писем было его величеству, другое – главному казию, третье – на имя купцов. Мы все три письма отправили сначала к его величеству, а вслед за ним поднялись в [Арк]. Его величество, оказав милость, пригласил к себе главного казия, садр-и раиса, меня и прибежища власти Абдуррауф-бия 314 карван-баши и любезно [сказал]: «Как мы ответим на эти письма?» Карван-баши ответил: «Наше ответное письмо я бы изложил так: «Вот уже более пятидесяти лет, как мы с Российским государством заключили договор о дружбе и до сего времени нами он не был нарушен. Вы поступили так, что волей-неволей мы для самозащиты оказали вам сопротивление. Если вы хотите заключить мир опять на прежних основах, то будем укреплять узы дружественных отношений». Его величество одобрил слова [Абдуррауфа] и счел целесообразным так написать [ответное] письмо. Я встал со своего места и спросил [эмира]: «Такой ответ с извинением для нас обида. В чем мы зависим от большевиков, чтобы у них просить извинения?». Его величество ради здесь присутствующих /157б/ ничего мне не ответил, так как главный казий и раис тоже были единогласными со словами караван-баши. Мы вышли [из приемной эмира] и зашли в удайчи-хана, которая с самого начала военных действий была местом ежедневного пребывания до десяти часов вечера упомянутых трех-четырёх человек. Исходя из сказанного, караван-баши, составил ответное письмо. Оно было скреплено печатями главного [175] казия и раиса и отправлено к вазарат-панаху Усман-бек бию парваначи, чтобы и он скрепил его своей печатью. Упомянутый кошбеги явился к нам и сказал: «Я скреплю своей печатью это письмо, но не советую посылать письма, потому что на такие письма нет надобности отвечать». Одобрив его слова, я, придя, ответное письмо задержал. Все мы разошлись по своим домам. На следующий день, мы, как обычно, взяв пушки, вместе с солдатами и нукерами, находившимися у [чарбага] Ширбудун и муллами – сторонниками священной

войны, а также многочисленными подданными, положившись на [милость] Аллаха, направились в Каган. Прибежище власти [Абдассаттар-бек бий дадхо] топчи-баши и Хаджикул-бек бий, перекатив пушки с северной стороны на южную сторону станции [Каган], стали стрелять по неприятелю. Мы открыли огонь со стороны Старого Кагана из четырех пушек, окружив врага с трех сторон. Большевики увидели, что дело удалилось от примирения. Целый день они, пробравшись на нашу сторону Кагана, ни на минуту не переставая, вели огонь из имевшихся у них пушек и пулеметов. Пушечные снаряды и [пули] пулеметов и винтовок падали на нас градом и пролетали над нами. Мы тоже, не переставая, вели огонь из /158а/ пушек. У Хаджикул-бек бия снаряды для пушек кончились, и он присоединился к нам. Он находился возле пушек. Вдруг ему в живот попала и вышла сбоку пуля пулемета. Он упал с лошади. Двух-трех артиллеристов также настигнули пули пулемета и [тяжело] ранили. Так мы до часа предвечернего намаза вели бой, а потом увезли пушки обратно в город [Бухару]. Тюркские шейхи говорят: «Йау тилини йау билмас» – «Враг не знает языка своего врага», что соответствовало поступкам большевиков. Вечером они собрали свои пожитки, в полночь погрузились в вагоны и уехали в [176] сторону Кужк-Мазара и Кызыл-типпа. Они покинули станцию Каган. Из девяносто двух упомянутых арестованных они вывели и расстреляли шестерых мулл и нескольких других лиц, а остальных оставили [в Кагане] в заключении. На следующий день, в воскресенье, мы побывали [в Арке], а затем, как обычно, забрали пушки и собирались направиться в Каган. Тут от Хайдар-ходжи и Введенского получили известие о бегстве и отступлении большевиков и джадидов.

Хайдар-ходжа был одним из сыновей Исмаил-ходжи, бухарского богача. Он с малых лет ушел служить к русским. И вот уже тридцать-сорок лет как живет в Кагане. Он поступил на службу к консулам, находившимся в Бухарском эмирате. Несколько лет тому назад он ушел от них, стал заниматься купечеством /158б/ и сблизился с высочайшим двором.

Введенский был русским. Он работал заместителем прежнего консула. Хорошо знал язык фарси. Когда русский император был низложен и [государственные] дела перешли в руки большевиков, ушел и консул. Введенский позднее ушел с работы и считал себя одним из служащих высочайшей канцелярии.

Вышеупомянутые лица сообщили нам [о положении у большевиков].

Его величество, эмир всех правоверных, вознес благодарность Аллаху за его заботу. Для охраны имущества жителей станции Каган он выделил шесть предводителей с отрядами и одну сотню кубанских солдат и приказали им пойти [на станцию Каган] и стать там для охраны. Еще до того, как они выехали [из Бухары], стоявшие лагерем в [чарбаге] Ширбудун воины и нукеры поспешили [на станцию Каган] и предали смерти большевиков из русских, армян и персов и наполнили улицы их трупами. Вышеупомянутые предводители: [177] прибежище власти Мулла Азадбий инак Бухари, Рахманкул-бий дадхо, Аманулла-бек бий катаган, Назрулла-бек бий мангыт, Аллаяр-бек-бий калмак, Абдалкадыр-бек бий инак Бухари, Шахмардан-кулбек бий инак, сын хисарского кошбеги вместе со своими отрядами прибыли и занялись наведением порядка и мерами обороны Кагана.

В борьбе за веру участвовали и двести афганцев благородной Бухары, которые жили в нищете и работали чернорабочими и наемными рабочими. /159а/ [Его величество] дал им коней, ружья и самые лучшие пятизарядные и заряжающиеся

с дула винтовки. Одну сотню их в сопровождении прибежище власти Абдасаттар-бек бия дадхо, топчи-баши, и Джахангир-бек бия инака, которые были из гуламов высочайшей канцелярии, вместе с четырьмя пушками и артиллеристами направили по дороге в Куюк-Мазар за отступавшими большевиками. Поступил высочайший указ, чтобы Хаджи Расул туксаба Каршинский, предводитель сарбазов и борец Мухаммад Мурад туксаба байкенди с двумя пушками [охраняли] дорогу в Каракуль, по которой большевики могли наступать со стороны Чарджуя. Они выступили и уехали выполнять свои обязанности.

Хаджи Расул-кул туксаба был сыном купца и, с малых лет став бачей, слышал ласковое обращение, держал он себя степенно.

Упомянутый Мухаммад Мурад туксаба, [по прозвищу] Мурад лазутчик, был злой человек с широким ртом, и взяточник. Он занимался борьбой и был знаменит этим искусством, всегда участвовал в состязаниях по борьбе и славился. А на улице держал себя так скромно, как не держал себя даже его дед и предки.

Он забрал с собой пушки высочайшего двора, десять [178] сотен сарбазов, одну сотню арабских воинов и прибыл в Каракуль. [Мухаммад Мурад туксаба], властвуя над жителями Каракуля, убивал местных русских на станции Каракуль – владельцев лавок, /1596/ железнодорожных служащих, нищих и непричастных русских вместе с их женами и детьми. Сжег их дома и упомянутую станцию. Затем он, приказывая подданным, стал разрушать железнодорожную линию. Но тут в нескольких вагонах, поездом со стороны Чарджуя, напали большевики вместе с многочисленными туркменами [из племени] текке. Они внезапно взяли [эмирское войско] под обстрел пушек, пулеметов и винтовок и предали смерти множество солдат и подданных, разбили [эмирские] пушки и отошли к селению Якка-тут. О подробностях этого события осведомили его величество. Я получил высочайший приказ его величества: «Поезжайте на станцию Каган и трех предводителей с их отрядами нукеров пошлите в сторону Куюк-мазара и Кызыл-типпа, одного офицера с нукерами оставьте для обороны Кагана. С собой возьмите двух предводителей с их отрядами, туркменских нукеров из вилайата Бурдалик, двух каршинских предводителей, четыре пушки с восемью-десятью афганских газиями и поезжайте в Каракуль, чтобы преградить дорогу неприятелю». Я согласно достойного одобрения высочайшего приказа сразу же выехал на станцию Каган, куда доставил высочайший приказ. Амарат-панахов Шахмардан-кулбий инака, Абдал-кадыр-бий инака и Нарзулла-бек бия вместе с их отрядами я отправил по самаркандской дороге в Куюк-мазар. /160а/ Амарат-панаха Рахманкул-бек бия дадха с его отрядом оставил для защиты станции Каган; амарат-панахов Муллу Азад инака и Аманулла-бек бия привел с собой в город [Бухару]. Затем я взял с собой четыре [179] пушки у [начальника] артиллерии Шахабаддин мирахура, сотника, сорок артиллеристов, тридцать терских солдат, двадцать кубанских солдат, сотника Шахмарданкула караул-беги, Усман-бека ишик-ага-баши, Абдасаттар-бека туксабу – предводителя Каршинского вилайата вместе с его нукерами, двести туркмен из вилайата Бурдалик, восемьдесят афганцев и направился в Каракуль. Когда я был еще в пути, то удостоился чести получить высочайшую грамоту, [где было написано]: «Арестуйте амлакдара Каракуля, свяжите его и отправьте к высочайшему двору».

Был конец года змеи, месяц хут. Мы достигли местности Якка-тут, [которая находится] на полпути в Каракуль, и остановились. Тут мы услышали, что

большевики вместе с туркменами [из племени] текке из окрестностей вилайата Чарджуй напали на Каракуль, сожгли всю крепость Каракуль, [перебили] воинов, разграбили сараи и деревни, расположенные по обеим сторонам железнодорожной линии и убили множество подданных, причинив различного рода насилия и притеснения. Восстанавливая разрушенную железнодорожную линию, /160б/ они добрались поездом до Пайкенда, расположенного в одном фарсах от [села] Якка-тут. Жители Каракуля вместе с женами и детьми, как могли, бежали в глубь песков и в далекие селения, расположенные вдали от [железной дороги].

Несмотря на то, что до нового года оставалось только два-три дня, выпал снег и шел дождь. Поверхность земли замерзла. Стоял суровый холод. Хаджи-Расулкул туксаба и упомянутый Мухаммад Мурад Пахлаван туксаба, оставив свои пушки неприятелю, бежали и прибыли в Якка-тут. Они были здесь и стояли возле меня. Считая нецелесообразным дальнейшее продвижение от Якка-тута, мы оставались там и стали ждать [180] появления врага. Согласно милостивого [веления] его величества начали искать Каракульского амлакдара. Упомянутый Мухаммад Мурад туксаба сказал: «Как мне передали, он со своей женой и детьми ушел вглубь песков Мохон» 315. Согласно словам этого злоумышленника я своего человека, Бабабека туксабу, с пятью-шестью моими учениками и нукерами послал на поиски [каракульского амлакдара]. Они проехали в глубь песков целые сутки и прибыли ни с чем. Некий человек подошел и сказал мне: «Упомянутый амлакдар находится в селении Пайкенд. Мурад Пахлаван вас обманул». По его словам я послал человека, он там нашел упомянутого амлакдара и привел. /161а/ Я [амлакдара] в сопровождении проводника послал к высочайшему двору. Прибежище власти Аманулла-бека офицера, прикрепив к нему своих писцов и других людей, по другой дороге послал в Каракуль, чтобы они нашли реестры и другое имущество амлакдара. Упомянутый офицер из-за присутствия большевиков и [туркменов] текке не смог попасть в крепость Каракуль. Но остановившись на северной окраине Каракуля, при обыске во дворе некоего Нияз-Амина обнаружил несколько штук йахданов, китайские ящики, полные товаров и денег, ковров и паласов. Он нанял верблюда и по пустыне отправил [эти вещи] ко мне в Якка-тут, я, выражая преданность, послал их к высочайшему двору. [Аманулла-бек бий] снова произвел обыски, в местности Кара улан во дворе Берди-Амина он нашел десять-двенадцать сундуков, один ящик и два хурджина, все полные товаров, дюжину ватных одеял п одеяльцев и прислал [в мое распоряжение]. Это [имущество] я тоже отправил к высочайшему двору. Сам я ночами не спал, не отдыхал и днем, а заботился о войске, о солдатах. По ночам для чиндаула подобрал [людей] из отрядов солдат и нукеров из [181] туркмен и афганцев и поочередно выставлял чиндаул и присматривал за ними; с каждым обращался вежливо. Я стоял во главе высочайшей артиллерии и вокруг пушек поставил караул из упомянутых нукеров /161б/. Я проявлял и заботу о продуктах, кухне и люцерне [для нужд] войск. Нарбек караулбеги был человеком кошбеги и уполномочивался обеспечивать нас всем необходимым. Ввиду морозной погоды и наготы некоторых нукеров, я доложил высочайшему двору, чтобы прислали четыреста грубых ватных чекменов 316. Я их раздал нуждающимся раздетым воинам и нукерам, за что получил благословение в адрес его величества.

К этому времени случилось нечто особенное. Во время борьбы против большевиков Кагана в целях разрушения железнодорожных линий были разосланы люди в стороны вилайатов Карши, Хузар, Шахрисабз, Ширабад, по поводу чего правителям этих вилайатов был послан [соответствующий] высочайший указ. Такой же указ был направлен правителю Чарджуйского вилайата прибежищу

власти Мухаммад Юнус-бию афганцу, который был воспитанником его светлости покойного [эмира Абдулахад-хана], чье место в раю. После смерти его светлости покойного [эмира], его величество, убежище халифского достоинства, [Саййид Алимхан] воспитывал его и назначил правителем вилайата Чарджуй. За семь лет [Мухаммад Юнус-бия] от чина бия возвысили до почетного чина диванбеги, который является конечным чином для слуг опоры справедливости двора благо-родной Бухары. Вдобавок к этому его отличили степенью вазирства. При обсуждении большинства мероприятий государства считали необходимым и его присутствие, [посылая ему] благословенную записку. Он стал доверенным человеком в высоком государстве. Ему тоже [182] о разрушении упомянутой [железной] дороги была послана высочайшая грамота. /162а/ Вследствии ли милостивого отношения к нему падишаха или по другому соображению, он к разрушению железной дороги отнесся с пренебрежением. Из мест [проявления] другого его коварства к его величеству поступила жалоба. Как говорится, всякому совершенству есть конец. Вечность присуща только безгрешному всемогущему [Аллаху]. От подобных проступков упомянутого правителя государь пришел в гнев и для снятия с поста [Мухаммад Юнус бия] он уполномочил прибежище власти Барат-бек дадхо удайчи. Вазират-панаху Низамаддин-ходжа бию кошбеги [эмир] приказал разрушить мост через Амударью и разобрать железнодорожную линию на Чарджуй. Высокодостоинного Муллу Мир Кирамаддин судура, чарджуйского казия, [эмир] уполномочил организовать борьбу против большевиков, [ожидаемых] со стороны области Мерва. В распоряжение этого казия дали две пушки, артиллеристов, воинов и нукеров упомянутого вилайата. Согласно высочайшему милостивому [приказу] упомянутые [Низамаддин-ходжа бий] кошбеги и прибежище власти [Барат-бек бий дадхо] выехали к месту назначения в Чарджуй, сняли с поста правителя, а снаряжение и прочее вооружение – пушки и нукеров его передали упомянутому казию [Мулле Мир Кирамиддину]. Но еще до того, как они намеревались разрушить мост через реку, разобрать железную дорогу и привести в порядок хозяйство и имущество упомянутого правителя, большевики со станции Дивана-баг 317 Чарджуй[ского вилайата] сразу же предприняли наступление, открыв огонь из пушек и винтовок. Из рук ишан-казия, предводителя отряда /162б/ Чарджуя, они захватили пушки. Было убито множество людей. [183]Упомянутый казий бежал в неизвестном направлении. Разбежались и все нукеры. [Стих]: «Торговцу инжиром – лучше торговать инжиром». В связи с назначением казием командующим войсками мне вспомнился рассказ. Когда какой-то уголок постройки мусаллы 318 в Герате был разрушен, гератский государь Бадиаззаман 319 велел его отремонтировать. Ловкие мастера, очистив [развалившийся угол здания], обнаружили бычий рог. Он с обеих сторон был заткнут. Рог поднесли государю. Что содержится в роге? По этому поводу всякий высказывал свои догадки. Один человек сказал, что в нем жемчуг, оставшийся от расходов на постройку. Другие говорили, что там драгоценная жемчужина. Так каждый высказал свое предположение. Наконец бычий рог вскрыли. Изнутри выпал сверток бумаги. На бумаге сплошь были написаны слова: «вор-вор» 320. Все удивились. Государь спросил о тайне этих [слов]. Некоторые сказали, что это дело сумасшедшего. Другая группа людей говорила: «Это – дело шута». Третья группа сказала, что «это письмо – упражнение детей». Государь сказал: «Это дело ни рук безумца, ни шута и ни детей, это – дело разумного человека». В конце-концов пригласили из Индии одного мудреца и показали ему [бумагу]. Ученый мыслитель, как только увидел [написанное], рассмеялся и сказал: «Из-за этого вы позвали меня? /163а/ Это письмо, действительно, полно смысла. То есть каждый поступает по мере своей степени, «вор-вор»: государь – подобно государю, воин –

подобно воину, улемы – подобно улему, подданные – подобно подданным. Каждый человек-знаток своей специальности». Возьмем командование армией. Представьте себе: [военное искусство] и казийство, разве они совместимы.

Большевики предприняли наступление прямо на крепость Чарджуя и овладели крепостью и [накопленным] [184] в течение многих лет имуществом и богатством упомянутого правителя. Те, которые находились в крепости, были перебиты. Крепость была сожжена дотла. [Здания] базарной площади и дома всех жителей тоже были преданы пожару. Благоустроенную крепость превратили в развалину. Упомянутые кошбеги и правитель еще до этого происшествия пошли к берегу и не добились цели, [пройдя] немного вверх по реке, на лодках переправились [на другую сторону] и прибыли в Бухару. В то время, когда я направлялся в Якка-тут, то по дороге их встретил и справился о здоровье. После того, как упомянутый правитель был смещен, он вместе с несколькими людьми покинул Чарджуй; свою домашнюю утварь он спрятал в одном из амлаков Чарджуя. Сам [Мухаммад Юнус бий диванбеги], положившись на милость государя, напротив города Наразим 321 переправился через реку [Амударью] и прибыл в Бухару. Давно predetermined, что [стих:] «Разум и богатство родственны», поэтому, [если человек] лишается богатства, уходит и разум. Он направился прямо к /1636/ нашим войскам. По правде говоря, [дело было] нечисто. [Правитель Чарджуя] ехал не обычной дорогой, по каким-то соображениям он ехал вдоль железной дороги и проезжал примерно в двух тысячах шагов от Якка-тута. Случайно той ночью было темно, шел дождь. Мне сообщили: вдоль железной дороги едет множество конных в сторону Бухары. Их преследуют также сто туркменом текке. Услышав эту весть, я немедленно двадцати афганцам и двадцати туркменам из Бурдалыка велел зарядить пушки и поднял на ноги нукеров войска. Они стали готовые [к встрече с врагом]. Тут ушедшие вперед туркмены и афганцы задержали и привели чарджуйского правителя Мухаммад Юнус-бия диванбеги вместе [185] с его восемнадцатью спутниками, в жалком состоянии. Мы их спешили. Безжалостные афганцы, крича: «Он джадид, убью!» – собирались стрелять. Я их остановил. Упомянутого [диванбеги] вместе с его людьми, связав, бросили в сени. До рассвета их сторожили сами афганцы. Так как кошбеги и удайчи сообщили его величеству, что [Мухаммад Юнус-бий] дал слово большевикам, я не старался вмешиваться в дела афганцев.

Короче говоря, мы нашли его полную денег переметную сумку /164а/ и вместе с деньгами его людей сосчита ли в присутствии предводителя и афганцев. Выяснили, что всего имелось: семьдесят два рубля деньгами, одно большое бриллиантовое кольцо и два золотых [украшения], доставшиеся ему от высочайшего двора, восемнадцать лошадей. Их посадили на арбу с двумя сопровождающими и я, выражая покорность [его величеству], отправил их ко двору, в убежище справедливости. Как только моя докладная была получена, [эмир] упомянутого правителя с его людьми передал моему сыну, чтобы их отвели в нижний двор и держали под арестом.

Ушедшие в Как-Мазар и Кызыл-типпа топчи-баши и предводители [сражались] несколько дней с большевиками, отступавшими от Кагана, и [после долгих] перестрелок из пушек и винтовок губернатор большевиков Колесов прислал письмо 322: «Я хочу заключить мир. Мы пошлем письмо, которое свезут в Чарджуй и большевики Чарджуя, Мерва и Ашхабада тоже остановят боевые действия». Это письмо отправили его величеству. Согласно высочайшему приказу люди вазарат-панаха верхнего [кошбеги то письмо] доставили мне. Я через своего человека отправил в Чарджуй. Поступили также еще три-четыре

письма, которые я одно за другим со своими проводниками отправлял в Чарджуй. Но истинное положение дел было неизвестно. От людей, [186] уносивших записки, никаких вестей не было. /1646/ Несмотря на то, что в начале письма было слово о мире, находящиеся в Каракуле большевики совместно с туркменами текке, ежедневно устраивали набеги, сьсгали и грабили окрестные селения Каракуля и Пайкенда; отбирали и уносили имущество подданных и бедных.

Однажды из Бухары нам сообщили, что прибудет гость. Двое русских в коляске в сопровождении двух-трех человек из людей кошбеги прибыли в Якка-тут. Я встретил их и, пригласив [к себе] в комнату, справился об их здоровье. Один сказал: «Моя фамилия Гальперин 323 . Я являюсь начальником станции Каган. Все эти проявления неуважения к высочайшему двору дело рук большевиков и жителей станции Каган. Мы с давних пор в государстве его величества жили в спокойствии. Я очень смущен. Поэтому нас несколько человек ездили в местность Кызыл-типпа, встретившись с Колесовым; рассказали ему о доброте и помощи государства благородной Бухары и уговорил его заключить мирный договор. Мы отправили несколько писем на имя руководителей большевиков Чарджуй, Мерва и Ашхабада. Теперь я сам поеду в Чарджуй и сообщу [про договоренность] о мире, чтобы они с сего дня больше не посягали [на жизнь] подданных высочайшего государства». С подобными речами они просидели около часа и уехали. Я дал им проводника. Они направились в Чарджуй. /165а/ Через два дня упомянутый начальник [Гальперин] привел с собой двух комиссаров, то есть руководителей большевиков Мерва и Ашхабада. Они остановились у меня в селении Якка-тут. Я принял их; заказал для них обед и чай и беседовал с ними около часа. Во время беседы я рассказал им о прежних взаимоотношениях и дружеских связях [между эмиратом и Россией]. Говорил о [187] грубых злостных поступках туркменов текке, о сожжении имущества несчастных подданных. Один из комиссаров ответил: «Грабежи и поджоги туркмен текке вызваны и поступками ваших подданных. Разве вы не знаете, что прибыв в Каракуль, они увидели своими глазами, что [ваши люди] растерзали сто человек русских подданных – женщин и детей. Если провинились мужчины, то чем виноваты женщины и дети?». Таких упреков он сделал множество. Я ответил: «Недальновидность проявляли вы сами. Вот уже пятьдесят пять лет, как мы с русским государством заключили договор о дружбе и в каждом деле мы постоянно оказывали друг другу помощь и поддержку. День ото дня крепость нашей дружбы все увеличивалась. И тогда у обеих государств имелось военное снаряжение: пушки и винтовки. Мы надеялись, что вы тоже будете держаться подобных /165б/ дружественных [отношений]. Вы поверили неизвестным вам джадидам, отцы и дети которых вели нищенскую жизнь и не касались отношений двух государств. Вы обманулись и уничтожили многолетний дружественный союз». Комиссары одобрили эти мои слова и сказали: «В своих взаимоотношениях государства то воюют, то живут мирно. Ныне мы стоим перед проблемой мира. Впредь мы сделаем все, чтобы укрепить дружбу двух государств». Так они, пробыв около двух часов, выехали в Бухару.

Короче говоря, я двенадцать дней находился вместе с войском в местности Якка-тут. Днем и ночью я наблюдал за высочайшей артиллерией. В полночь я имел честь получить от его величества благословенное высочайшее распоряжение: «Приведите войска с артиллерией в Бухару и распределите их по воротам города, чтобы они наблюдали за ними». Случайно той ночью было очень темно: шел дождь и дороги были грязными. Согласно высочайшей милости, я сразу позвал всех [188] предводителей и сотников, при свете

факелов и фонарей приготовили к движению четыре пушки и поставили во главе колонны, войско шло за ними. В предполуденное время мы подъехали /166а/ к воротам города [Бухары]. Здесь же я распределил пушки на пять ворот города. Одного предводителя [с его отрядом] поставил у ворот Каракуль, двух каршинских предводителей – у Каршинских ворот. У ворот Шейх-Джалал [поставил] прибежище власти Амкнулла-бек бия [с его отрядом]; у ворот Намазгах – прибежище власти – Муллу Азад-бий инака, а Муллу Шараф-бия [назначил] к воротам Саллах-хана. Охрану ворот Кавала я поручил туркменам из Бурдалика. Вернувшись [домой], я благословил его величество. По ночам я вместе с несколькими своими людьми наблюдал за городскими воротами. До полуночи объезжал крепость внутри города, затем приходил отдохнуть во дворик возле ворот Кавала. Днем я поднимался в Арк и отдыхал там, [ожидая], что вдруг дадут какое-нибудь поручение.

После поражения большевиков на станции Каган, они об этом сообщили в Ташкент и Самарканд и оттуда по железной дороге в многочисленных вагонах прибыли большевики, которых было больше, чем муравьев и саранчи. [Они напали] на город Зийауддин, убили [многих] подданных, ограбили их 324. Отсюда через реку [Кара-Дарья] переправились они в Хатырчи. Правитель последнего, вазарат-панах Астанакул-бий кошбеги не сумел оказать им сопротивления, бросил свое имение, домашнюю утварь, принадлежности, добро и бежал вместе с женой и детьми. Они явились в Янгикуртан. В течение нескольких дней большевики /166б/ в вилайате Хатырчи чинили различного рода жестокости и насилия: жгли, грабили, убивали попадавшихся подданных и совершали другие беззакония. Отсюда [большевики] перебросились в вилайат [189] Кермине, правителем которого был прибежище власти Саййид-бек бий дадхо, дядя с материнской стороны его величества [Саййид-Алим-хана]. Он не решился принять необходимые меры для борьбы с большевиками и выехал им навстречу. Вследствие этого поступка упомянутого правителя большевики не предприняли боевых действий и ни к чему не притронулись. Они того правителя вместе с его пятьюдесятью-шестьюдесятью приближенными взяли в плен и привели в Кермине.

Правитель Нуратинского вилайата, прибежище власти Аулия-кул-бек бий диванбеги, узнав о приходе большевиков, взял с собой тамошних нукеров и немедленно прибыл в город Кермине. Он собрал здешних жителей и подготовил [к бою] находившиеся здесь две пушки. [Аулия-кул-бек бий диванбеги], выйдя из упомянутого города в сторону, навел пушки и пулеметы на станцию [Кермине] и открыл огонь. Между обеими сторонами произошло крупное сражение. По воле Аллаха большевики одержали победу. Упомянутый диванбеги, бросив пушки, [отступил]. Погибло множество людей из числа мусульман. С несколькими из [своих] приближенных тот покинул поле боя, переправившись через реку, ушел в сторону Янгикуртана. Оттуда вместе с вазарат-панахом кошбеги, правителем Хатырчинского вилайата, прибыл в благородную Бухару.

Итак, большевики, оказывая честь столице его светлости покойного эмира /167а/, чье место в раю, не трон ули было вилайата Кермине. Но из-за неблагоразумного поступка упомянутого [Аулиякул-бей бия], диванбеги, Кермине было брошено под ноги бедствия времени, и множество людей погибло. Полностью были сожжены и разрушены цитадель Кермине и Арк – местожительство правителя. Был разграблен чарбаг Чармгари 325, где [190]жил в течение двадцати шести лет его светлость [эмир] Абдулахад-хан, чье место в раю. За этот срок царствования его светлости покойного эмира [здесь были собраны] все богатства царской казны: наличные деньги,

[драгоценные] вещи, всякое добро и ткани, материи. Из резвых коней забрали сто-двести султанских аргамаков. Богатство казны перевозили на станцию несколько дней. Точно так же разграбили имущество подданных внутри и вне цитадели, произведя различного рода беззакония.

Сайид Мир Мансур-хан тура, дядя его величества, несколько лет пробыл в Московской области и после свержения императора России Николая Александровича возвратился вместе с семьей к своему племяннику. Его величество, проявил милсердие, выделив для него великолепный чарбаг в вилайате Кермине и определил ему жалованье. Безбожные большевики убили этого принца вместе с матерью, женой и детьми. /1676/ Предав пожару большую часть имений, они переправились через реку, в сторону высочайших чарбагов Алчин и Сарым-Султан. И здесь, отобрав кое-что, они утвердились на станции Кермине. Отсюда они напали на Зийауддинский вилайат и местами доезжали до Кызыл-типпа и Куюк-мазара в направлении благородной Бухары. Сожгли селения, расположенные по обеим сторонам железной дороги, ограбили население и совершали другие беззакония. Подданные, вдовы и бедняки, все пришли в расстройство. С одной стороны, они подверглись насилию и притеснениям врагов и лишились своих пожитков и имущества, с другой стороны, они страдали от дороговизны и неурожая. У них ничего не осталось кроме милости и великодушия нынешнего государя. Для защиты жителей благородной Бухары от местности [191] Куюк-Мазар до Бостан и Хан-Рабат 326 выставили пушки [змирской] артиллерии и многочисленное войско [во главе] с несколькими прославленными предводителями. Они превратились в вал Шапура: взяли под обстрел пушки железнодорожного состава неприятеля и повредили и уничтожили несколько вагонов врага. Войска, прибывшие из окраинных вилайатов, были поставлены в авангарде на подступах к благородной Бухаре. В Ширбудуне находились два [предводителя] регулярных войск со своими отрядами. Туда же послали еще несколько предводителей с многочисленными нукерами и пушками. Ширбудун /168а/ был крупным военным лагерем. Начиная от окрестностей благородной Бухары, местность от селения Якка-тут до селений Бостан и Хан-рабата находилась под защитой бухарских войск. На юге от Бухары во власти большевиков находились Каракуль, Чарджуй, на севере от Бухары – вилайаты Кермине, Зийауддин и Хатырчи. По этой причине его величество, лозунгом которого было справедливое царствование с упованием на всевышнего бога, ни на минуту не отрываясь от заботы и любви к своим подданным, вручил дело улучшения положения святому всемилостивому творцу и пригласил всех улемов и шейхов в высочайший Арк, в большую пятничную мечеть. Для избавления от зла врагов они велели читать нараспев преславный Коран и благословлять его святейшество пророка, да приветствует его [Аллах]. Отправили к [гробницам] почтеннейших людей благородной Бухары, пожертвования и обеты, и просили у них помощи. По просьбе слуг и богомольцев, эмир ради [защиты] религии [обратился за помощью] к падишаху Афганистана. Он отправил прибежище власти Мирза Бахрам-бия к наместнику [афганского эмира] в Балке, а Мирзу Фарман-кулбия мунши 327 – в Кабул, к эмиру Хабибулла-хану 328. [192] Несмотря на это, [его величество] надеялся только на бога, [создателя] восемнадцати тысячи миров и не надеялся на помощь чужих. Поэтому он готовился заключить перемирие с местными врагами. Комиссары, которые /168б/ прибыли из Чарджуя для заключения мирного договора вместе с начальником станции Каган Гальпериним, уехали на станцию Кермине. Они там у губернатора большевиков Колесова выяснили причину всех этих страданий и погромов русских, мужчин и женщин, и разрушения железнодорожной линии. Проводив Колесова, они вернулись на станцию Каган. Тогда его величество, услышав об этом, послал главного казия муллу

Бурханаддина, Абдурауф-бия Карванбаши и меня на станцию Каган. Мы, слуги-богомольцы, поехали туда и в доме упомянутого Хайдар ходжи, в присутствии упомянутых двух комиссаров и других русских [граждан], подняли вопрос о мире. Один из упомянутых комиссаров около часа рассказывал о происшедших событиях. Стороны обменялись мнениями. Затем [комиссар] сказал: «Поезжайте в Кермине, там вы подпишите мирное соглашение с нашим главою Домогат [ским]. Мы поедem в Чарджуй и Мерв. О чем бы вы ни договорились при заключении мирного договора, с тем и мы согласны». После этого они нас отпустили. Выехав оттуда, мы прибыли к его величеству и доложили ему обо всем, что мы видели и слышали. Он решил отправить в Кермине посланца. [Его величество] выделил полномоченным послом от высочайшего двора меня, упомянутого Карванбаши /169а/ и Муллу Мир-баба мирахура. Оказав нам внимание, он предоставил нам дело заключения мирного договора.

18 числа, месяца хамаль, 1336 г. х., года лошади, мы попрощались со своими детьми и семьями и сказали им свое завещание, потому что посланцев, прибывших от [193] большевиков, мы убили в высочайшем Арке. Жители Бухары ожидали, что подобная участь постигнет и нас. Некоторые доброжелатели даже изъявили нам свое сочувствие.

Короче говоря, мы с Карванбаши и переводчиком Мир-Баба мирахуром выехали на станцию Каган. Оттуда, забрали с собой прибежище власти Махди Ходжа-бия, Хайдар ходжу и упомянутого Введенского и, сев в коляску, по известной дороге приехали в селение Куюк-Мазар. Здесь мы позавтракали, попасли лошадей и, посоветовавшись между собой, [пришли к заключению]: сначала мы поедem на станцию Кызыл-типпа. Если застанем поезд, то оставим там свои арбы и поездом поедem в Кермине. Наши лошади будут находиться в Кызыл-типпа и отдыхать. Договорившись об этом, мы выехали из Куюк-Мазара и прибыли в селение Ваганзи 329. От тамошнего амлақдара взяли проводника и, дав ему в руки белые флажки – знак перемирия, пустились в путь. От Ваганзи направились в Кызыл-типпа. /169б/ [По пути] мы заметили, что окрестные селения были сожжены дотла, а их жители – ограблены и бежали в разные стороны. Ни в одном селении мы не обнаружили ни человека, ни животного. Некоторые большие дворы все еще горели. Увидев все это, мы глубоко пожалели и невольно заплакали от подобной участи несчастных людей. Перед закатом солнца мы приехали в Кызыл-типпа и увидели, что [там] стояло несколько рядов поездов, состоявших из, приблизительно, пятисот вагонов. Мы в изумлении стали подходить поближе. Из вагона выскочили многочисленные большевики, словно муравьи и саранча. Они окружили нас. Все они были в золототканых парчовых тюбетейках, в теплых шапках из мерлушки и парчи, раздобытые при ограблении Кермине и Хатырчи. Командующий отрядами Колузаев, 330 поджигавший и разграбивший Кермине и Хатырчи, [194] увидел наши белые флажки и, выдя из вагона, подошел к нам. Встретивши, он повел нас в вагон, в прямоугольную комнату. Принял нас добродушно и попросил сесть, справился о здоровье. Мы объяснили ему, что едем в Кермине для мирных переговоров. Он сказал: «Все это войско и полные вещами вагоны принадлежат мне. Вопрос мира решает наш глава Домогат [ский]. Он завтра из Кермине приедет сюда. До его приезда /170а/ вы будете моими гостями». Так, три дня он нас держал в Кызыл-типпа. Вечером, в час отхода ко сну, нас шестерых расположили в вагонах по одному. Утром, когда мы встали, нас привели в гостиную, где мы пили чай и завтракали. У нас при себе был хлеб, чай, сахар, вареное мясо. С собой мы взяли и кухонную принадлежность. С нами были и пять-шесть человек моих людей. Они вместе с пятью-шестью кучерами колясок дворца каждый вечер варили плов и приносили нам, затём

уходили обратно в сарай. Состоявшие при нас большевики ночью не оставались с нами, а караулили у дверей наших комнат. Я тогда взял с собой своего писца. Написал докладную его величеству о том, что мы прибыли в Кызыл-типпа и, ожидая приезда губернатора большевиков, собирались отправить [докладную] высочайшему двору. Сначала [нам] не разрешили. Мельников 331, русский, грязный, потерявший человеческое достоинство, в то время, когда я правил Шахрисабзом, служил там истребителем саранчи. Сейчас он в должности начальника штаба, занимает высокий пост заместителя командующего отрядами. Он узнал меня. Через его посредство мы доложили высочайшей канцелярии о своем приезде [в Кызыл-типпа] для того, чтобы сам упомянутый господин начальник штаба поехал вместе с моим человеком [в Бухару] и, повидавшись с его [195] величеством, /1706/ приехал обратно. Окончив докладную, я упомянутого Мельникова вместе со своим человеком отправил [в Бухару]. Его величество из ласки к гуламам упомянутому Мельникову пожаловал два комплекта одежды, золотой орден, одного коня и одну тысячу тенег.

Упомянутый [Мельников] вернулся довольным. Он восхвалял его величество за его ласку и внимание и выражал свою благодарность, остальные большевики ему позавидовали.

Упомянутый командующий Колузаев был ташкентским евреем, вот уже девять лет, как он находится на службе. Был у них комиссар по имени Степанов 332, командующий отрядом. Он был плотником и в крайней нужде бродил по [улицам] Самарканда и Ташкента.

Шмидт 333 отличался от их общества. Два-три года тому назад он торговал кошельками в [куполе] Гаукушан в Бухаре. Потом он поехал в Москву. За то, что он учился в русской школе, его прозвали Данишмандом. Недавно он приехал из Москвы и ныне находится среди этих большевиков как близкий к нам человек. Поэтому большевики его считают своим ученым и считают необходимым оказывать ему почести.

Остальные большевики выглядели приниженной и несчастней их. На их грязных лицах не заметны были человеческие черты; они находились в полном изнеможении, в бедственном состоянии и напоминали скорей животных /171a/.

Наши мимолетные друзья Колузаев, Домогат[ский], Мельников и Степанов каждый день навещали нас, стали нашими собеседниками, вместе кушали и вели оживленные разговоры. Но относительно перемирия они никаких речей не заводили. Считаю Домогат[ского] лучше других и толковей, я решил поближе познакомиться с [196] ним, приглашая к себе и расспрашивая его о истории. Каждый старался доказать свою правоту. Он выражал свою симпатию ко мне и не избегал беседовать [со мной]. Каждый вечер после ужина [приходил] Колузаев и [тоже] свел знакомство с нами. Оазкая нас рядом с собой на почетное место, он ставил перед нами фарфоровые чашки и тарелки полные кишмиша, награбленные в Хатырчи, подавал шурпу, в которой было много мяса.

Пригласив к обеду Введенского, Мирбаба мирахура, Хайдар-ходжу, мы привели и Тагай-бек бия дадхо, правителя Кермине, попавшего к ним в плен. Поев досыта, каждый из нас опять уходил в свой отдельный вагон. Все вагоны были полны имущества. /171б/ Они переполнили вагоны поезда, разграбив Кермине.

Короче говоря, на третий день они подошли к нам и сообщили: Домогатский выехал из Кермине, он прибудет сюда в десять часов, до ужина. Вследствии

того, что на пути паровоз свалился, большевики испытали трудности. В девять часов, после молитвы на сон, упомянутый Домогатский прибыл с несколькими поездными составами, в которых было более двухсот вагонов, несколько паровозов, многочисленные пушки и пулеметы и множество неверующих в бога большевиков, которых было больше, чем муравьев и саранчи. Они с торжеством приехали и расположились в Кызыл-типпа. Для их встречи мы вышли из своих вагонов и стали ожидать. После того, как поезд остановился, упомянутый командующий войсками Колузаев нам сообщил: «Домогатский нездоров и сейчас он принять вас не может». Мы опять зашли в свои вагоны, через час пришел Колузаев и сказал мне: «Вам следовало бы вместе с Карванбаши навестить Домогатского; я вместе [Абдарауфом] Карванбаши вышел из вагона, чтобы повидать того [197] нечистого. Пройдя пять вагонов, мы зашли в вагон Домогатского. Домогатский, словно покойный, был закутан в постели. Возле двери [его вагона] стоял один служитель. /172а/ Сколько мы не старались дать знать о своем приходе, он не отвечал. Даже не пошевелился. Мы подумали, что он помер. Поблагодарив Аллаха, мы снова вернулись к себе. Упомянутый выше Шмидт, узнав о таком поведении [Домогатского], приветливо обратился ко мне: «Парваначи, если захочет Аллах, ваше посещение ему поможет. Вы предвестники добра. Проблемы мира разрешатся успешно. Я очень опасался приезда Домогатского. Среди большевиков не найти такого злонаправленного, грубого, воинственного, коварного злодея и колкого негодяя. Встретившись с тобой, я понял тебя, узнал в тебе добродушного, благодарного слугу его величества. Во время твоей беседы с тем коварным Домогат[ским] я расстроился. Слава всевышнему Аллаху, на твое счастье он заболел. Если будет угодно всевышнему Аллаху, мы теперь мирные переговоры завершим успешно». С этими словами он вышел. После вечерней [молитвы] опять явухлись Колузаев с Шмидтом и упомянутым Степановым. Он сказал: «Мы сегодня вечером вместе с комиссаром войск проведем совещание по вопросу о мирном соглашении. Завтра к девяти часам [утра] мы вас поведем к [Домогатскому] и мирный договор будет заключен. Вы спокойно отдохните в своих обычных помещениях». Я сказал: «Я буду ночевать в помещении, где лежит шеф». Он мне сказал: /172б/ «На упомянутое совещание мы возьмем и Введенского. После окончания совещания он сообщит вам о его результатах». С этими словами он вышел. Поужинав, каждый из нас ушел в свою спальню. Я зашел в упомянутое выше маленькое помещение. Препоручив справедливое разрешение вопросов истинному государю и уповав на беспорочного [198] Аллаха, я прочитал вечерний намаз и занялся молитвой за его светлость великодушного посланника [Аллаха], да благословит его Аллах и да приветствует. [Затем] я обратился за помощью к почтеннейшим [святым] людям благородной Бухары и предался молитвам. В полночь Колузаев, Шмидт и Введенский подошли к двери моего вагона и позвали громким голосом: «Парваначи!» Я сразу же открыл дверь. Они сказали: «Успокойтесь. Совещание окончили благополучно. Если будет угодно Аллаху, вопрос будет разрешен благополучно. Мы хотели сообщить вам об этом, а теперь мы пойдем». Так они ушли. Ранним утром опять послышались голоса. Зовя «парваначи», они подошли к двери купе. Я открыл дверь. Они радостно сообщили: «На совещании мы успешно завершили переговоры о перемирии. Завтра к девяти часам мы все окончим и вас отпустим. Теперь мы спокойно, будем спать». Они ушли. Я принес благодарность Аллаху, совершил омовение, прочел утреннюю молитву и стал отдыхать. Тут прибыли товарищи. Мы стали пить чай и повели беседу /173а/ о происшедшем. К девяти часам пришли упомянутые [большевики] и сказали: «Мирные переговоры будет возглавлять Домогат-[ский], а мы четверо будем уполномоченными. Они повели меня вместе с прибежищем власти [Абдаррауф] бий Карван-баши, Махди ходжа бием, Мулла Мир-баба мирахуром,

Хайдар-ходжей и Введенским. Пройдя мимо нескольких поездов и множества вагонов, нас привели в один вагон. Мы зашли в него. Вагон был большой, посередине его были положены доски [для сидения]. На одной стороне досок сидели около тридцати комиссаров-большевиков. Мы шестеро, упомянутые представители от большевиков и один комиссар пониже, который записывал речи сторон, уселись на другой [199] половине того помещения. Упомянутый Домогат[ский], стоя посередине, начал произносить речи. Он повел речь с самого начала – с заключения договора Российского государства с государством Бухары: «Для этого государи утвердили соглашение между двумя государствами. Прошло пятьдесят лет с того дня, как постепенно укреплялась дружба и оказание друг другу взаимной помощи. Меж обеих сторон не замечались признаки разногласий. Власть перешла к большевикам. Но все же Бухарское государство осталось верным своему договору. Колесов, послушавшись джадидов и не зная положения дел, нарушил многолетнюю дружбу. /173б/ Джадиды явились причиной всех этих беспорядков и кровопролитий, что известно всем. Теперь они стоят за прежние дружественные отношения. Вы, уполномоченные большевиков, если согласны с этим, то поднимите руки». Все тридцать присутствовавших неблагодарных большевиков, вспоминая происшедшие события, заговорили: «Что произошло во время военного столкновения, то прошло. За какие грехи все эти мужчины, женщины и дети ходят в нужде и нищете?» Некоторые, повыся голос, говорили: «У какого народа или какой религией дозволено убивать посланников?» Другая группа говорила: «Зачем вы разрушили железнодорожную линию, сожгли ее шпалы вместе со зданиями станций и помещений дежурного?» Наша сторона отвечала: тоже сожгли селения Керменинского вилайата, до окрестностей Бухары и Каракуля и в сто раз больше причинили нам ущерба». Тогда они хором отвечали: «Поджогам научили нас вы. Если мы жгли, то жгли ваши вилайаты. А вы не раздумывая, постарались еще больше разрушить свои вилайаты и сожгли их. Сначала в Чарджуе сожгли сады джадидов, /174а/ чем и нас научали [поджигать]. Во-вторых, вы разграбили их имущество и [200] достояние и научили нас грабить. Такие «дружеские упреки» адресуйте к себе».

Подобных споров было много. Весь разговор между сторонами, сидя, записывал комиссар-секретарь. Он поднял голову и сказал: «Братья, перестаньте жаловаться друг на друга. Что было во время военных столкновений, то прошло. Присутствующие приехали исправить допущенные проступки. Думайте о мирном договоре». После этого он продолжал свою работу. Домогат[ский] опять взял слово. Он обратился к нам: «На вчерашнем заседании мы составили [текст] соглашения из нескольких условий. Я их вам зачту». Во-первых, разрушенные железнодорожные линии и постройки вы должны восстановить и сдать нам. Во-вторых, заплатите за пролитую кровь мужчин и детей. В-третьих, выдайте двести вагонов пшеницы. В-четвертых, [число] своих солдат не повышайте против прежнего количества. Пятое, у населения всех вилайатов отберите оружие. Шестое, для покрытия причиненных убытков не облагайте население денежным налогом. Седьмое, найдите и передайте нам жен и детей убитых русских. Восьмое, на станции Каган, как и прежде, будет находиться консул. Согласно прежней договоренности вы обеспечите его содержание. /174б/

Если вы согласны с этими условиями, то стороны подпишут [мирный] договор и наша дружба будет восстановлена. Я ответил: «Мы трое приехали от имени высочайшего двора. Прибежище власти Мирза Махди-ходжабий и Введенский являются нашими помощниками. Мы вместе должны обсудить ваши предложения по договору». Мы тут же посоветовались. Затем я ответил: «Первое условие мы

принимаем. Разрушенные железнодорожные линии и постройки будут отремонтированы. Второе условие, относительно смерти русских [201] мужчин и женщин. Если вам платить за пролитую кровь, то жителей бухарского государства убито значительно больше, нужно будет и вам платить за их кровь. Третье условие: вы требуете двести вагонов пшеницы. Вот уже тридцать лет, как в нашей стране господствует дороговизна. В прошлом году, в частности, была засуха. По этой причине урожая зерновых в вилайатах никакого не получили. Засохли даже деревья и не дали плодов. Дороговизна сменилась голодом. Беспомощные подданные пришли в волнение. Благодаря чуткому вниманию и ласке к своим подданным и крестьянам его величества вот уже тридцать лет выдается крестьянам бухарского государства ежедневно хлеб. Особенно, с началом волнений джаидов, /175а/ слугами [эмира] был предпринят принудительный сбор зерновых на территории Бухарского государства силою нукеров, прибывших из каждого вилайата: и это не помогло. В то время Введенский за двенадцать миллионов рублей купил и доставил нам пшеницу из Оренбургской и Самаркандской областей и стран Закавказья. Ее было недостаточно. День ото дня дороговизна и голод все более увеличивается. Четвертое условие по поводу солдат. У нас имеется двенадцать тысяч регулярных войск. [Число] нукеров в остальных вилайатах больше увеличивать не будем. Пятое условие – изъятие у населения оружия. Большая часть населения наших вилайатов обитает в пустыне или живет в предгорьях и степях. Они, страшась врагов и разбойников, для безопасности своего достояния держат при себе пистонные ружья. Уезжающие и приезжающие купцы тоже для самозащиты имеют ружья. Если же мы захотим отобрать у них [ружья], то явится необходимость приставить к каждому из них охрану.

Шестое условие – относительно возмещения [202] расходов путем обложения подданных. Во-первых, власть над подданными любого государства принадлежит государю. Во-вторых, подданные Бухарского государства не так уж богаты, чтобы от них требовать. Седьмое условие /175б/ – относительно выдачи русских женщин и детей. Это постараемся удовлетворить. Если таковые имеются, то обязательно вернем вам. Восьмое условие – о назначении консула согласно прежней договоренности. Конечно, раз это необходимо для укрепления дружбы, мы не прочь от оказания содействия этому».

Все эти мои ответы слушали большевики и Домогатский. Их глава Домогатский всю дорогу просил моих людей оказывать им помощи. Благодаря милости Аллаха, Домогатский на первых порах встречи проявлял симпатию к нам до такой степени, что какую бы просьбу мы не заявляли, он стоял на нашей позиции и добивался принятия их представителями большевиков.

Короче говоря, Домогатский удовлетворил все наши требования и сказал: «Раз вы требуете плату за пролитую кровь своих подданных, то второе условие, которым была плата за кровь, мы отставим. Не будем требовать друг от друга платы за кровь. Но, что касается двухсот вагонов зерна, то вы доставьте нам хотя бы сто вагонов пшеницы». Я ответил: «Говорить долго не будем, мы доставим вам пять вагонов пшеницы». Но они не соглашались. В конечном счете договорились дать двадцать вагонов, заключить мир и, составив договор из семи упомянутых требований, собралась чтобы его подписать. В четыре часа по полудни для каждой из двух сторон подготовили и вручили текст условий договора. Мы, устроив дружескую встречу с упомянутыми тридцатью комиссарами, вернулись на свои места /176а/ и стали ждать.

В указанный час Домогатский, Колузаев, Степанов [203] и Мельников принесли нам тексты договоров 334. Мы все трое, скрепив их своими печатями и подписав, вернули им договоры. Они тоже подписались на своем экземпляре договора и вручили нам. Для того, чтобы выразить свои чувства дружбы его величеству, Домогатский, командующий войсками Колузаев и Мельников изъявили свое желание поехать вместе с нами в Бухару. Мы вышли из вагона и увидели возле вагона сборище большевиков. Колузаев сказал: «Мы их собрали, чтобы и им сообщить о заключении перемирия». Он нас повел в круг собравшихся большевиков и, обращаясь к большевикам, [рассказал] о давнишней дружбе благородной Бухары, об интригах джадидов, о бесцельных военных столкновениях, о поступавших жалобах, о Колесове, о [целях] нашего приезда и о том, как, благодаря меня, удачно был заключен мирный договор, об условиях подписанного соглашения, о [своем намерении] отныне стараться укреплять дружбу. В таком роде он говорил около четверти часа и [закончил свою речь] возгласом «Ура!», то есть выразил свою радость. Тогда все большевики громко повторяли «Ура!», «Ура!».

Начальник станции Каган Гальперин тоже приехал вслед за нами в Кызыл-типпа и в деле заключения мира оказал нам содействие. Я сказал ему: «Командующий войсками Колузаев за мой приезд и заключение мирного договора выразил свою благодарность и признательность. Прошу выразить ему /176б/, в свою очередь, от меня мои чувства дружбы и благодарности». Тем временем, по моей просьбе, выдали нам прибежище власти Тагай-бек бия дадхо, который давно у них находился в плену. [Теперь] мы его возьмем с собой. Его чувство благодарности передай от моего имени». Упомянутый Гальперин остался доволен моими словами и, сразу же вскочив со своего места, забрался на [крышу] вагона и [204] стал говорить речь. Он в течение двадцати минут произносил красноречивую и желанную речь. Он хвалил Шмидта. Упомянутые [солдаты большевиков], довольные его словами, громко кричали: Ура! Ура! Затем начал свою речь Шмидт. Он тоже сказал много добрых слов в мой адрес и громко славил и воздавал мне хвалу. После этих предисловий Колузаев велел играть многочисленным музыкантам, стоявшим в стороне. Большевики сняли свои шапки и наклонили головы. Музыка играла около четверти часа с полной силой, от чего множество большевиков плакало. После окончания музыки Колузаев обратился ко мне: «Я молюсь за души павших в бухарской войне, чтобы впредь не поминать и не скорбить о тех убитых. Вы тоже в собраниях и сходках больше не поминайте погибших в боях. Колузаев, Домогатский, Мельников, Гальперин поехали вместе с нами. /177а/ Мы, шестеро, взяв с собой прибежище власти Саййид-бек бия дадхо и Тагай бек [бия], сели в коляску и выехали из Кызыл-типпа. В очень веселом настроении мы к вечеру прибыли [в Ваганзи] и ночь провели в конторе амлакдара Ваганзи. Оттуда мы выехали на следующее утро. Его величество, проявляя любезность, выслал для гостей в Куюк-мазар особую коляску и двадцать пять солдат из числа стремянных. Гости были рады такой любезности его величества и сели в коляску. Мы приехали в благородную Бухару и поднялись в высочайший Арк. Гости встретились с его величеством и поклонились. Во дворе кошбеги для гостей устроил банкет. Каждому из них было пожаловано по специальному комплекту верхнего платья, золотые ордена и часы. Удовлетворенные гости выразили слова благодарности. Они пожелали ехать на станцию Каган, куда мы их и проводили. [205]

Однако, несмотря на то, что был заключен мирный договор, внешний вид большевиков внушал сомнения. Из предосторожности мы следили за солдатами и нукерами упомянутой станции. Военный лагерь Ширбудуна продолжал

существовать. На каждые ворота города Бухары были назначены предводители с их нукерами, воинами и пушками. Улицы Бухары по ночам освещались, жители кварталов поочередно выходили и несли дежурство.

После заключения мирного договора, с разрешения большевиков, для /1776/ поддержания порядка в курганах отправили в Чарджуйский вилайат прибежище власти Хусайн-Али-бия, Мирзу Абдаррауфа туксабу – в Хатырчинский вилайат, Ахмад-бека туксабу шигаула – в вилайат Кермине, Мирзу Акабир-бека туксабу – в Каракуль. Они разъехались по местам и в качестве временных махрамов занялись поддержанием порядка в вилайатах. Тогда же вазарат-панаха Астанакул-бия кошбеги, бежавшего от большевиков, опять назначили правителем вилайатов Хатырчи и Зийааддин. Прибежища власти Яукашти-бек бия, мирахур-баши, выдвинули правителем вилайата Кермине, их отличили, вручив всем в подарок по комплекту благословенной верхней одежды и коня с полным конским убором, и отправили. Мирза Акабир-бека туксабу назначили амлакдаром Каракуля.

При везирстве Мирзы Насруллы кошбеги развернулась [деятельность] джадидов. Тогда к нему, чтобы договориться о мерах их уничтожения, за советом пришли четыре мударриса: Мулла Кутбаддин 335 шейх, Мулла Шафкатулла ходжа, Мулла Музаффар ходжа и Мулла Ибадулла, уполномоченные от улемов, военачальников, крестьян, торговцев и ремесленников. Перед военным столкновением с большевиками его величество, проявляя милосердие, пожаловал Муллу Кутбаддина [206] званием садра, а остальных троих – званием урака 336 и муфтия благородной Бухары.

ТЕПЕРЬ ПОРА, ПОСЛУШАЙТЕ О ДЖАДИДАХ

В 1320 г. х., [1903] в году барса, я был возвышен на [пост] правителя вилайата /178а/ Байсун. Тогда мне сообщили, что в благородной Бухаре открыты джадидские школы. Мулла Гиясиддин, ахунд, и мулла Абдарразик, муфтий, позаботились об их запрещении и упомянутые школы были закрыты. Вазарат-панах Астанакул, кошбеги, и остальные муфтии вели бесконечные разговоры об их безвредности. Упомянутые ахунд [Мулла Гиясиддин] и муфтий Мулла Абдарразик Коканди стояли на своем и, стараясь добиться их запрещения, говорили: «Столько лет все учились в обычных старых школах и постигали грамоту. Джадидская школа, получая все более широкое распространение, станет поводом выдумки множества интриг и заговоров». Кроме этих двух упомянутых, все [говорили]: «[Джадидская школа] безвредна. Если в старых школах дети занимались по десять-двенадцать лет, то в джадидской школе дети обучаются грамоте быстро; она имеет свое преимущество и в преподавании». Такими словами они пытались снять с поста [Муллу Гиясиддина], ахунда и упомянутого муфтия. Я спрашивал: «Что из себя представляет джадидская школа и почему все ее одобряют, и только двое пытаются запретить ее?» [Собеседник] ответил: Мулла Джура 337 из Варданзи несколько лет тому назад поехал в Стамбул [учиться] и, когда приехал, открыл джадидскую школу. Он везде расклеил объявления, [где написал]: «За шесть месяцев обучаю детей грамоте». Несколько человек /178б/ отдали своих сыновей в его школу. За короткое время [дети] научились писать и читать. [207] Содержатели старых школ Бухары из зависти хотели лишить его хлеба насущного и не давать четверговых, праздничных и некоторые сладости, о чем сообщили ишану, ахунду и муфтию. Поэтому упомянутую школу запретили. Словом, люди из мулл и подданных тогда рассуждали о вредности этой [школы], во что несчастные мусульмане поверили. Но они тогда не понимали

Муллу Гиясиддина, ахунда, и Муллу Абдурразика, муфтия, и распространили о них клевету. И в конце концов они, стоворившись, выгнали из города Бухары упомянутого ахунда, насмехаясь над ним, и отправили его в Каршинский вилайат, назначив казием. А муллу Абдурразика, муфтия, хотели выслать в Кокандский вилайат. Но они оба изъявили желание поехать в два священных города [Мекку и Медину] и, собравшись, отправились в Дом Аллаха. Там же и умерли.

Спустя три-четыре года знамя учащихся по новому методу увидело полную свободу. Никому не приходило в голову его вредные последствия, ибо дети очень быстро научились грамоте. Старые школы игнорировали. Муллы, военные, купцы, лавочники стали отдавать своих сыновей в новые школы. В начале и в дальнейшем никто не замечал их вреда, даже не рассуждали об этом, потому что их учебники в количестве десяти-двенадцати, кроме правил мусульманской религии, никакого другого содержания не имели. Но потом /179а/ выявились их дурные стороны. Все они отходили от религии и становились чуждыми шариату и его светлости пророку, да благословит его Аллах и да пошлет ему мир. Поэтому они и подверглись гневу Аллаха. До последних дней жизни его величества эмира Саййида Абдулахад-хана, чье место в раю, джадидские школы были завуалированы, были скрытыми и тайными. [208]

Когда везирство Бухары перешло в руки Мирзы Насруллы, последний постепенно и незаметно приложил свои усилия к развитию джадидской школы. После того, как он захватил в свои сильные руки власть над государем, улемами, военачальниками, воинами, купцами и подданными, он нескольких джадидов-богоотступников склонил на свою сторону и даже завел дружественные связи с консулом и его помощниками. Под предлогом, что из России они привезут пшеницу и спички, он из высочайшей казны выдал [консулу и его помощникам] сто-двести миллионов рублей и старался усилить джадидов, и никто не замечал дела этого негодника. Внешне каждый повиновался этому злодею. Дав возможность набраться сил некоторым улемам, военным и купцам, он склонял их на свою сторону и возвеличивал их милостями высочайшего двора. Если же кто-нибудь не повиновался ему и не принимал его записок, то он становился причиной его разжалования. Он не искал поводов. Так, например, когда я был правителем вилайата Шахрисабз, то множество его указаний в записях по различным случаям я отвергал. Без всякого мотива он Мирзу-Сахба-бия, /179б/ джадида, назначил махрамом и отправил [ко мне] и добился снятия меня с поста правителя Шахрисабза, чем очень встревожил меня. Джадид Мирза Сахба-бий захватил мои деньги в сумме пятьдесят тысяч тенег, мои книги, несколько штук ковров и множество паласов, ружей, заряжающихся с дула, и «йахданов». После того, как я вернулся в Бухару, он под видом аклик 338 забрал в пользу высочайшего двора мои сто пятьдесят тысяч тенег. В течение одного года он меня разжаловал и свалил с ног. Несколько раз я обращался с заявлением. Но до тех пор, пока тот злодей не соглашался, его величество меня не прощал. Короче говоря, деятельность и сила [209] джадидов все более усиливалась. Дело дошло до того, что сам неблагодарный Насрулла был снят с поста везира и изгнан из Бухары. Все интриги и заговоры устраивали джадида. Возбужденность населения Бухарского государства явилась причиной беспокойства государя, мулл и военных. Большевики и злосчастные коварные джадида получили по заслугам за свои злонамерения и были изгнаны из Бухары. Большинство их было убито, некоторые арестованы, другие подвергнуты погромам. Их жены и дети бродят по улицам [Бухары], влачат жалкое существование, скитаются в поисках куска хлеба и ни у одной двери не встречают приветливого взгляда.

Короче говоря, после окончания войны с большевиками и заключения мира, объявили войну джадидам, внутренним врагам. Джадидов хватали на улицах, в торговых рядах и в их собственных домах, приводили в высочайший Арк и без всякого допроса убивали их. /180а/ Устраивали погромы джадидов целые двадцать три дня; их дворы, земли, имущество и богатства забирали в пользу государства. Были случаи, когда человек не мог заступиться за другого и доказать, что тот не джадид. Если случайно кто-нибудь скажет: «Я знаю этого человека, он не джадид», то хотя говорил это он на основании поведения, поступков, и мусульманских обычаев, того человека тоже убивали вместе с тем. Если кто-нибудь из улемов, военачальников военных, купцов и владельцев лавок питал вражду к кому-либо другому, то они сами или кто-то другой выдавал того человека [за джадида]. Тотчас же посылали людей [за обвиненным], приводили, несправедливо убивали и завладевали его двором и имуществом. Так продолжались погромы и захват имущества. Оживился базар гибели, закипел котел смертного часа. Было пролито чрезмерно много крови, забывались даже кровопролития Чингиз-хана. Но его [210] величество не знал обо всем этом. Все это было делом рук Имамкули-бек бия дадхо, удайчи калмыка [по происхождению], и Хаджи Латифа туксабы, диванбеги, высокого военачальника. Кроме него и упомянутого удайчи, никто [не имел права] являться его величеству. Чтобы попасть в высочайший дворец главный казий, упомянутый раис, Тура-ходжа садр, Аулийакул-бек бий, диванбеги и я с часа утреннего намаза ожидали до часа обеденного намаза. Никого из нас /180б/ никак не впускали к его величеству. Всякое дело решалось самим Имам-кули-бек бием дадхо, калмыком, после совета с Хаджи Латифом.

Они втайне от нас приводили несчастных людей во дворик начальника артиллерии возле ворот высочайшего Арка и убивали. Не думали они о последствиях, совершаемых ими злодейств. Они тогда как-будто всю вселенную прибрали к своим рукам. Когда они что-нибудь делали, ни у кого не было смелости спросить их: как и почему? [Имамкули-бек бий дадхо и Хаджи Латиф диванбеги] насильно отобрали богатство и имущество у джадидов и неджадидов на сумму в несколько миллионов: Они стали владельцами таких прекрасных дворов, что на некоторые из них нашлись покупатели за четыреста-пятьсот тысяч рублей. Они писали главному казию записку и получали купчую на свое [имя] или на имя родственников – зятя, племянника, оформив ее за десять-пятнадцать рублей, но даже и эта сумма денег оставалась в их кармане. Не было человека, интересующегося этим. Так [они завладели] лучшими дворами, земельными участками и чарбагами, счета и величины территории которых не знал даже сам главный казий, потому что в большинстве случаев письменный документ с его печатью он получал от самого владельца. С джадидов, проживающих в Бухаре: торговцев, купцов и [211] владетелей лавок – через посредство Абдарауфа Карванбаши взяли с каждого от ста до пятидесяти тысяч рублей. Карванбаши тоже не остался непричастным к этим доставшимся с кровью деньгам. Даже сын Карванбаши, джадид Гани-джан, его родные /181а/ и люди получали по двести и триста тысяч. Если были у джадидов дворы, дома, полные богатства, то их назначили к продаже и делали наличные деньги. Перед тем, как пустить в продажу имущество, оно предоставлялось упомянутому удайчи [Хаджи Латиф-беку], а все деньги от проданных товаров собирал Карванбаши и отдавал [Хаджи Латифу]. Его величество ни о каких из упомянутых махинаций не был осведомлен. Опасаясь удайчи, никто не мог сказать даже слово кому-нибудь другому.

Кроме того, [Хаджи Латиф удайчи] правителям, амлакдарам отправлял записки: «Вас мол называют джадидом, о чем известили его величество. Я буду посредником между вами». Так он от каждого из них получал от пятнадцати до пятидесяти тысяч рублей. Казалось, будто он стал вторым Насрулла кошбеги. Но упомянутые дела кошбеги совершались, если не ошибаюсь, в более чем сто тысячекратном размере. Кроме того, никакая жалоба от слуг [эмира], правителей и казиев не доходила до его величества, государя. Присылаемую из любого вилайата докладную, хаджибы счастливого двора, прежде чем представить ее его величеству, первым делом просили разрешения упомянутого [удайчи]. Если донесение оказывались пятничными или праздничными и т. п., то он передавал их [эмиру], а остальные читал сам и ответ писал от имени его величества: «Такова высочайшая воля и поступай так». По этой причине все доброжелатели и слуги очень огорчались и тревожились, /1816/ они никак не могли найти способа сообщить об этом его величеству. [212]

ТАРИХ-И САЛИМИ

ПОСЛУШАЙТЕ ОБ АФГАНЦАХ

[В Бухаре] находилась группа афганцев разных общественных слоев. Некоторые из них были беженцы от гонений кабульского государя, эмира Абдаррахман-хана. 339, прибывшими в благородную Бухару. А большая часть их была толпой, бежавшей в Бухару от [уплаты] долгов, она занималась каким-нибудь ремеслом, чтобы влачить жалкую жизнь: торговала чаем, занималась приготовлением шашлыка, чинила обувь, была водносами, — продавала чалоп 340, работала чайханщиками, подмастерьями у пекарей, чернорабочими, батраками. Жили эти [афганцы] очень тяжело и беспомощно скитались, не находя выхода. Когда началось военное столкновение с большевиками, упомянутые афганцы являлись к десяткам и заявляли: «Мы хотим бороться за веру». Упомянутый удайчи от высочайшего двора им раздавал винтовки и заряжающие с дула ружья, зачислял их в ряды борцов за веру из студентов и других людей и посылал против бооьшевиков. Вначале они шли, послушно подчиняясь, по сорок-пятьдесят человек вместе с солдатами и нукерами; никакой другой цели у них не было. Когда же большевики отступили от станции Каган и ушли в сторону Кунж-мазара, Кызыл-типпа и Каракуля, афганские отряды стали увеличиваться, по двести с лишним человек в каждом. /182а/ Удайчи их обеспечивал конями и ружьями и присоединил их к направляемым в разные стороны войскам. Так, восемнадцать человек из них были вместе со мной, который я привел в Якка-тут. В то время упомянутые афганцы кроме повиновения и послушания ни о чем не думали. Добившись согласия его величества, упомянутый [Хаджи-Латиф] удайчи тайно отправил Мирзу Фарманкул бия мунши в [213] сопровождении одного из упомянутых афганцев к эмиру Афганистана Хабибулле-хану и просил [последнего] отправить войско на помощь С этой же целью [удайчи] послал к наместнику [афганского] правительства в Балх бывшего мушрифа 341, Мирзу Бахрама, вместе с другими афганцами. Они выехали незаметно. Упомянутый Мирза Фарманкул, не добившись цели, прибыл из Кабула через четыре месяца. А Мирза-Бахрам-бий и поныне живет в балхском вилайате. Короче говоря: к этому времени благодаря необоснованным мероприятиям Имам-кул-бек бия дадхо дела афганцев день ото дня преуспевали и пошли на улучшение. Они сделались владельцами прекрасных чарбагов из числа султанских, расположенных за воротами Углан. [Имам-кули-бек бий] дадхо их обеспечил всем необходимым: превосходным инвентарем, прекрасными паласами, ружьями, винтовками пятизарядными, патронташами, полными патронами. Предводителем он назначил Хакима, торговца кислым молоком, [которого] он наградил медалями государя,

подарил халаты, назначил сардаром. /1826/ При этом он давал особые указания. Узнав об этом, все уличные бродяги, мошенники, незаконнорожденные и персы, иранские джаиды, степные цыгане, надевши афганскую одежду, стали присоединяться к их обществу. За короткое время число их дошло до трех тысяч. Упомянутый [Имамкули-бий дадхо] удайчи и Хаджи Латиф туксаба-диванбеги каждому из них сразу же давали коня, ружье и патронташ, представляли их к награждению султанскими орденами, насильно отбирали чарбаги у солдат и торговцев и отдавали в распоряжение [афганцев]. Все купцы и владельцы чарбагов из страха перед удайчи даже летом не имели смелости отвесть ягод и плодов [своих [214] садов], не могли подходить даже близко к своему чарбагу. Если же они иногда проходили близ своего чарбага, то афганцы их избивали. Боясь удайчи, они никому не жаловались.

Над каждой группой афганцев [удайчи] назначал одного из них предводителем и дарил последнему чар-баг. Например, разорившийся и бежавший из Афганистана купец Айюб, прибыв [в Бухару], стал во главе восьми иноземцев. Он, именуя себя сардаром Мухаммед Айюб-ханом, /183а/ взял себе писцом перса Али Акбар туксабу и каждый день от своего имени направлял записки упомянутому [Имамкули-беку дадхо] удайчи: «У меня мол под моим начальством имеются двенадцать предводителей, а ты кабан не справляешься о них, не представляешь их к награждению золотыми орденами. Кабан, ты увидишь, что я с тобой сделаю!» Несчастный удайчи исполнял все его требования.

Над другой группой хазарейцев в количестве четырехсот человек он назначил предводителем афганца Рахим-хана, бродившего [по улицам] и работавшего подмастерьем у пекаря. Ему он подарил чарбаг одного купца. Упомянутый [Рахим-хан] вместе с сорока-пятьюдесятью конными и вооруженными винтовками хазарейцами объезжал улицы Бухары и, невзирая ни на кого, хватал любимых детей мусульман и силой отбирал кошельки у людей. Он именовал себя Мухаммад Рахим-ханом.

[Удайчи кроме того] назначил предводителем над четырьмястами персами, иранскими джаидами афганца Ахтар аксакала, чайханщика, и подарил ему один чарбаг. Этот выезжал даже за ворота города и, врываясь в дома мусульман, издевался над ними, отбирая их богатство и бесчестил их. [215]

[Имамкули-бий дадхо удайчи] назначил предводителем над пятьюстами разных афганцев Хаким Айни – торговца кислым молоком и подарил ему один чарбаг. Всякое его желание исполнялось. Гулям Хайдара, афганского арендатора, определили предводителем над двумястами пятьюдесятью /183б/ афганцами, обеспечили его конем, оружием, лучшими винтовками и выделили ему чарбаг. Через несколько дней [удайчи] его отправил в Каршинский вилайат [правителем]. Афганца Ахунд-заде, бывшего арендатора, бродившего по Керкинскому вилайату, [удайчи] назначил предводителем большого отряда и подарил ему превосходный чарбаг, полностью снабдив ружьями и конями. Таким образом, он каждого из жителей Бухары превратил в своего послушного [слугу]. При условии полной свободы действий они пользовались лишь небольшими правами. А этим проходимцам и оборванцам, греховодникам и преступникам он раздавал коней высочайшего двора, султанские заряжающиеся с дула и пятизарядные винтовки. Посылая записки правителям и амлакдарам, он от каждого из них получал от десяти до сорока-пятидесяти лошадей и раздавал. Но все же, он не смог полностью обеспечить [афганские отряды] лошадьми, прикупал еще на базаре и раздавал им. Каждому афганскому

предводителю он давал в награду от одного до четырех золотых и серебряных орденов, а их нукеров награждал золотыми и серебряными медалями. Постепенно, с течением времени дело дошло до того, что через четыре месяца афганцы обнаглели. Они, не довольствуясь предоставленными им царскими ружьями и конями, объезжали улицы [Бухары] и, заметив кого-нибудь или услышав об имевшемся в каком-либо доме хорошем коне, попросту отбирали. Они воровали товары в лавках людей, насиловали мусульманских детей. Не довольствуясь отданными [216] им чарбагами, /184а/ они выбрасывали на улицу хозяев других понравившихся им чарбагов, причиняя им обиду и страдания, и сами поселялись вместо них. Несмотря на то, что каждому [афганскому] предводителю выдавали по комплекту верхней одежды и по тысяче рублей на личные расходы и каждому их [воину] – по двести-пятьсот рублей, съестные припасы и одежду, они не довольствовались этим и населению Бухары причиняли бесконечные бедствия и насилия, требовали и отбирали у них наличные деньги. После Чингиз-хана и Хулагу люди благородной Бухары не видали подобного угнетения и притеснения. Все они, оказавшись в отчаянном положении, не имели другого выхода, как обязательное исполнение воли [афганцев], или же бегства, куда глаза глядят.

Главный казий Бухары, раис вазарат-панах, верховный [кошбеги] и я несколько раз докладывали [эмиру] по поводу насилий и притеснений афганцев. Но удайчи наших докладных [эмиру] не представлял. Мы не бросили свое [намерение] заявить его величеству, но сам [удайчи] не смог справиться с [афганцами]. В конце концов слуги, благожелатели [его величества], придя к единому решению, написали докладные и скрепили их несколькими печатями, представили перед лучезарные очи.

Его величество господин эмир не был осведомлен о проделках удайчи и упомянутого Хаджи Латифа. Он сразу же выслал удайчи в Хисар. А от Хаджи Латифа туксаба и диванбеги потребовал отчет и снял их с должности. Когда еще раньше группу афганцев просили сдать винтовки, они, ведя себя грубо, /184б/ отказались. Теперь все должны были сдать [оружие]. Они ответили: «Всякий раз, когда мы собирались сдать винтовки [Имам-кули-бек дадхо] удайчи и Хаджи Латиф посылал за нами своего человека и твердили, чтобы мы ни в коем [217] случае не сдавали [оружия]. Точно так же коней у населения мы отбирали согласно указания упомянутых лиц». С этими словами они сдали оружие и несчастные жители успокоились.

Короче говоря, прошедший пятимесячный срок со времени военного столкновения с большевиками, нукеры вилайатов, богохранимой [страны], жители богом хранимой территории государства благородной Бухары явились согласно указу его величества и вместе с отрядами нукеров благородной Бухары находились на [позициях] вокруг Бухары и [на территории] от Якка-тута, Каракуля до Куюк-мазара и Кызыл-типпа. Так как они не получали ничего, кроме еды, то каждый из них превратился в большого должника. Постепенно они стали расходиться по своим вилайатам. Оставшихся главарей его величество произвел в чиновники и выдал жалованье, а после благословенного месяца рамазана 1336 г. х, года лошади, отпустили их по домам.

По происшествии пяти месяцев, в период после войны с большевиками и заключения мира на станции Каган, консулом стал Шмидт. Явившись [в Каган], он, хотя и передал высочайшему правительству вилайаты Чарджуй, Кермине, Хатырчи и Зийауддин, но вследствие того, что у большевиков не было ни

главы, ни начальника, они по своей воле, иногда без всякого основания /185а/ начали со стороны Самарканда в сторону Чарджуя перебрасывать по железной дороге в бесчисленных вагонах пушки, винтовки и пулеметы. А со стороны Мерва и Ашхабада [большевики] все больше и больше стали переезжать в сторону Ташкента. Ввиду того, что население Бухары пережило укусы змеи, оно боялось даже пестрой веревки. Поэтому на упомянутой выше станции из предосторожности находились две сотни. Два отряда воинов и нукеров с пушками во главе со своими [218] предводителями караулили днем и ночью ворота Кавала и [чарбаг] Ширбудун. Точно так же солдаты и нукеры с пушками были поставлены и у других ворот города, чтобы они следили [за врагом].

Так как большевики через каждые несколько дней назначали себе нового губернатора и, спустя немного времени, опять его снимали и назначали губернатором другого человека, то поэтому у них не было ни определенной цели, ни действий. После заключения Домогатским мирного договора, назначили губернатором некоего Кобозева 342. В это время туркмены текке и йомуд, объединившись, захватили Ашхабад, перерезали находившихся там большевиков и готовились двинуться дальше. Упомянутый Кобозев с пятьюстами вагонов, полных большевиками и артиллерией, во всем великолепии выступил из Ташкента и прибыл на станцию Каган. Его величество, оказывая любезность, направил к нему навстречу меня и Карванбаши. /185б/ Мы прибыли в Каган, встретились [с Кобозевым], узнали, что он проедет дальше и, проводив его, вернулись обратно. Через несколько дней упомянутый Кобозев, потерпев поражение от туркмен, ночью проехал через бухарскую [территорию] и уехал в Ташкент.

Селение Кушка в стороне Герата в пору эмира Абдаррахман-хана было завоевано Россией. Так как оно было расположено на пути возможного появления англичан, [Россия] на том месте держала наготове большое войско и военное снаряжение. Упомянутый Степанов, сформировав для защиты многочисленное войско, прибыл в селение Кушка, но без каких-либо боевых действий передал Кушку афганцам и бежал в Ташкент 343.

Конные казаки России, которых называют меньшевиками, владели областями Оренбург и Йаман-кала. [219] Ташкентские большевики двинули из Ташкента в ту сторону многочисленных солдат и вступили в борьбу с меньшевиками, но, потерпев серьезное поражение, отступили, оставив множество убитых и забрав с собою большое число раненых. Сняли они и того губернатора, которого поставили на место Кобозева и, говоря «создадим Советы», выдвинули над собой старшими тринадцать большевиков и все полномочия передали им. Шмидта сняли с поста консула в Бухарском [эмирате] и на его место назначили консулом своего некоего русского Есьмана. /186а/ Он прибыл [в Бухару] и, повидавшись с его величеством, уехал на станцию [Каган].

Итак, его величество господин эмир [Алим-хан] прибежище власти Имамкули-бек бия дадхо, удайчи, отправил в Хисар. На его место он назначил удайчием Хаджи-кули-бека, командира кубанцев. Саидбек-бия он назначил командиром упомянутого отряда. На место упомянутого Саидбек-бия назначили предводителем Науруз токсабу, сотника, и подарили ему комплект почетной одежды, чем его и возвеличили. Прибежище садров и счастья Тура-ходжу, садра, предводителя, назначили послом в Кабуле. Большевики, потерпев поражение от конных казаков Оренбургской области, пришли в негодование. В это время находящиеся на станции Красноводск и Мерв меньшевики договорились и вступили в союз с туркменами текке и йомуд и с

железнодорожными рабочими, вознамерились избавиться от большевиков и объявили им войну 344. Ташкентские большевики, хотя потерпели серьезные поражения от Оренбургских конных казаков, принудительно собрали [войско] из молодых татар, персов и армян Ташкента и Самарканда и, приблизительно, в ста пятидесяти вагонах отправили их поэтапно вслед за другими четырьмя эшелонами. Упомянутых солдат насчитывалось около [220] восьмисот пятидесяти человек. У них были три пушки /1866/ и двадцать четыре пулемета. Прибыв на станцию Каган, они простояли полчаса. Командующий войском, обращаясь к воинам государства его величества, сказал: «Мы к государству благородной Бухары не питаем никакого злого намерения. Мы едем воевать против туркмен-текке и йомуд. За нами едут еще войска и их вы не опасайтесь».

С такими словами они уехали в сторону Чарджуй, а через два дня они опять отдельными колоннами проезжали через станцию [Каган]. Их насчитывалось около тысячи шестисот солдат с двумя пушками и шестнадцатью пулеметами. Большая часть их были раненые, с отрезанными ушами и носами, подвергнутые тысячам мучений. По воле всемогущего, единственного и истинного бога, проезжавшие солдаты отправились на станцию Мургак. Затем четыре вагона [с ранеными] загорелись в пути и опрокинулись. В них было [около] пятисот [винтовок] и восемь пулеметов. Они тоже сгорели. Из упомянутых солдат сгорели многие. Но большинство их погибло при катастрофе: у многих были сломаны руки и ноги. С подобными бедствиями они отошли в Чарджуй.

Солдаты, проехавшие первыми, как только достигли железного моста через Амударью, по воле милостивого творца, хранителя шариата, были опрокинуты. У них сгорел паровоз, а также наличный запас боеприпасов, пушки и винтовки. По милости божьей, мусульманам не причинилось вреда. С обеих сторон поезда [солдаты] бросились в реку /187а/ и большая часть большевиков по водному пути отправилась на тот свет.

Несмотря на то, что мусульманам не причинилось вреда, район Диванабаг Чарджуйского [вилаята] так потемнел от порохового дыма, что люди никак не могли [221] увидеть друг друга. До этого туркмены текке и йомуд предупреждали население Чарджуй: «Мы вас не тронем, но спрячьтесь!». Многие люди ушли в далекие места и выжидали. Упомянутые туркмены сразу же [после взрыва моста] предприняли атаку, открыли огонь по большевикам, множество из них были убиты и ранены. В результате, большевики отправили в Ташкент одиннадцать вагонов убитых и раненных. Его величество сообщил туркменам, что если они намереваются воевать, то пусть воюют вне пределов Бухарского государства, потому что бухарские подданные спрятались в свои мульки и амлака и горюют, страшась нападений большевиков. Туркмены приняли это [предложение], отошли к станции Репетек, расположенной в десяти фарсах от Чарджуй, и стали ждать встречи с большевиками. Большевики не стали продвигаться дальше за Чарджуй и остановились на Дивана-баге. Они, не оставив своего безобразного обычая, отобрали у ургенческих купцов, прибывших торговать в Чарджуй, триста тысяч рублей денег и ограбили их.

Короче говоря, в 1336 г. х., 26 шаввала [05. 08. 1918], его величество, оказывая милость и ласку /187б/ прибежище власти Аулийа-кул-бек бию диванбеги, назначил его правителем Хисар-и Шадман, отличив подарком в виде почетного халата и коня с полным набором снаряжения, за что получили от него благословение.

В упомянутом году его величество, оказывая милость, ласку и заботу о людях, солдатах и нукерах, подарил каждому молодому и старому по комплекту почетной одежды и пожаловал танабана. Чин преданных слуг, отличившихся в борьбе против большевиков 345, каждому повысить на одну султанскую ступень. Так, эмир всех порадовал и пожаловал.

В эти дни его величество направил приказ всем [222] правителям богохранимой территории и амлакдарам семи туманов благородной Бухары, чтобы в качестве султанского хараджа собрали с населения и дехкан амлаков картошку, ячмень, пшеницу, джугару и, сложив в амбарах, отправили к высочайшему двору. Так как в 1332 г. х. началась война российского, английского и французского государств против государств Германии, Австрии и Стамбула и военные действия охватили и другие государства, то день ото дня цены на продовольствие, зерновые продукты, на все товары широкого потребления, необходимые для населения и для животных все более стали подниматься. Дороговизна увеличивалась с каждым днем. Страны мусульман и неверных были в тревоге и ужасе.

Несмотря на дороговизну, в благородной Бухаре все было в достатке и население жило в спокойствии. Его величество господин Саййид Мухаммад Алим-хан, чье царство подобно раю, справедливый и благочестивый государь, /188а/ милостивый и мягкосердечный к своим подданным и крестьянам, по совершенному своему благородству на каждой таможенной заставе и на базарах города благородной Бухары с 360 кварталами в нем, открыл множество хлебопекарен, и ежедневно на душу каждого человека, будь он мужчина или женщина, или ребенок выдавали по лепешке. И каждому ежемесячно, от мала до велика, выдавали, подобно хлебу, царские пожалование: по одному кадаку сахара и одному кадаку риса, в то время как в упомянутом году один ман пшеницы стоил двести тенег, один ман риса – семьсот тенег, один кадак сахара – две тениги.

В 1335 г. х., который был годом барса и концом года змеи, когда произошло военное столкновение с большевиками, цена одного мана пшеницы была 12000 тенег, [223] один ман ячменя стоил 800 тенег, один ман риса – 14000 тенег. Пуд сахара стоил 3000 тенег. Его величество по совершенной милости и великодушью к подданным Бухарского государства открыл [двери амбаров] сахара и риса. Подданным Бухары хлеб раздавали в нескольких местах города, установили многочисленные котлы и каждый день варили пшенный суп и раздавали, как милостыню, вдовам и немощным.

При подобных шахских милостях и любезностях произошли действия против большевиков. Из богоспасаемых вилайатов прибывало множество нукеров и солдат. Их расставляли вокруг города и выдвинули авангард от Каракуля до [селения] Бостан. Всем им ежедневно выдавали по потребности продукты питания: хлеб, плов, чай, фураж для лошадей, /188б/ как выдавали раньше. Дороговизна переросла в голод. Стоимость русских бумажных денег на все товары все время падала. Раньше все торговые люди, лавочники ;и ремесленники пользовались русскими бумажными деньгами и для всех они были почитаемы. Теперь, расходуя их, они оказались в трудном положении и не находили выхода из него, потому что у людей наличных денег, кроме бумажных, не было, чтобы пользоваться для своих нужд. Чеканные деньги государства благородной Бухары были выпущены в 1311 г. х. [1893-94], стоимость бухарской тениги тогда равнялась тремстам ушров 346. [Ушры] были утверждены эмиром всех правоверных, его святейством Умаром, да

благословит его всевышний Аллах. Упомянутую теньгу русские приравнивали пятнадцати копейкам, которые были равны трем бухарским ушрам. В то время русское правительство имело большую силу и его бумажные деньги тоже имели вес, так что люди, поняв [устойчивость] их стоимости, имевшиеся у них деньги в звонкой монете меняли их на бумажные деньги. [224] Я тогда был возвышен на пост правителя вилайатом Нур-Ата. Слышав об этом, я всем говорил: «Русские противодействуют установке его святейшества У мара, да благословит его всевышний Аллах. В скором времени их постигнет неудача». И действительно, спустя немного времени /189а/ японское государство, [население] которого является ответвлением китайского народа, напало на русское государство, захватило много областей и нанесло серьезное поражение, чем и обеспокоило русское государство. Со времени Николая Павловича Россия не испытывала подобного поражения.

Короче говоря, в 1332 г. х [1914] началась война между упомянутыми союзами государств и русские бумажные деньги стали терять свою стоимость и день ото дня обесценивались. [Количество] привозимых европейских и русских товаров стало все более уменьшаться и цены на них поднимались. Раньше бухарская серебряная монета, достоинством в триста ушров или десяти бухарских тенег, весила семь мискалов. За одну бухарскую теньгу давали шестьдесят четыре медных фулуса. После того, как русские бумажные деньги обесценивались, люди постепенно их накапливали и отвозили в Ургенч, каждый упомянутый фулус реализовали за четыре фулуса и возвращались. Так, бухарских фулусов не стало. Люди, заметив обесценение бумажных денег, спрятали имеющиеся у себя золото и тенег и не стали их реализовывать.

Его величество, проявляя милость [выпустил] бухарские двухфулусовые чеканные теньга, установив в каждую теньгу тридцать два фулуса. Спустя некоторое время их тоже становилось все меньше. Никто не знал, куда девались фулусы, вышедшие из монетного двора /189б/ Бухарского государства. Кому они ни попадались в руки, предпочитали их перед бумажными деньгами, прятали. Затем [эмир] выпустил новые фулусы, [225] достоинством в четыре фулуса каждый, и их тоже в короткое время расхватили. Опять [его величество], посоветовавшись, выпустил чеканные восьмифулусовые [деньги] из чистой меди в надежде, что они приобретут устойчивость в народе. Все еще продолжалась война между упомянутыми выше государствами. После того, как прошло три года войны, люди полагали, что эти восьмифулусовые теньга устойчивы и имеют преимущество перед бумажными деньгами. За короткое время [этих денег] среди людей осталось мало. Бедные подданные очень нуждались в мелких деньгах для купли и продажи. Каждый пуд меди, если раньше стоил шестьдесят тенег, то теперь цена его вследствие дороговизны возросла до шестисот тенег. Учитывая нужду народа, его величество в 1335 г. х. [1917 г], в год змеи, медные фулусы перечеканил на чеканные монеты следующим образом: из полмискаля 347 меди чеканил одну теньговую [монету], из одного мискаля – двухтеньговую, из полутора мискалей меди – трехтеньговую, из двух мискалей меди – четырехтеньговую, из двух с половиной мискалей меди – пятитеньговую и пустил в обращение среди народа. Не исключена возможность, что если и впредь русские бумажные деньги будут терять свою силу, пять видов медных [денег] люди берут, считая их устойчивыми чеканными государем мусульман, предпочтут их перед бумажными деньгами [русских]. /190а/ Бухарская серебряная теньга, которую русские приравнивали к пятнадцати копейкам, и сейчас находятся в обращении. Их берут за десять русских тенег и они имеются у менял. Тилла бухарского чекана, да будет ей милость [Аллаха], равную сорока бухарским

теньгам, сейчас [люди] у менял берут за сто русских рублей, то есть за шестьсот шестьдесят семь тенег. Двадцать штук пятирублевых русских золотых составляли сто рублей. Сейчас за [226] такие двадцать штук дают тысячу сто пятьдесят рублей. Каждый рубль равен шести теньгам и сорока копейкам. Каждая копейка равна четырем бухарским пулам 348.

Исходя из всего этого, все товары, привозимые из России, были очень дороги. Например, один алчин 349 подкладочного ситца раньше стоил полтеньги бухарской, [ныне] стоит сорок тенег русскими [деньгами]. Нарядные [сорта] ситца подорожали точно также. [Цена] одного алчина их поднялась до ста русских тенег, которые равнялись пятнадцати рублям. Катушка ниток для швейной машины стоила рубль, [теперь] стоит сто рублей. Нимча 350сахарного песку стоил две бухарских теньги, теперь стоит сто тенег бумажными деньгами. Все остальные товары, привозимые из России, точно также стоили [дорого]. Дороговизна переросла в голод. Три-четыре года тому назад ман пшеницы в богоспасаемых вилайатах стоил сорок-пятьдесят бухарских тенег, а ныне он стал стоить двенадцать тысяч тенег бумажными деньгами. На базарах пшеницы не стало; поэтому люди забыли мерить [пшеницу] манами, а стали торговать чарйаками. Бедные люди были в отчаянии и мучились, ходили озабоченными. [Цена] чарйак /1906/ мяса [поднялась до] двухсот тенег, чарйак чистого сала [бараньего] – до двадцати пяти рублей, чарйак риса – до сорока рублей, чарйак лука – до пятнадцати рублей, мешок моркови – до двадцати пяти рублей, соломенная сечка в мешках, навьюченная на один верблюд – дошла до 60 рублей; сто снопов сена стоили 120 рублей. Люди и животный мир стонали [от голода] и их стон возносился к небу. Ни в какую эпоху и ни в какие времена подобной дороговизны и голода человек не видел и не слышал, чтобы одна лепешка стоила двадцать тенег. Нимча чая стал стоить двести пятьдесят тенег. Продуктов питания, [227] одежды и предметов домашнего обихода не было. Один кусок фаранги или ходжентский халат [стоил] тысячу тенег, один халат из китабской алачи – тысячу пятьсот тенег, один каршинский халат с шелковой подкладкой – две тысячи тенег, один халат из простой алачи – шестьсот тенег, а эти названные [халаты] раньше ценились от десяти до восьмидесяти тенег. Никто не помнил, чтобы когда-либо дыня стоила сорок тенег... 351 /191а/ Словом, везде группами бродил пришлый народ, словно мотыльки вокруг свечи, и молился за шаха от чистого сердца. Прими молитву, о принимающий молитвы!

Короче говоря, в упомянутом году дороговизна переросла в голод. Многие жители вилайатов Карши и Хузар продавали своих детей, словно животных. Большая часть детей, женщин и мужчин из-за голода расходилась в разные стороны и скитались. Население Ура-типпа и Ферганы от притеснений и произвола большевиков лишилось крова и семьи. Их имущество и достояние [были] уничтожены. От голода и дороговизны чаша их терпения переполнилась. Они, продав своих детей, ценимых дороже жизни, покупали пуд пшеницы за четыреста рублей, пуд джугары и проса по триста рублей, и с тысячью мучений ходили еле живыми, добывая необходимый минимум пищи, [или же] разбегались в разные стороны [в поисках хлеба]. Многие из них прибыли в Бухару и скитались по всем улицам. /191б/ Его величество, опора всего мира, государь, ради пришельцев у ворот Углан и Кавала велели установить большие котлы, [в них] варили йарму 352 и раздавали им. Они, получив пользу, в знак благодарности молились за долголетие царства падишаха и оставались довольными. Короче говоря, бедные люди проводили свою жизнь в полном несчастье, со слезами на глазах и с тысячью мучений... 353. [228]

/1936/ В понедельник, 28 шаввала 1336 г. х., [05. 08. 1918] года лошади, ученейший из глубоко знающих ученых, горизонт факихов позднейшего времени, Ахунд Мулла Кавамаддин ходжа, преподаватель [медресе] со времен его величества благородного эмира Саййид Музаффар-хана, получивший впоследствии должность казия и возведенный в должность казия туманов [благородной] Бухары и таких крупных вилайатов, как Шахрисабз и Карши, а в благородной Бухаре — на должность раиса, в течение пяти лет бывший ахундом медресе Кукалдаш, покинул этот бранный мир в возрасте семидесяти лет и отправился в вечную обитель. В медресе Хиабан все улемы, военачальники и студенты читали зауспокойную молитву по этому господину и похоронили [его тело] по соседству с его светлостью Имла, да помилует его [Аллах], в его [гробнице], читали ему там молитву и благословили. В этот же день прибыл Мирза Бахрам-бий, уехавший во время военного конфликта с большевиками за помощью с письмом [эмира] в Балхский вилайат к наместнику афганского правительства. Он жил в упомянутом вилайате пять месяцев и с разрешения эмира Афганистана, не добившись цели, прибыл вместе с двумя афганцами. Удостоившись чести целования руки его величества, они произнесли молитву [за него].

В том же году, в пятницу, 9 зулькада, прибежища власти /194а/ Ходжу Абдасаттар-бек бия, предводителя войск, назначили правителем Кулабского вилайата на место низложенного Данийал-бека токсабы. На место [Абдасаттар-бека дадхо] предводителем войск назначили прибежища власти Рахман-кул-бек бия дадхо, саркарда. Муллу Шариф-бия назначили правителем Нуратинского вилайата. Этот правитель обращался с подданными до того [229] плохо, что он через три месяца был снят и ныне числится в ряду офицеров у высочайшего стремени... 354.

В настоящее время, в месяце сумбула, 1336 г. х., [IX. 1918 г.] года лошади, продолжают войны за города Теджен и Каахка и большевики терпят поражение. Все же благородная Бухара находится между двух врагов, да хранит всевышний Аллах своими милостями и щедростью государя ислама и население благородной Бухары. Несмотря на все злонамерения большевиков и туркмен, афганцы превзошли их в посягательстве и насилии. Они покончили с плодами чарбагов. Наступили холода. [Тогда] они потребовали от высочайшего двора такие зимние одеяния, как шубы, суконные чекмени и ватные одежды, чалму, и начали посягать на городские дворы. Его величество, убежище халифского достоинство /196а/, узнав о злодеяниях афганцев, противоречащих шариату, соизволил послать вазарат-панаха Низамаддин ходжа кошбеги за главным казием, раисом, предводителями войск и за мной, пишушим эти строки, и собрал их у вазарат-панаха Усман-бек бия, верховного парваначи. Туда же привели, послав за ними человека, и так называемых предводителей афганцев. До сведения собравшихся довели [следующий] высочайший указ августейшего [эмира]: «Слава богу, сейчас установилось спокойствие. Благодаря поддержке Аллаха, укомплектованы вооружение и войско. Мы ради обществу афганцев и довольны [им]. Вы все [теперь] свободны: каждый, кто намерен уехать в свой вилайат, обеспечивается деньгами на расходы и почетным халатом. Если хотите ехать поездом или же на местных арбах, мы радушно будем провожать вас, а кто намерен остаться в Бухаре и заняться как простой люд своим ремеслом, то воля его. Мы ему не будем препятствовать. Пусть только возвратят полученные от [230] высочайшего двора коней и оружие». Афганские главари, услышав эти любезные слова его величества, согласились и сказали: «Вы нам дайте срок до завтра, чтобы мы

собрали всех лошадей и оружие, а затем – сдали. Мы выясним, кто уедет и кто останется [в Бухаре] и займется своим ремеслом, а затем вам доложим». Вазарат-панах /1696/ сказал: «В течение трех часов сдайте лошадей и оружие, а после вам выдадут деньги на расходы от [высочайшего] двора». После этих слов кошбеги главари афганцев согласились сдать лошадей и оружие и ушли. Мы все успокоившись, разошлись по домам и занялись молитвою за государя.

На следующий день, в среду, когда прошла одна ночь после обещания афганцев сдать лошадей и оружие, нам сообщили, что афганцы не сдали [высочайшему] двору лошадей и оружие, все разом покинули город и собрались в чарбаге Латиф ходжи. Они, подняв флаги и знамена, направляются в сторону станции Каган. Как только весть об этом дошла до высочайшего благословенного слуха [эмира], он, в свою очередь, немедленно соизволил вызвать меня, чтобы я съездил к афганцам, сделал им наставление и уговорил их вернуться обратно [в Бухару]. Сев в коляску, я выехал через городские ворота и направился в упомянутый чарбаг. Большая часть афганцев вместе со своими предводителями направлялась в Каган. Остальные пешком или верхом тоже держали путь на Каган. Я, в свою очередь, в сопровождении своих товарищей поехал вслед за ними на станцию Каган и остановился в своей закатной конторе.

Приведя сюда главарей афганцев, /197а/ я наставительно им сказал: «Вы в течение восьми месяцев ели хлеб-соль высочайшего двора, видели безграничную любезность, а в заключении вы пошли на такие [231] дерзости и ведете себя неприлично. Вы отказываетесь сдать лошадей и оружие и не признаете высочайшей милости. Что вас заставляет поступать так?» Афганцы ответили: «Нам перестали выдавать определенный паек хлеба и мяса, а выданные продукты отобрали у нас и увезли». Если бы день за днем нам выдавали установленное жалованье, то мы бы сдали лошадей и оружие. После мы пошли к своим, [но] люди нас не слушались в гневе, [свойственным] афганцам, они выступили и направились [в Каган]. Они не намерены сдавать лошадей и оружие и хотят служить русским [и] большевикам». Я сказал: «Вы пришли, чтобы вести священную войну ради Аллаха, а теперь отвернувшись от мусульманства, служите русским». От этих слов моих некоторые афганцы лошадей и оружие, у кого они были, собрались сдавать. Многие начали приводить и сдавать. Тут из политического агентства позвонил по телефону илчи: «Парваначи! Срочно зайдите ко мне домой». Я сразу же направился в консульский дом. Вслед за мной /197б/ прибыли туда же и двадцать три афганца. Посол [т. е. полпред Туркестанской республики при Бухарском правительстве] спросил: «Сколько прибыло афганцев?» Я ответил: «Сперва прибыло около тысячи человек и еще идут по дороге сюда пешие и конные. Наверное всего будет две тысячи человек». Афганцы сказали: «Нас четыре тысячи пятьсот человек». Илчи обратился ко мне: «Вы сегодня выдайте им пишу. С завтрашнего дня их обеспечивать продуктами буду я». Афганцы ответили: «Мы из рук слуг дворца ничего брать не будем. Всякую вещь: продукты или деньги, если ты намерен давать, мы возьмем у тебя». Илчи ответил: «Мне принесут, а я отдам вам». Но вы сдайте им лошадей и оружие двора. Я даю вам срок до воскресенья. Соберитесь, обдумайте всесторонне. В названный день я вас отправлю в Керки». [232] Афганцы, проявляя всякого рода неблагодарность, сказали: «Лошадей и оружие сдадим в пятницу в твоём присутствии». С такими словами они ушли с приема у посла и удалились. Послу я сказал: «Эти лишившиеся всего неблагодарные афганцы не посланы афганским падишахом. Каждый из них пятнадцать-двадцать лет тому назад провинился, бежал из Афганистана и, прибыв в благородную Бухару, скитался,

занимаясь различными ремеслами, вроде шашлычника, подручного пекаря, машкоба 355, сапожника, мастера и грузчика. Благодаря благородству его величества они вот уже восемь месяцев пользуются хлебом и солью высочайшего двора, а совершают подобные бесстыдные поступки. Теперь перешли на службу к тебе». Он в ответ сказал: «Да, они проходимцы и неблагодарны. /198а/ Вот увидешь, как я буду обращаться с ними в воскресенье!» Вернувшись в закатхану, я приступил было к молитве за его величество, но множество афганцев зашли ко мне, раскаивались в своих поступках, извинялись и передали мне сто пятьдесят лошадей [высочайшего двора] вместе с несколькими винтовками. А некоторые отвели [лошадей] в Бухару и сдали вазарат-панаху.

В пятницу я вместе с илчи и прибежищем власти Махди-ходжа-бием и Саййид-бек-бием, офицером, поехал в Пахта-сарай, который был местом стоянки афганцев, и потребовал [у последних] лошадей и оружие. Опять эти неблагодарные невежды, выискивая повод, вздумали стать нукерами русских и хотели, чтобы [русские] заступились за них, и они не сдавали бы лошадей и оружия. Оттуда я опять пришел в закатхану и как только начал молиться за [его величество], так двадцать пять главарей афганцев пришли ко мне и сказали: «Мы из-за этих дураков и невежд оказались в безвыходном положении и теперь нам стыдно перед [233] высочайшим двором. Сейчас мы отправимся в город, соберем оставшееся оружие у городских афганцев и в вашем присутствии сдадим вазарат-панаху». Они поехали в город. Я, в свою очередь, доложив о сути дела высочайшему двору, на следующий день, в субботу, прибыл в город собрал упомянутых афганцев на Нижнем дворе, от имени высочайшего государя для них устроил угощение, а затем привел их к кошбеги в высочайший Арк. /198б/ Они [перед кошбеги] извинились за свои неблагодарные поступки. Здесь я принял от них лошадей и оружие [высочайшего] двора и сдал [кошбеги]. Об обстоятельствах я доложил его величеству.

Его величество господин [эмир], убежище халифского достоинства, который был великодушным и милосердным и исключительно справедливым, оказывая милость и высочайшую ласку, по царской щедрости вручил мне двести пятьдесят тысяч рублей, которые составляют один миллион триста тридцать три тысячи бухарских тенег, и милостиво приказали: «Раздайте главарям афганцев тысячу рублей, которые составляют шесть тысяч шестьсот шесть бухарских тенег. Остальным выдайте по сто пятьдесят рублей, составляющие тысячу бухарских тенег, и проводите их. Получив милостиво врученные его величеством деньги, я приехал на станцию Каган и стал ожидать часа отъезда [афганцев].

В воскресенье, в десять часов [утра] илчи зашел в Сарай-и пахта и вывел из этого сарая всех находившихся там афганцев, безоружных и без лошадей. Вокруг них он поставил многочисленный караул из своих солдат /199а/ и всех жалких, ничтожных, загнал в открытые деревянные вагоны поезда. [Поезд] он отправил со станции Каган в направлении станции Амир-Абад, по дороге Каршинского вилайата. Сам илчи вместе со мной [234] и прибежищем власти Мирза Махди-ходжа-бием, Саййид-бек бием, офицером, севши в коляску, направился в Амир-Абад, [в расстоянии] в более четверти фарсангах [от станции Каган]. Там вокруг поезда, на котором были афганцы, была поставлена [стража] из множества солдат с ружьями, пятью пушками и пулеметами. Здесь илчи принял [от афганцев] лошадей и оружие высочайшего двора и передал мне. Затем, в вагоны поднялись солдаты, произвели обыск и

нашли у афганцев около тридцати штук афганских и пятизарядных винтовок, семь пистолетов и двадцать шашек и кинжалов и сделали их своим трофеем.

Из упомянутой суммы денег я тысячу рублей раздал всем офицерам [афганцев], остальным же раздал по 150 рублей. Отъезжавших афганцев насчитали тысячу четыреста семьдесят три человека. Их в самом тяжелом состоянии повезли в начале месяца зульхиджа 1336 г. х. [сентябрь 1918 г.].

[Афганцев] провожали двое подручных кошбеги для выдачи им хлеба и чая и сорок вооруженных солдат. Они свезли их не в Керки, /1996/ а на берегу Амударьи посадили на обычные лодки, переправили на афганскую сторону и вернулись [в Бухару]. Все жители благородной Бухары, от мала до велика, остались довольны и успокоились, за что благословляли его величество. Оставшихся в городе [Бухаре] афганцев тоже разыскали и постепенно начали высылать. Бедное население, освободившись от гнета и произвола афганцев, бесконечно молилось за его величество. Уполномоченные высочайшего двора избавились от обязательных расходов на афганцев, за что тоже благодарили Аллаха и молились за [высочайшее] государство.

В субботу 9 зульхиджа [15. 09. 1918] упомянутого года [235] его величество, оказывая царскую милость, подарил мне три комплекта почетной одежды из парчи, одежду из чистого бархата и выходной халат из атласа и свиток марли и атласных платков.

В воскресенье, после чтения утреннего праздничного намаза [в Арке], на месте совершения молитвы, я принес в жертву несколько бычков и баранов [ради праздника курбан] приготовил харису 356 и раздавал незнакомым, близким людям и жителям города, за что получил в адрес его величества бесконечные благословления.

В среду я для своего [сына], света очей Давуд-кул-бека, устроил празднество акика 357, и его волосы сняли возле [гробницы] нашего духовного наставника Шейха Хиябани. Народ благословлял [моего ребенка], да обеспечит всемогущий Аллах ему долгую жизнь и подарит ему счастливое будущее! Аминь!

25 зульхиджа /200а/ 1336 г. х. [1. 10. 1918] предводителя мангытского отряда Тураходжу садра [эмир] назначили послом в Афганистане и отправил его вместе с Муллою Кутбиддин судуром, муфтием в Кабул к Хабибулле-хану с разным добром и мануфактурой [в подарок].

В пятницу упомянутого числа правителя Каршинского вилайата, прибежище власти Ахрар-кул-бек бия дадхо, калмыка, возвысили на высочайшую должность инак-и калан, подарив ему множество почетных халатов, коня с полным дорогим убором, алмазную медаль и памятную грамоту за участие в борьбе за веру, а [затем] отпустил в Каршинский вилайат.

Правителя Сари-Асийского вилайата, прибежище власти Касымходжу бия Саййид-атаи, который был непревзойден в лучших качествах и храбрости, тоже отозвали из упомянутого вилайата и продержали [в Бухаре] несколько дней. Он тоже надеялся на царскую [236] милость, и ему был пожалован комплект почетной верхней одежды, конь с дорогим конским убором. [Его] отпустили в свой вилайат. Эти правители покинули [Бухару] и уехали.

Прибежище власти удайчи Имамкули-бек бия дадхо по ложному обвинению некоторых людей [его величество] отправил в Хисарский вилайат, затем оттуда его отозвал и поставил в Карши. После того, как правитель Карши [Ахрар-кул-бек бий] по получении царских милостей приехал [в свой вилайат], упомянутый дадхо Имамкули-бек бий /200б/ был отозван [в Бухару]. Хаджи Латиф туксаба тоже по упомянутому ложному обвинению был наказан и арестован, а его имущество и состояние отобрано. В эти дни его освободили, оказали ему ласку и назначили закатчи в Керкинском вилайате.

Двадцатого мухаррама 1337г. х [27. 10. 1918 г] года казначея прибежище власти Рахматуллу ходжа бия, сына вазарат-панаха Низамиддина ходжа бия кошбеги возвысили на пост правителя Нуратинского вилайата. Вместо него [его величество] назначил казначеем прибежища власти Имамкули-бек бия дадхо, калмыка, начальника ночной стражи благородной Бухары, муллу Мустахим туксабу назначили мирабом бухарского Шахр-Руда. На его место возвысили из людей упомянутого кошбеги Ходжи Хикматуллу туксабу, назначив его на должность начальника ночной стражи и кроме того, фарраш-башием 358 Бухары.

Третьего сафара того же года [09. 09. 1918 г] умер дадхо, прибежище власти Нусратуллу ходжа бий, старший сын упомянутого кошбеги, правитель Китабского вилайата. Его привезли в Бухару и похоронили.

[Теперь о] большевиках, безрассудных русских, учинивших над благородной Бухарой все те насилия и [237] беззакония, о которых было подробно рассказано выше. После заключения мирного соглашения они по своему безрассудству /201а/ не довольствовались условиями договора. Вот уже год, как его величество на всех дорогах выставил отряды в качестве авангардных караулов. Им велели днем и ночью быть бдительными.

Военное снаряжение и оружие были в полной готовности. Хотя между сторонами существовали дружественные договорные отношения, каждая сторона боялась другой и не знали покоя.

В это время, благодаря милости Аллаха, над большевиками неожиданно нависла опасность со стороны вилайатов Ашхабад и Теджен. Туркмены из рода текке, враждующие с большевиками, захватили Мервский и Байрам-Алийский вилайаты и убили множество большевиков. Оттуда они продвинулись в сторону вилайата Чарджуй. Находившиеся в Ташкенте и Самарканде большевики организованно подтянули множество солдат, бесчисленные пушки и пулеметы и перешли в наступление. Они освободили из рук туркмен текке Мерв и Байрам-Али. Туркмены отошли назад к прежнему своему месту расположения: Ашхабаду и Теджену. Там они в горах соорудили себе укрепления и вели оборонительные бои. У прибывших в Иран англичан туркмены текке просили помощи. Получив в подкрепление около пятисот человек английских [солдат] с несколькими пушками, они [еще] более усилились /201б/ и стали ждать подхода большевиков к упомянутой местности. Большевики достигли успеха в наступлении, прогнали туркмен текке из Мерва и Байрам-Али и продвинулись дальше. Они храбро продолжали наступление и напали на ашхабадских туркмен. Прибывшие [на помощь к туркменам] англичане взяли большевиков под огонь пушек и большую часть их предали смерти. Оставшиеся [238] [большевики] бежали в Мерв. Подтянув сюда из Ташкента и Самарканда еще множество пушек и пулеметов, они привели свое снаряжение в порядок и снова атаковали туркмен. Сражались с упорством. Туркмены текке и англичане, стреляя из

пушек с вершин гор, уничтожили много большевиков и захватили несколько вагонов их [военного] снаряжения, пушки и пулеметы. Кроме того, шестьсот человек большевиков попали в плен. От крови большевиков поле битвы превратилось в луг, покрытый тюльпанами.

Большевики потерпели серьезную неудачу и вернулись в Мерв. И тут они не смогли удержаться и отступили к местности Уч-Хаджи, к третьей станции от Мерва, и укрепились. Туркмены текке, одержав победу, не переставали преследовать [большевиков] и взяли Мерв и Байрам-Али. Большевики узнали, что среди /202а/ туркменских войск находятся присоединившиеся к ним англичане, и были готовы заключить мир. Они послали к туркменам письмо через одного человека. Туркмены ответили: «[Условием [нашего перемирия] является ваш уход с территории Бухарского [эмирата]. В противном случае – война, перемирия не будет. Если вы в силах воевать, подходите к нам поближе. Или же отойдите в сторону Самарканда и приготовьте там свое военное снаряжение. Мы придем и будем сражаться». На бухарской земле воевать мы не намерены. От этих слов туркмен большевики насторожились и попросили у его величества помощи. В ответ на это его величество сказал: «Мы ни за вас, и ни за туркменские племена. Имеющимся у меня войском я буду охранять свою страну. Если кто-либо из вас будет причинять вред нам, то положившись на поддержку всевышнего господ, я попытаюсь того уничтожить своим войском. Если нас не тронут, то [239] и мы ничего не предпримем». Большевики, услышав ответ его величества и опасаясь туркмен, обратились к его величеству со словами: «В таком случае мы перебросим свои войска из Чарджуя в сторону вилайатов Катта-Курган и Самарканд. Вы отправьте в Чарджуй своих придворных, двоих-троих, чтобы они поехали туда, /202б/ задержали туркмен и способствовали нашему уходу, так чтобы туркмены не считали, что мы отходим из-за боязни их». Его величество принял это предложение и приказал мне, пишущему эти строки, Абдурауф бию Карванбаши и Мирзе Сафар туксабе, чтобы мы трое поехали в Каган и оттуда в сопровождении илчи, по фамилии Есьман, отправились в вилайат Чарджуй.

Я, встретившись с командирами войск большевиков, сказал: «Ваш неприятель, туркмены приближаются. Согласно договору о дружбе, вы не должны воевать на нашей территории. Если вы намерены драться, то переезжайте в сторону Катта-Кургана, на свою землю, и воюйте». Руководители большевиков ответили: «Если мы переедем в Катта-Курган, то вы должны следить за тем, чтобы туркменам преградить путь в Бухарские владения». Мы ответили: «Вы, обладая большим количеством артиллерии и войска, не смогли воевать, а мы пока не знаем, кто ваш приближающийся противник. Вы говорите, что это англичане. Но другие нам сказали, что они туркмены. Неизвестно какого они племени. Если сможем, то мы запретим. А если нет, то мы повернем сильного врага обратно боем. /203а/ А вашим делом заниматься не будем».

Большевики от такого ответа остолбенели от изумления и сказали: «У нас нет пока топлива для паровоза на дорогу. Сначала мы перебросим имущество и перебежавших со стороны Мерва жителей, потом перевезем войско и снаряжение». С такими словами они от нашего неопределенного ответа отвернулись [и ушли к себе]. [240] Мы вернулись в Бухару. Через несколько дней упомянутый илчи снова встретился с его величеством и убедительно просил: «Пошлите, пожалуйста двух или трех слуг высочайшего двора к туркменам текке, чтобы эти слуги по прибытии туда встретились с ними и пришли к соглашению, по которому [туркмены] оставались бы на месте. Мы, в свою очередь, покинем Чарджуй и переедем в сторону Самарканда».

Его величество согласно просьбе упомянутого илчи, написал письмо на имя главарей туркмен. Затем он приказал мне, пишущему эти строки, упомянутому Карванбаши и Мирзе Сафар туксабе отправиться в Каган и оттуда в сопровождении незванного илчи поехать в Чарджуй. Руководители большевиков Чарджуя побоялись нашей поездки к туркменам и отказались [от нашего посредничества].

Мы опять покинули Чарджуй и прибыли в Бухару. Туркмены в начале месяца раби'ал-аввал [декабрь 1918г.] из Мерва предприняли нападение на все три станции и на местность Уч-хаджи. Они взяли в плен большевиков в нескольких вагонах. /203б/ Заходя в тыл большевиков с двух сторон, со стороны вилайатов Усти и Наразим, они намеревались окружить их. Но, по воле и желанию Аллаха, присоединившиеся к туркменам англичане поссорились с туркменами, откололись от них и ушли в Мерв. Туркмены, чувствуя, что без помощи англичан они не смогут довести дело до победного конца, оказались в затруднительном положении, повернули обратно и ушли в Мерв. Набравшись храбрости, большевики после того, как собрались силами в Чарджуе, продвинулись до местности Уч-хаджи, где и остановились.

[Большевики] день ото дня все более усиливали переброску войск и военного снаряжения из Ташкента и [241] Самарканда в сторону Чарджуя и выжидали подходящего момента. Но у них еще не было полностью снабженного войска. Солдаты их были из жителей Самарканда и Ташкента, и они из боязни ничего не смогли предпринять. Илчи Есьмана, который стоял в Кагане со стороны большевиков, обвинили и, отозвав в Ташкент, посадили в тюрьму. Вместо илчи Есьмана ныне назначены три большевика в качестве консулов в Кагане, которые и работают. Со стороны благородной Бухары, в свою очередь, прибежище власти Саййид-бек бий, офицер с отрядом кубанцев в авацгарде днем и ночью /204а/ следили за приходом, уходом и поведением большевиков. Он вместе с прибежищем власти Мирза Махди ходжа бием, уполномоченным в Кагане, оповещал его величество.

Его величество господин эмир, в свою очередь, в целях предосторожности сверх солдат и нукеров Бухары издали приказ в призыве искусных стрелков и юношей из всех туманов Бухары и других мест. Всех их расставили вокруг города [Бухары]. Численность войска день ото дня все увеличивалась. Ему выдали военное снаряжение. И стали полностью вооружать. На солдат, нукеров и собранных людей ежедневно расходовалось свыше двух миллионов тенег. Оставшиеся от покойного Саййида-эмира Музаффар-хана и Саййида-эмира Абдулахад-хана сбережения казны были израсходованы. Собранный в виде хараджа запас зерна из подвластных вилайатов также был роздан на хлеб и на корм лошадей. Вынужденно были выпущены чеканные деньги Бухарского государства из красной меди от одной до пяти тенег, их пустили в обращение на нужды [военных приготовлений]. Но это не помогло. Поэтому в надежде преодолеть [недостаток в деньгах], стали выпускать бумажные деньги из местной кокандской бумаги, Да сведется все к лучшему!

22 Раби I 1336 г. х. [26. 12. 1918 г.] в Бухару из [242] Афгани стана прибыл с визитом турецкий сотник, уполномоченный султана Мухаммад Ришад-хана, турецкого халифа, Казимбек и представитель стамбульского шейх-улислама Маулави Баракатулла. Их встретили за воротами Кавала и приняли в чарбаге купца Латиф ходжи. С начала войны России с европейскими государствами в 1332 г. х. до настоящего времени – 1337 г. х. все дороги,

ведущие в Дом Аллаха [Меку], были закрыты. Если кто-либо хотел совершить хадж, то не мог его совершить из-за войны]... 359.

8 джумада I 1337 г. х. [10. 2. 1919 г] его величество господин повелитель всех мусульман, Саййид Алим-хан газий, для благополучия подданных и торговцев государства благородной Бухары построил предприятие для выпуска новых бумажных денег. Бумажные деньги выделяли мастера высочайшего [государства] в Бухарском Арке возле двора вазарат-гханах, украшенные различными орнаментами, восьми видов. Бумажные деньги были выпущены достоинством: 20 тенег, 60 тенег, 100 тенег, 200 тенег, 300 тенег, 500 тенег, 1000 тенег, 5000 тенег, которые представили на высочайшее усмотрение. Эти бумажные деньги имели свои преимущества перед бумажными деньгами российской и европейских государств. Его величество остался доволен работой [мастеров], за что руководителя работы Акрам-ходжу возвысил в чин садра; Мир Низамаддина, предпринимателя – в чин бий; предпринимателя Насриддин туксабу – в чин ишик-ага-баши, Мир Джамала, золотых дел мастера, в чин мирахура, чеканщика Мир Мухсин караул-беги – в чин мирахура, Хасанджана караул-беги, художника – в чин мирахура, мастера-чеканщика – в чин караул-беги. Всем был вручен султанский указ и подарено по комплекту почетной благословенной [243] одежды. Сорока шести почетным [сановникам] из жителей города Бухары и ее окрестностей и шейхам, обитателям ханака /206б/ благородной Бухары, каждому, подарили по тысяче пятисот тенег. Его величество исполнил [обряд] чтения Корана и получил благословения. Вышеупомянутые мастера стали выпускать те деньги без применил машин – от руки.

В то время прибежище власти Мулла Шараф-бий, офицер, проводил торжество по случаю обрезания своего сына. Три дня он давал завтраки в честь его величества и добился высочайшего благословения. Его величество, оказав милость упомянутому прибежище власти [Мулле Шараф-бию], повысил его в чин дадхо, его младшего брата Мухаммад Айюб туксабу зачислил в ряд слуг – саркарда. Его зятя, продавца платьев, Мирзу Анвара повысили в чин мирахура, а троих слуг [Муллы Шараф-бия] – в чины джибачи и мирза-баши. Каждому пожаловали по комплекту почетной одежды и вручили высочайшие указы.

В эти описываемые дни из вилайата Шахрисабз, где был правителем благочестивый Мирза Саййид-Мир Акрам-хан, дядя [по отцу] его величества высокочтимого эмира [Саййид-Алим-хана], пришла весть, что подвластные подданные там подняли восстание и осмелились отказаться от покорности повелениям упомянутого принца. Услышав это, благословенное сердце его величества встревожилось и он отправил туда вазарат-панаха Низамиддин-ходжа бия кошбеги и прибежища власти Ата-ходжа бия вместе с пятьюдесятью солдатами 360, чтобы они, прибыв туда, выяснили истину дела и виновников представили [ко двору]. /207а/ Население Шахрисабзского и Китабского вилайатов состоит из племени кенегас. Еще раньше люди этих двух вилайатов все время враждовали с государями Бухары, были непослушны. [244]

Поэтому во время своего правления его светлость эмир Насрулла дважды в году, весной и осенью, собрав войско, предпринимал походы на них, травил их засеянные поля, и только через четырнадцать лет он сумел завоевать Шахрисабз и Китаб. В то время, когда Саййид-эмир Музаффар-хан, чье место в раю, сел на место своего благородного отца на бухарский трон, население

этих двух упомянутых вилайатов сочло момент подходящим, прогнало правителей, завладело этими вилайатами и стало враждовать с Бухарой.

Его величество [Саййид-эмир Музаффар-хан], чье место в раю, собрав войско, несколько раз предпринимал походы на них, но не смог захватить [эти два вилайата]. В конечном счете, со стороны Самарканда прибыли русские войска и после упорных боев захватили те два вилайата и передали его величеству, упомянутому эмиру. С того времени до сегодняшнего дня — 1337 г. х. [1918-1919] [Шахрисабзский и Китабский вилайаты] принадлежат Бухаре. Каждый, кого назначали править ими, жил в согласии с [кенегасами].

Я, пишущий эти строки, например, тоже пять лет правил вилайатом Шахрисабз и всегда считался с населением и правил мирно. Кроме установленного хараджа, прочих податей не брал. /207б/ Но все же, один отряд солдат и сарбазов постоянно, поочередно находился в Шахрисабзе в качестве авангарда [армии] благородной Бухары, дабы природное свойство неблагодарности племени кенегас не пришло в движение и племя не взбунтовалось. Во всяком случае, почитаемый принц [Саййид-Мир Акрам-хан] был осведомлен и знал поведение и поступки тех людей. Полагая, что население Шахрисабза на протяжении ряда лет живет в довольстве и накопило огромное богатство и что поэтому оно при удобном случае может поднять крамолу, [Мир [245] Акрам-хан] после того, как стал правителем, во-первых, под предлогом, что они джаиды, убил нескольких главарей [кенегасов], отобрал их имущество, капитал и дворы, завладел их внешними хараджами 361, вплоть зерна и травы. Затем он общество местных евреев обложил чрезвычайным налогом в сумме двух миллионов рублей. От мусульманских же богачей затребовал три миллиона рублей. Для каждого квартала и улицы Шахрисабза он определил количество поставляемых в солдаты людей.

Население кенегасов в течение пятидесяти лет подобных мучений не испытывало. Подданные города и окрестностей единодушно подняли восстание и, собравшись, окружили высочайший арк Шахрисабза Ак-Сарай, и туда никого не пропускали и не выпускали. Таким образом, они слишком много дали себе воли. После прибытия вазарат-панаха Низамиддин ходжи кошбеги народ кенегасов /208а/ [выразил] свое согласие служить его величеству господину эмиру Бухары и потребовал убрать почтенного Мирза с поста правителя и вместо него поставить любого другого человека из самих [кенегасов], которому они будут послушны. Сказали, что: «В противном случае пожалуйста нам любую пустыню в другом вилайате мы переселимся туда вместе со своими семьями».

Об их просьбе упомянутый кушбеги доложил высочайшему двору. Благодаря милости его величества жители Шахрисабзского вилайата выразили довольство [по удовлетворении] следующих их [требований]: «Пусть мол избавят нас от одиннадцати амлакдаров, которые прибыли вместе с самим принцем, и вышлют в вилайат Хузар; кроме установленного хараджа, пусть отменяют все придуманные [Мирзой] поборы, все вопросы относительно населения решают в согласии с агаликом 362 Шахрисабзского вилайата, прибежищем власти Абдушшукур-бием, и из мести не посягают на его жизнь».

Короче говоря, дело кончилось тем, что [246] одиннадцать близких Мирзе человек были выпровождены в вилайат Хузар. Так, усмирив упомянутое население, вазарат-панах Низамиддин ходжа бий кошбеги прибыл в благородную Бухару. Его величество господин эмир вместо ушедших в Хузар людей направил

[в Шахрисабз] одиннадцать человек слуг высочайшего двора в чине туксаба, мирахура и других сановников. Они приехали в Шахрисабз и, встретившись с принцем, /208б/ были определены на должность амлакдаров.

Каршинский правитель прибежище власти Ахрар-кулибек бий инак, калмык, заболев, прибыл в Бухару. Он умер 11 джумада I упомянутого года [13. 11. 1919]. Похоронили его за воротами Талипач.

Прибежище саййидов Тура ходжа садр с высочайшего позволения занялся подготовкой к торжеству по случаю обрезания своего сына. Торжество он устроил при высочайшем стремени в чарбаге Ситара-и Махаса. В пятницу 9-го [дня месяца] хут [01. 03. 1919] он пригласил всех военачальников. Все слуги-молельщики и военачальники приветствовали его величество, помолились [за него] и, побывав на праздничных пиршествах, вернулись обратно. А в понедельник он пригласил всех муфтиев и торговцев в Ситара-и Махаса и устроил для них трехдневное торжество, чем и завершилось [празднество].

В эти полные беспокойства в связи торжеством дни ночью и днем шел снег и начались холода. Торжество проходило в условиях снежной погоды и грязи. Его величество по царской своей милости, идя навстречу упомянутому [садру Тура-ходже], возвел его в высокий чин мир-и асади 363, который выше чина садра. [Он подарил ему] пять комплектов особой одежды, русского производства и золототканное платье, [отрезы] ткани из камки, несколько комплектов одежды из атласа с [247] золотой вышивкой из бархата и фаранги, золототканную чалму, позолоченные башмаки и ичиги, коня с дорогим убором. Шестдесят двух слуг высочайшего двора и сановников, махрамов и нукеров отряда упомянутого мир-и асади /209а/ и его прислуг [эмир] возвысил в чин токсабы, мирахура, караул-беги, джибачи и мирзабаши, которым были вручены и указы [о награждении чином], и почетные халаты. Все расходы на торжество и тартуки, поднесенные высочайшему двору, были покрыты его величеством эмиром из [казны] двора. Вдобавок к этому он сделал мир-и асаду царский подарок деньгами в сумме ста тысяч тенег. В связи с торжеством получили выгоду и несколько торговцев. Они были удостоены подарков сарупо и золотых медалей, за что благословили его величество.

Перед упомянутым торжеством я поднес его величеству в виде тартука один сверток почетного верхнего платья, тысячу пятьсот алчинов трико, предназначенных для солдатского обмундирования. Тартук я отправил со светом моих очей Рахим-кули-беком, пользующимся благосклонностью у высочайшего стремени августейшего [эмира]. Его величество, оказывая милость свету очей моему, пожаловал его должностью караул-беги с вручением ему указа [о назначении] и сарупо, чем я остался доволен и помолился за его величество. Кроме того, в знак благодарности за это я отдельно отправил в качестве подношения один сверток верхней одежды. О всевышний Господь бог, покрой своим милосердием его светлость покойного эмира Абдулахад-хана, чтобы он лучше осознал достоинства своих истинных друзей и в подобные моменты оказывал им ласку. О всемогущий бог, да сопутствует мне успех!

В упомянутом году прибежище власти Мухаммед Саййид-бий дадхо [из племени] юз, который его [248] величеству приходился дядей с материнской стороны /209б/ и раньше был правителем в вилайате Кермине, намеревался устроить торжества по случаю обрезания своего сына в чарбаге Ситара-и Махаса, о чем просил высочайшего августейшего [эмира], и добился разрешения. В четверг

16-го [дня месяца] хут [08. 03. 1919] [года лошади] он поднес [эмиру] свертки, за что получил благословение его величества.

В пятницу он дал завтрак и начал свои пиршества. В понедельник в десять часов все эмиры и саркарда-и катар, офицеры и муфтии были приглашены [на торжество], они пришли ради славы высочайшего государства и побывали на банкете.

Во вторник, 21 числа упомянутого месяца [19. 03. 1919 г], его величество эмир возвысил прибежище власти Мухаммад-Саййид бек бия дадхо, [своего] дядю, в высокочтимый чин инакти калан с назначением его правителем Каршинского вилайата и вручил ему благословенный указ. Проявляя к нему милость, он [подарил ему] коня с полным убором и государев верхний халат.

Нескольких человек из его слуг возвысили в чины токсаба, мирахур, караулбеги, вплоть до чухра-акаси. В тот же день прибежище власти Рахматулла-ходжа бий, правитель Нуратинского вилайата, был приглашен к высочайшему стремени и возвеличен высокочтимым чином дадхо. [Его величество], оказывая ему милость и ласку, вручил ему благословенный указ и несколько комплектов верхней одежды, коня с драгоценным конским убором. Двадцать из его людей он возвысил в чин от мирахура до чухра-акаси и отпустил их по домам. Они, молясь [за эмира], выехали в Нуратинский вилайат. /210а/

В пятницу, начала [месяца] хамаль 1337 г. х., года барана [1919 г., март], его величество, почтеннейший эмир всех правоверных, по своей милости и ласке подарил [249] по три комплекта верхнего платья из камки, бархата и атласа и по куску [материи] для чалмы Мулле Бурха-наддину, главному казию, мулле Изамаддину садр-и раису, вазарат-панах Низамиддину-ходже-бию кошбеги, мне, презренному и нижайшему, и прибежищу власти Рахман-кул-бек-бию, командующему войсками, чем [всех названных] возвеличил. Вазарат-панах Усманубек-бию, верхнему парваначи, был пожалован высокочтимый чин диванбеги и подарены золототканная чалма и одежда. Кошбеги всем слугам высочайшего двора три дня давал по очереди обеды, за что получил благословение в адрес высочайше и благословенно рожденного [эмира]. В этот же день его величество, оказывая свое царское благодеяние и сострадание Мулле Наджмиддин урак муфтию, Мулле Шафкатулле ходже урак муфтию и мулле Музаффару ходжа урак муфтию, всех троих повысил в чин садра и подарил им по превосходному комплекту верхней одежды. Смещенного каршинского казия, домоллу Достсудура он назначил муфтием новой высочайшей медресе вместо муфтия факиха домоллы Халмурада урака 364. Упомянутого муфтия-факиха назначили казием в вилайате Зийауддин.

В субботу его величество почтеннейший эмир, оказывая свою шахскую любезность, Мухаммада Юсуф-бия, сына каршинского купца Муким-бая, повысил в чин туксабы, определив для него [торговый] ряд в Бухаре. Всем купцам благородной Бухары /210б/, оказывая милость, [его величество] пожаловал по комплекту верхней одежды, медали и памятные грамоты.

В понедельник четвертого хамалья упомянутого года сто пятьдесят солдат Кубанского отряда удостоились чинов, памятных грамот и медалей. Им в подарок раздали по сарпо, чем они остались довольны и благословляли [его величество]. [250]

Восемнадцатого дня джумада I 1337 г. х. [19 февраля 1919 г.], выстрелом из ружья во время сна был убит в Джалалабаде 365 кабульский падишах эмир Хабибулла-хан. Услышав ружейный выстрел в покоях падишаха, туда ворвались часовые [эмирской] резиденции и арестовали убийц. Они [следующие]: Сипахсалар-и кулл 366 афганских войск Мухаммад Надир-хан 367, Мухаммад Юсуф-хан 368, неблагородный Асаф-хан 369 вместе с ишик-акаси и рикаб-баши 370, называемым в Бухаре мирахурбаши, сархан-аспура 371, называемый в Бухаре саркарда войск, мир-аспур 372 и сар-сираус 373, которых в Бухаре называют юзбаши и его помощника. Все они были в заговоре с одиннадцатью личными слугами Хабибуллы-хана. Верные слуги войск Джалалабада всех их взяли под арест.

Девятнадцатого джумада I [20 февраля] Наиб-ас-салтане 374, младший брат эмира Хабибуллы-хана Насрулла-хан /211а/ Му'ин-ас-салтане 375 престолонаследник Инаятулла-хан, второй сын Хабибуллы-хана Азуд-ад-даула 376 Хайатулла-хан все вместе с военачальниками пришли на площадь [города Джалалабада], где собрали и войско. Здесь упомянутый Насрулла-хан был провозглашен падишахом.

После того, как весть о смерти эмира Хабибуллы-хана и провозглашении падишахом Насруллы-хана дошли до столичного [города] Кабула, все военачальники, войско [городского гарнизона] и подданные, все от мала до велика собравшись, возвели на трон царства падишахом Кабула око царства, Аманулла-хана 377, третьего сына Хабибуллы-хана. Он соответственно просьбе и желанию подданных был [оставлен] своим отцом в качестве наместника в Кабуле. О провозглашении падишахом эмира Амануллы-хана слышали и в Джалалабаде. Насрулла-хан немедленно распустил находившихся при нем людей и шахских сановников и собственноручно написал [Аманулле-хану] просьбу о прощении и [251] поздравительное письмо. Престолонаследник Инаятулла-хан, также поздравил своего брата, отправив собственноручно написанное письмо. Он написал в Кабул об измене царству его дяди Насрулла-хана. Все военачальники двора покойного эмира Хабибуллы-хана и солдаты послали [в Кабул] письмо со словами извинения и изъяснили свою радость принесением присяги на верноподданство эмиру Аманулле-хану.

По приказу последнего послания Насруллы-хана и Инаятуллы-хана были размножены в виде фотокопий. [Текст] присяги на верноподданство всех военачальников и солдат также были напечатаны и разосланы по всем вилайатам. /211б/ После того, как Аманулла-хан стал падишахом, он также напечатал и разослал по всей своей стране текст речи, произнесенный им по случаю вступления на престол и содержащий его мысли в отношении подданных. Некий человек три экземпляра этих [документов] привез с собой в благородную Бухару. Я читал их и включил в эти свои черновые записи, полные своими грехами, в качестве приложения... 378.

/216а/ Шестого раджаба 1337 г. х. [07. 04. 1919] соответствовавшего шестнадцатому хамала года барана одна моя дочь, которая находилась в браке с сыном амарат-панаха Муллы Ниъматулла-бия дадхо, правителя Шахрисабза, по воле предвечного при разрешении от бремени умерла в возрасте двадцати восьми лет в моем доме. Так она нашла убежище у милосердного Аллаха, оставив неизлечимую рану в разбитом и грешном сердце моем и у оставшихся в живых родителей. Благодаря покровительству его святейшества великого почтенного имама, исполнителя просьб, ее похоронили в моей гробнице. Так, раньше меня похоронили мое дитя. От нее осталась шестилетняя дочь. На ее

похороны я [252] пригласил всех сановников, улемов, военачальников, муфтиев и купцов. С большими почестями за счет средств, посланных богом, мы ее [тело] положили в гробницу и отдали на милость милосердного. Да приведет всевышний Аллах все к лучшему, Аминь!..

Двадцать второго сафара [28. 11. 1919 г.] оставленного правителя Ширабада прибежище власти Тохтамыш-бек бия назначили правителем Келифского вилайата.

Седьмого рабиъ I сего года [12. 12. 1919] амарат-панахов Муллу Нийматулла-бия дадхо, отставленного правителя Шахрисабза, Исхак-бий-бека, отставленного правителя Бальджуана, Данийал-бека туксабу, отставленного правителя Кулаба, его величество господин, убежище халифского достоинства обласкал, оказав милость, и каждому из них подарил по три набора верхней одежды из кундаля, бархата и атласа и от тысячи до пятисот тенег на личные расходы Их всех [его величество] включил в ряд предводителей высочайшего двора, /217а/ устроив всех их в городе.

Муллу Нийматуллабек-бий дадхо болел рожей и по воле предвечного умер и приобщился к милости Аллаха в четверг двадцать четвертого числа месяца сафар, [30. 11. 1919 г.]. Его похоронили в собственной гробнице сын упомянутого амарат-панаха, мубаризат-панах Нурулла-бек туксаба, который мне приходился зятем, йиртиш за своего покойного отца привез ко двору его величества справедливого [эмира] и удостоился чести зачисления махрамом, в ряд сановников.

В пятницу второго рабиъ II того же года [05. 01. 1919г] прибежище власти Саййид-бек бий, предводитель передовых сарбазов Шахрисабза, сын Кабил-бека-бия [из племени] катаган был назначен правителем вилайата Китаб. Ему были подарены сарпо и конь с полным конским убором. На его место удостоился милости [быть назначенным] Хаджи Расулкули туксаба, [253] предводителем передового отряда, находящегося в Шахрисабзе. Он выехал на место назначения.

В понедельник того же месяца его величество господин эмир, оказывая милость, сотника высочайшей артиллерии Мухаммад Хасана туксабу назначил предводителем отряда вместо прибежища власти Хаджи Саййида-Мурад бия. На место предводителя отряда, прибежища власти Кари Саййидкула-бек бия, назначили Мирзу Махмуда туксабу, сотника отряда солдат, [вооруженных] заряжающимися с дула ружьями. Его удостоили подарка почетной верхней одежды из камки и чалмы из кисеи. Двум смещенным предводителям подарили по комплекту почетной верхней одежды из материала кундаль, по куску материи на чалму и возвеличили их, включив в ряд предводителей благородной Бухары, чем они остались довольны и благословили эмира. Его величество господин эмир приказал призвать на военную службу всех мусульман из богохранимых вилайатов высокого государства; и [призванных] включить в военные отряды.

Таким образом, прибывающих из окрестностных туманов в Бухару для несения воинской службы людей /217б/ поочереды принимали и каждого снабжали конем, оружием и обмундированием. [Его величество] все более усиливал всестороннюю заботу об увеличивающемся с каждым днем войске.

Слава Аллаху! Благодаря милости и попечительству его величества, подданные государства благородной Бухары с радостью и единодушным желанием являлись

и записывались в дафтар-и султани: эти воины постепенно преобразовывались в регулярную армию. Если прежде каждому сарбазу в месяц обычно платили по двадцать тенег, то после восшествия на престол [его величества Саййида-эмира Алимхана] сразу же их ежемесячное жалование повысилось до шестидесяти тенег. [254] Начиная с 1336 г. х. до настоящего времени, 1337 г. х., месячное жалованье воинам платят русскими деньгами по двадцать пять рублей, что составляет сто шестьдесят-сто семьдесят тенег. Большую часть [воинов] повысили в чине и кроме того они стали получать танабана зерном.

После нового 1337 года, года барана, его величество господин эмир, оказывая покровительство и сострадание к торговцам и ремесленникам благородной Бухары, нищенствовавшим в окрестностях [города] лавочникам, людям ремесла и искусства, всем им пожаловал по комплекту почетной одежды, наградил золотыми и серебряными медалями, вручил им грамоты о награждении золотыми и серебряными медалями. В результате, все они остались довольны. Подданные государства от всего сердца стали молиться за долголетие его величества.

В упомянутом году еще более усилилось насилие большевиков над населением Ташкента, Туркестана, Ферганы, Самарканда и Катта-Кургана. Они отобрали все имущество, достояние, дома и инвентарь состоятельных людей. /218а/ Сверх этого на каждого из них наложили [штраф] от ста тысяч тенег до одного миллиона рублей. А кто отказывался платить, тех арестовывали и сажали [в тюрьму]. Некоторых неповинующихся расстреливали и убивали. Остальных тамошних людей, в возрасте от двадцати до сорокапяти лет, призвали в армию, по списку сажали их в вагоны поездов и увозили в сторону Чарджуя и выставляли против прибывших в Мерв англичан и туркмен текке, и эти беспомощные и угнетенные люди погибали от пуль и снарядов.

Состоятельные жители Ташкента и Самарканда бросали своих жен и детей и бежали. Они с большими трудностями через пустыню прибывали в благородную Бухару и находили приют. Большевики-богоотступники, далекие от справедливости, из нескольких медресе [255] Ташкента прогнали студентов и открыли школы для мусульманских жен и девушек. Во многих больших дворах, которые насильно отбирали у богатых людей, в каждом квартале или улице, также были открыты женские школы и с женщин сняты покрывала, чем был причинен тягостный ущерб чести мусульман.

О боже! Да спасет всевышний господь всех добродетельных людей, покойных мусульман от зла подлых, вредных, безбожных из-за уважения шарията Мухаммада, да помилует его Аллах и приветствует, да сопутствует мусульманам успех и искреннее покаяние. [О Аллах!], по своей всеобщей милости и благосклонности своей избавь нас от этих злых грешников! Аминь!

В настоящее время в Ташкенте один кадак чая бумажными деньгами большевиков стоит четыреста рублей; один алчин ситца дошел до пятидесяти рублей теми же [деньгами]. Столь же дороги и другие продукты.

В Ферганской стороне вот уже сколько времени в силу своей смелости и мужества Иргаш-бек Коканди и Мухаммад Аминбек 379 Маргилани /218б/ собирают вокруг себя людей и на каждом шагу выявляют и убивают джадидов и большевиков, солдат, у подлых большевиков серьезные беспорядки. Тамошние большевики, в свою очередь, у населения захваченных ими вилайатов Ферганской долины отобрали имущество, сожгли близлежащие селения

Наманганского вилайата и уничтожили дома и домашнюю утварь жителей тех мест.

В начале месяца ша'бан 1337 г. х. [май 1919 г] его величество господин [Сайид-эмир Алимхан], тень Аллаха [на земле], меня, пишущего эти строки, отправил в расподобный город Самарканд, чтобы добиться получения у большевиков хаккобе 380 благородной Бухары. Я вместе с Мирза Ходжа туксабой, человеком [Усман-бека кошбеги], Хаджи Хабибуллою караул-беги, [256] аминов, и двенадцатью человек своих людей сели на поезд и приехали в Самарканд. Мы остановились в номере [гостиницы] Лондон, где оставались десять дней. Несмотря на то, что сами лишённые доверия большевики телеграфировали нам и пригласили [в Самарканд по вопросу хаккабе], на нас никто не обращал внимания. После многократных наших посещений руководитель [самаркандских] большевиков Смирнов, который был ещё несмышлённым юношей, прислал человека с приглашением. Я вместе со своими товарищами пришел в назначенное время. На беседе этого неверующего присутствовали около девяноста человек из Самаркандского [городского] комитета большевиков и неблагочестивых джадидов. Каждый сидел, неприязненно опоясавшись поясом вражды. Мы зашли на их нечистую беседу. Ни у кого из них не проявилось признаков ни человечности, ни уважения, ни внимания. Ничего не замечая, /219а/ мы сели рядом с ними. Упомянутый Смирнов с двумя-тремя нечестными [большевиками] сидел на почетном кресле на сцене того здания и нас спросил: «Для чего вы приехали?».

На эти слова я рассмеялся. Тот спросил причину моего смеха. Я ответил: «Меня заставил смеяться твой вопрос, потому что вы сами три раза телеграфировали его величеству и просили отправить кого-нибудь из влиятельных слуг высокого правительства для разрешения вопроса о воде для Бухары. Я прибыл согласно милостивому приказу его величества. Прежде мы с уважением относились к христианскому правительству. Так, по дружбе, навстречу гостю посылали людей с большим почетом и устраивали в каком-либо определенном месте. И после всего этого приступали к дружеской беседе относительно имеющихся вопросов. Ныне, при вашей власти, всякое отношение рассматривается наоборот. Ты [257] сам сидишь высоко, а меня посадил рядом со служащими и спрашиваешь: «Зачем ты приехал?» На эти мои слова встал со своего места один из джадидов, поднялся по ступенькам на [сцену] и обратился ко мне: «Вы сидящих здесь уважаемых людей называете мужиками, а на самом деле такой-то брат командует десятью тысячами [солдат], такой-то брат руководит двадцатитысячной армией и т. д. ; он указал командующих пятью-десятью тысячами человек.

Я вышел из терпения и ответил: «Я знаю руководителя этого собрания. А ты над сколькими людьми начальник?» «Эти /219б/ все были в моем подчинении. Я повелеваю одним миллионом человек». Я сказал: «Очень хорошо! Я узнал руководителя этого общества. Но я приехал не для того, чтобы считать твоих людей. Я прибыл с заданием. Если ты намерен отвечать за [Смирнова], то здесь рядом со Смирновым и ответь. В противном случае, сядь на свое место. Тогда и я объясню свои цели». После этих моих слов он сошел с [трибуны] и занял свое место и намекнул, чтобы все джадиды высказались. По милости и великодушию Аллаха, никто из сидящих не осмелился высказаться и они съезжились. Комиссар Зариф, который был членом их общества, стал нашим переводчиком. Раньше он служил переводчиком у Чарджуйского правителя.

Короче говоря, всякий раз, когда я говорил, Смирнов задавал вопросы стоя. Он заметил: «Я задаю вопросы стоя, а вы отвечаете сидя». Я ответил: «С того места, где сидишь, тебе можно говорить стоя. А с места, где я сижу, приходится отвечать на твои вопросы лежа». Тот в ответ ничего не смог сказать. Словом, в течение четырех часов он предъявил нам восемь-девять претензий, не касающихся вопроса о воде, на которые услышал необычные решительные ответы. Не сумев достичь [258] желаемую своими бессмысленными вопросами, он под конец сказал: «Сегодня уже поздно. Завтра соберемся в четыре часа после обеда и будем решать проблему воды». /220а/ Мы вернулись туда, где остановились.

На следующий день мы опять явились в условленное время. Общество развратников было в сборе. Они опять стали продолжать прошлые разговоры. Я сказал: «По договоренности сегодня решается вопрос о воде. Мне не до прочих вопросов. Прежде Бухара пользовалась сорока процентами воды Зарафшана. Русские пришли, завладели Самаркандом, и долю воды благородной Бухары сократили до одной трети. В жаркие дни [месяца] саратана и ко времени посевов пшеницы в [месяце] мизоне 381 вода уменьшается наполовину. Ныне мы требуем свою долю воды». [Смирнов[ответил: «Если предъявленные нами вчера требования будут приняты, мы дадим вам воду. В противном случае — не дадим вам воды». Я сказал: «Сейчас я не прошу от тебя воды. Мы по праву получали долю воды Зарафшана. Ты и не в силах удержать все прибавляющуюся воду [Зарафшана]. Эти наши разговоры касаются лишь совместного использования воды и дружбы. Воду нам дает всевышний господь бог». Он ответил: «Сейчас воды мало. Если прибавится, то дадим. Завтра мы вас отпустим, поезжайте в Бухару». Так он и отпустил нас.

Мы вернулись на место ночевки. По щедрости милостивого господя и помощи всемогущего, тот день одарил [нас] дождем. Целые сутки шел дождь. Улицы Самарканда переполнились водой. Нам сообщили, что река Зарафшан течет полной, ее вода /220б/ пошла и в сторону благородной Бухары. Этим [Аллах] избавил нас от пререканий с большевиками. Произнеся слова благодарности [богу], мы на следующий день, в четверг, вместе с друзьями сели на четырехколесную арбу-фаэтон, [259] съездили и совершили поклонение [гробнице] его светлости Кусамы ибн Аббаса, да будет им доволен Аллах, которую называют Шахи Зинда и просили помощи руки его светлости Шаха его величеству; исполнили обряд чтения Корана ради расцвета ислама и получили благословение тамошних шейхов. Затем посетили [гробницу] его светлости эмира Тимура Сахибкирана, да осветит [Аллах] его могилу, и вернулись к месту своей остановки и стали готовиться к выезду в Бухару.

Тут большевики, следуя словам джадидов-немусульман, придерживаясь своего неприличного поведения, отправили в дом, где мы ночевали, двух комиссаров и четырех солдат и намеревались нас схватить. Все мои друзья испугавшись, стали беспокоиться. Я, сохранив хладнокровие, обратился к Мирзе Ходже туксабе и инженеру 382. «Идите, встретьтесь со Смирновым и поговорите с ним как следует и заодно принесите билеты на поезд». Из-за всего этого мы возились до позднего вечера. Они несколько раз заходили в вагоны поезда и обыскивали наши вещи. Благодаря милости Аллаха, избавившись от них, мы приехали в благородную Бухару и благословили его величество.

В начале месяца шаъбан 1337 г. х. [нач. мая 1919 г.] от Кабульского падишаха Амануллы-хана в благородную Бухару прибыл в качестве посла генерал Мухаммад Вали-хан 383 в сопровождении /221а/ кази-аскара 384

Кабула Муллы Сайфуррахмана и ста тридцати афганцев. Его величество господин эмир Бухары для его встречи определил несколько человек слуг высокого двора и солдат. [Посланцев] с большими почестями устроили в царском чарбаге и угостили. Через несколько дней [его величество] устроил утренний прием и принял посла, оказывая ему большое внимание. Упомянутый посол передал дружественные намерения Афганистана и просил, [260] чтобы его консул находился в благородной Бухаре, что было удостоено принятия. Был один подходящий слуга, молодой афганец Мирза Абдашшукур. Его и определил консулом. К этому времени наступил благословенный месяц рамазан. Упомянутый посол генерал Мухаммад Вали-хан сказал его величеству: «Мы поедем в Ташкент и согласно приказу эмира Афганистана определим и там консула. Пробыв там несрсолько дней, мы оттуда отправимся в город Москву и дальше переедем в Европу и доберемся до Америки».

Его величество господин эмир, чрезмерно обласкав упомянутого посла [Мухаммада Вали-хана], кази-аскара и всех афганцев, от малого до старшего, подарил им наборы драгоценной верхней одежды Генералу [Мухаммаду Вали-хану] выдали в виде награждения сто тысяч тенег, казиаскару – семьдесят тысяч тенег, и прочим их людям – от десяти тысяч до пятидесяти тысяч тенег, и всех отпустили.

Третьего рамазана [2 июня 1919 г.] упомянутый генерал, оставив при себе девятнадцать человек из своих спутников, остальных людей отпустил в Кабул. Затем он отправился в Ташкент. Тогда, в тот же день, его величество, оказав милость /221б/ послал меня [в Ташкент] для переговоров относительно воды для Бухары и хлопка бухарских купцов, попавшего в руки большевиков в Кагане.

Я вместе со своим старшим писцом Мирза Мухаммад Шарифом и двенадцатью служителями в упомянутый день прибыли на станцию Каган. Вместе с послом Афганистана, упомянутым генералом [Мухаммад Вали-ханом] и кази-аскаром Кабула мы сели в поезд и выехали в Ташкент. На станциях Каттакурган, Самарканд и Ташкент большевики устраивали радостные встречи в связи с прибытием афганского посла и оказывали ему почести. Они их поместили в одном из красивых зданий Ташкента и оказывали гостеприимство. [261]

Вместе со своими спутниками я устроился в здании, где жил государственный консул благородной Бухары Мир Баба туксаба. Большое здание русских имело многочисленные комнаты и было красиво отделано.

Оно считалось одним из лучших зданий Ташкента. В особенности, напротив его был чарбаг – царская колония 385, где были удивительные /достопримечательности. Каждый, кто осматривал его, оставался довольным.

Через два дня я посетил руководителя большевиков Ташкента. Встретившись с ним, я разъяснил ему водную проблему и вопросы, связанные с хлопком [бухарских] купцов. Он сказал: «Масштаб наших переговоров с вами значителен. Я назначу комиссию; она прибудет на место вашего пребывания и будет вести переговоры о взаимоотношениях между нашими [государствами]». Я вернулся к себе. /222а/ От каждого хукумата ко мне прибыли двенадцать человек. С ними был Печатников 386, находящийся в качестве посла в Кагане. Он посредничал в переговорах. Они сказали: «Нам необходимо решить пятнадцать неразрешенных вопросов, возникших в течение двух лет между нами и государством Бухары. Ежедневно мы будем приходить сюда и с десяти [утра]

до двух часов дня совещаться». Я ответил: «У меня есть более важный вопрос, чем ваши требования. Установленная хаккабе Бухары от реки Зарафшан не стала поступать, как прежде, из-за самаркандских джадидов.

Необходимо, чтобы вы направили [необходимую хаккабу] в Бухару. Только после этого вы предъявите все ваши требования, и [тогда] они будут разрешены. Потому что жаждущий человек не в силах ответить на вопросы. Они ответили: «Сначала мы должны заключить переговоры по прежним вопросам, затем будем разбирать вопрос о воде». На это я сказал: «Если прежде вода [262] не поступит в благородную Бухару, у нас не останется надобности вести переговоры». С этим мнением все согласились. Подписав [документ], определили обычную [долю] хаккабе благородной Бухары, о чем передали по телефону [его величеству] и открыли [воду]. Обсудили вопрос и о хлопке, имеющемся на заводе станции Каган. Он был возвращен его владельцам, а остальная часть [хлопка], у которой не оказалось хозяев, была перевезена в столицу его величества. На следующий день, согласно установленному порядку, упомянутая комиссия собралась и /222б/ предъявила требование из пятнадцати пунктов. Я им ответил: «Я прибыл сюда в качестве уполномоченного его величества, чтобы разрешить вопросы о воде и хлопке на заводе в [Каган]. Остальные ваши вопросы я без позволения его величества разрешить не в праве. Относительно этого я сообщу высочайшему дворцу. После того, как поступит высочайшее позволение, я отвечу на эти вопросы». Все они одобрили мои слова и разошлись. По этому делу я отправил в благородную Бухару Юсуфбая туксабу и просил поддержку от всевышнего господ бога. Ответа долго не было. Ожидался и отрицательный ответ.

Слава Аллаху! По милости всевышнего Аллаха, у большевиков произошло расстройство. Красные потерпели серьезное поражение. В стороне Чарджуя туркмены вилайата Керки разбили вышедшие из Керки пароходы большевиков, убили и ранили большинство из них. Так, злонамерения комиссии большевиков рухнули. Произнося бесконечную благодарность [всевышнему Аллаху], я спокойно и, как подобает, провел в городе Ташкенте благословенный рамазан. Явившись в Ташкент к [гробнице] Имама Мухаммада Абу Бакра Каффала, да благословит его Аллах, мы вместе со своими друзьями читали праздничную молитву. К месту [263] празднеств пришло очень много народа; устраивали увеселения. [Некоторые], обращая ко мне, благословляли меня. /223а/ В тот день благословенный праздник Курбан и город будто превратился в город мусульман. Много женщин взошли на крышу, любовались нами и смотрели на меня и моих друзей, на пышные одежды. Они плакали от радости и молились за нас.

После праздника Рамазана мы ожидали высочайший указ его величества. Срок пребывания посланников Афганистана генерала Мухаммада Вали-хана и кази-аскара Сайфуррахмана с их восемнадцатью сопровождающими, любезно принятых в течение нескольких дней в Ташкенте, [истек]. Они учредили здесь консульство. В пятничные дни они посещали город Ташкент и в соборной мечети выступали с речами перед публикой. Они рассказали о притеснениях и гнете англичан и просили большевиков поддержать их.

Двадцать второго рамазана они выехали в Москву и намеревались оттуда переехать в европейские страны и в Америку. После того, как они выехали, некоторые из прежних русских чиновников недоумевали, так как дорога была закрыта и проехать в Москву не было возможности. Зная это, большевики, сбив с толку бедных послов, выпроводили их в Москву. Но разве после их

возвращения по той же дороге, по которой они выехали, [большевикам] не будет стыдно?

В самом деле, упомянутые посланники на тринадцатый день после их отъезда, не найдя пути, возвратились /223б/ и в четверг прибыли в Ташкент. Мы тоже в тот же день получили от его величества телеграмму [с повелением] вернуться в Бухару.

В стороне Казалинска большевики потерпели поражение и ежедневно привозили множество раненных. [264] Из-за отсутствия лекарств в аптеках раненные умирали.

Ташкент, который являлся одним из лучших городов Туркестана на протяжении пятидесяти лет, был его центром. Здесь находились войска и губернатор российского государства. За эти годы упомянутый город постепенно благоустроивался. [В нем] имелось около пятисот магазинов и тысячи лавок, в каждом из которых продавалось товаров [стоимостью] от одного до ста миллионов рублей. Внутренняя часть города тоже благоустроилась, там каждый занимался своим ремеслом и никто не мешал друг другу.

Ташкенту даже давали предпочтение перед Москвой. После того, как правительственная власть перешла в руки большевистской партии, всеми богатствами, магазинами и лавками завладели большевики. Они убили множество владельцев и отобрали у них имущество. Не осталось ни одного торгующего магазина. В полных магазинах и лавках не осталось ни соломинки. И в городе Ташкенте не стало открытых лавок и постоянно занимающихся каким-нибудь ремеслом людей. /224а/ Были отображены дворы, имущество, поля, чарбаги зажиточных людей, а сами они взяты под арест. Многих из них заставили выполнять тяжелые работы по найму. Всех несчастных бедняков загнали в большие дворы и поставили на работы в качестве сапожников и портных в пользу войска большевиков. Каждому выдавали [зарплату] по шестьсот пятьдесят рублей бумажными деньгами большевиков, которые соответствует сто двадцати пяти рублям прежних русских бумажных денег. Их не хватало на существование, и люди с трудом сводили концы с концами. Все продукты питания [большевики] захватили в свои руки и ежедневно выдавали каждому от четверти до полкадака хлеба. [Тогда] кадак мяса [265] стоил восемнадцать рублей, а кадак масла-тридцать рублей. Остальные продукты, овощи и фрукты, также были дороги, [подобно] упомянутым. Всякий семейный человек оказался в трудных условиях.

Короче говоря, в четверг пятого шавваля 1337 г. х. [4 июля 1919 г.] нам разрешили выехать в Бухару. В тот же день расстроенные большевики, разыскивая в каждом уголке, арестовали около трехсот человек [бывших чиновников], поднявших мятеж, и всех их расстреляли.

В тот день, не сумев найти дорогу в Москву, посланник Афганистана генерал Мухаммад Вали-хан со своими сотрудниками прибыл в Ташкент. Я вместе со /224б/ своими друзьями на следующий день, в субботу седьмого шавваля, собиравшись покинуть Ташкент. Руководитель [ташкентских] большевиков в знак уважения к высочайшему двору прислал за нами три автомобиля и выделил нам вагон «Прибой». Мы благополучно сели на поезд и на следующий день, в понедельник, достигли станции Каган.

Отсюда мы явились к стремени его августейшего величества, в чарбаг Ситар-и Махаса и удостоились чести увидеть высочайшую благословенную особу. Из личной беседы [с ним] мы извлекли большую пользу и остались совершенно довольны и помолились [за него].

Слава богу! Благодаря милости Аллаха, на следующий день в пятницу его величество подарил мне три парчевых, бархатный и атласный халаты, кусок кисеи и вручил указ [на право взимания] заката саваим 387. Сыну моему Мухаммад-кул туксабе, [он пожаловал] пояс и кошелек золота, Азимкул-беку мирахуру, сыну моему, вручил памятную золотую грамоту воина, Мирзе Мухаммад Шариф-бек туксабе, старшему мирзе моему – военный орден второй степени, начальнику караула моего дивана Назрулла-караул беги – золотой орден [266] третьей степени, семерым слугам моим пожаловал золотые и серебряные [медали] с памятными грамотами, чем и они были возвеличены. Всем этим слуги богомольцы были очень довольны. Произнося молитвы, я приехал в город и застал своих детей здоровыми, за что принес бесконечную благодарность [Аллаху]. В упомянутый праздник Рамазан его величество всем слугам и предводителям пожаловали большие комплекты верхней одежды. /225a/ В их числе, Сайид-бек бию, правителю Китабского [вилаята] и Мирзе Махди-ходжа бию, уполномоченному [по делам] [станции Каган, эмир пожаловал высокочтимые звание дадхо, а Ибрагим туксабе, предводителю особого Терского отряда, Алим-беку туксабе, сыну вазарат-панаха, Усман-бек бия диванбеги и Ахмад-беку туксабе, шигаулу – чины бия.

В начале [месяца] зулькаъда 1337 г. х. [07. 1919 г.] умер правитель Байсуна прибежище власти Туракул-бек-бий-инак. В четверг, пятого зулькаъда [тело] привезли [в Бухару] и похоронили в его гробнице.

В тот же день его величество, повелитель всех правоверных, всем нукерам, явившимся из крепостей, и [всем чинам] до караулбеги пожаловали ордена, золотые и серебряные, с соответствующими грамотами. Каждому, согласно его степени, подарили от 400 до 1200 тенег для личных надобностей и отпустили. Они остались довольными и возвеличенными и разъехались по своим вилайатам. В те дни его величество эмир двести солдат из личных слуг возвел в чины караул-беги, джибачи, мирза-баши и чухра-агаси, и подарили всем им превосходные комплекты верхней почетной одежды и деньги на личные расходы.

В понедельник, пятнадцатого зулькаъда того же года /225b/ его величество, проявляя милость и [267] великодушие, согласно установленному порядку, раздавал комплекты простой верхней одежды и танабана. Все лемы, муфти, мударрисы, шейхи, молельщики, гвардейские офицеры от низких до высоких чинов собрались в высочайшем Арке и удостоились чести получить соответствующие комплекты верхней одежды и танабана, чем и были обласканы и за что благословляли [его величество]. В тот же день муфтий Мулла Мухаммад Юсуф судур, преподаватель медресе Ходжа-Даулат отдал душу богу. На его место был возведен муфтий Мулла Шафкатулла-ходжа судур.

В течение двух месяцев он преподавал в упомянутом медресе в качестве мударриса, затем заболел и пятнадцатого числа священного месяца мухаррама 1338 г. х [10. 10. 1919 г.] отдал душу богу и, покинув этот бренный мир, поселился в вечной обители. Так скончались упомянутые два муфтия. Среди бухарских улемов имелись ведущие ученые, преподававшие учащимся в медресе. В связи со смертью [двух] столпов религии они растерялись, а студенты были поражены. На место упомянутого муфтия удостоился чести быть назначенным

муфтий медресе Мадар-и хан Мулла Инайатулла урак, а на место последнего муфтием стал Ариф-ходжа судур, сын Бака-ходжи шайхулислама. Нух-ходжа мударрис Саййид-атайи стал муфтием медресе Искандар-хан.

В упомянутом году Хаджа-Мулла Нийматулла урак сделался казием в Кермине, Мулла Идрис-ходжа урак Раджи 388 – в Янги-Кургане, Мулла Мухаммад [он же] Ходжа урак – в Ширабаде, Мулла Идрис-ходжа второй – в Чимкарабаге, все они выехали [в места своего назначения. /225а/ 15 зулькаъда 1337 г. х. [12 августа 1919 г.] в те приносящие радость дни, когда его величество господин повелитель всех правоверных Саййид-эмир Мухаммад Алим Бахадур-хан Газий наслаждался [268] покоем на троне могущественного миродержателя в чарбаге Ситара-и Махаса, я, пишуший [эти строки], низайший богомолец, решил отпраздновать торжество сына слуги высокого дворца, света очей, своего одиннадцатилетнего сына Килич-бека и довел о том до высочайшего слуха. Я был удостоен чести быть принятым. Явившись к высочайшему, приводящему к цели порогу с конем и подношением, после трехдневного пребывания у достопочтенного стремени высочайшего государя и обстоятельного доклада о своих желаниях я получил высочайшее благословение.

В связи с этим я три дня давал обеды и сладости около пятнадцати тысячам людей: предводителям, сановникам, махрамам, малым и старшим слугам, воинам при высочайшем стремени и всем мастерам различных ремесел. В честь его величества, убежища халифского достоинства, счастливого государя я всем вышеупомянутым доставил удовольствие и радость, за что получил бесконечные благословения в адрес его величества.

В понедельник двадцать восьмого [зулькаъда] [25. 07. 1919 г.] я с молитвой подверг к высочайшим благословенным стопам свой рабский дар, назвать который крайне стыдно: один особый сверток, содержащий в себе золототканную одежду с чалмой и шапкой и вышитые золотом ичиги; один специальный сверток материи для царских халатов, двадцать свертков платьев из простого ситца, бархата, фаранги, атласа и русского шелка; тридцать один сверток платяного трико, сатина, афганской бязи и большой иракский занавес; /226а/ один ларчик, украшенный мозаикой, с пятьюстами бухарских тенег, два золотых украшения, с алмазами и жемчугами; несколько штук женских украшений с алмазами и жемчугами; сто тридцать тысяч рублей русских, пять коней с драгоценными уборами золототканными; попону [украшенную] жемчугами, два куска [269] золототканной материи, сорок пятизарядных и заряжающихся с дула винтовок, двести штук одежды из материи фаранги оловянного [цвета] и из шелка адрас и двести [штук] марли.

Его величество мой господин, повелитель всех правоверных, этого слуги, с головы до ног полного грехов и недостатков, несмотря на отсутствие способностей у [меня], благожелателя высочайшего дворца, в память о почтенном отце моем и покойном деде, этого наследственного благословителя возвел на высокочтимую должность диванбеги и [вручил о том] благословенный указ. Кроме того, он подарил мне золототканную чалму, шапку золототканную, золототканную благословенную одежду и одежду из золототканной фаранги, одежду из бархата и благословенные ичиги, шитые золотом.

Свет моих очей, Азим-кул-бек мирахура он возвел в чин туксабы, Рахим-кул бека караулбеги – в чин мирахура, Саййида Накшбанд ходжу, зятя моего – в должность урака, Мир Мухаммад-бека мирахура, [другого] моего зятя – в чин

туксабы и около ста двадцати человек из людей и приверженцев моих возвысил в чины мирахура, караул-беги, мирзабаши, чухра-акаси. Света моих очей Мухаммада-кул-бека туксабу [эмир] награбил золотым орденом второй степени, Мирза Мухаммада Шарифа туксабу, моему мирзе, подарил /227а/ кошелек золота и золотой пояс. Баба-беку туксабе – [тоже] кошелек золота и пояс. Из подчиненных мне людей и видных купцов сорок человек [его величество] награбил золотыми и серебряными орденами третьей [степени]. Так он всех порадовал и удостоил отличием и получил бесконечные благословения.

Поступило милостивое [распоряжение] его величества: «Торжество [по случаю обрезания] моих сыновей рядовых предводителей и офицеров проводить в [270] городе». Нижний двор является и двором государственной канцелярии. Я, бедный, произнося молитву, прибыл в город и приготовил той. Всем слугам, благожелателям, начиная от кази-калана, раиса, ахунда, аьламов, саркарда, муфтиев, [вплоть до] мударрисов, одетых в халаты из банараса, всем бухарским купцам, иногородцам, знакомым и незнакомым [жильцам] далеких и близких кварталов, всем людям кошбеги и [служителям] кази-хану и раис-хану я доставил радость, за что получил бесконечные благословения его величества.

Да не останется скрытым, что в день празднества его величество, господин мой, проявлял милость и благосклонность к своему слуге сверх его положения, сыну слуги [высочайшего двора] правителя Сары Асия, Хамиду-кули-бек туксабе отправил особо одну саблю с позолоченным [эфесом], кошелек золота и позолоченный пояс. Упомянутый правитель услышал о празднестве своего отца и возымел надежду на него. Все эти /227б/ высочайшие ласки к слуге были сверх оказанных до сего времени милостей, чем я остался доволен и без конца благодарил [Аллаха], молясь. Я же получил больше благословения. Пока буду жив, я буду не в силах отблагодарить за всю эту высочайшую любезность.

О всемогущий Аллах! Дай исполнение всем целям и желаниям его величества! Береги его от несчастий в жизни. Да будет спокойна во всех отношениях благословенная высочайшая душа [его величества] от внешних [посягательств]. Аминь!

В начале [месяца[зульхиджа 1337 г. х. [08. 1919 г.] его величество выехал из высочайшего чарбага Ситара-и Махаса и соизволил прибыть в Гала-Асия, где провел две ночи вместе со слугами, стремянными и личными воинскими отрядами, кавказским, тюркским и арабским. Сын мой, Мухаммад-кул бек туксаба, совместно [271] с моими людьми устроили здесь им угощение. Его величество, оставшись довольным, милостиво [подарил] туксабе одежду из камки, одежду из китабского шелка, чалму и кусок [матери]. Осуществив там свою эмирскую [волю], он выехал оттуда и прибыл в Гиждуванский туман и читал здесь намаз [по случаю] праздника Курбан. Он там устроил торжество по случаю обрезания сына здешнего амлакдара Мирзы Мухтар-бия /228а/. Во время торжества [эмир] возвысил казначея Имамкул-бек бия дадхо, удайчи Барата-бек-бия на должность инак-и калана, а удайчи Ходжи-кул-бек бия, Керминского правителя Яукачти-бия и амлакдара Мирзу Мухтар-бия возвысил в должность дадхо. Оттуда [его величество] выехал с большим почетом и уважением и остановился в чарбаге Гала-Асия. Здесь он отдохнул и после обеда переехал в чарбаг Ситара-и Махаса.

Да не останется скрытым, что после военного столкновения с большевиками-христианами его величество для увеличения численности регулярных войск вытребовал имеющиеся воинские силы в богохранимых вилайатах. Население каждого вилайата по доброй воле и согласию представили от двухсот до пятисот [воинов] с лошадьми и вооружением, а правители отдельных вилайатов собрали их и стали направлять в высочайшую столицу.

При этой мобилизации поступил высочайший указ, чтобы еврейское население Бухары, Шахрисабза, Хатырчи выставило пятьсот человек воинов. Так как боязливость евреев от природы общеизвестна, то они стали изо всех сил умолять, чтобы им разрешили вместо воинов предоставить деньги. /228б/ По соглашению и желанию [евреи] собрали один миллион восемьсот тысяч рублей русскими деньгами, принесли и вручили бухарскому главному казию, который [в свою очередь] сдал их высочайшему дворцу. [272] Двадцать второго числа месяца мухаррама упомянутого года прибежище власти Гази-бек бия, сына Абдул-Ала бия парваначи, назначили правителем вилайата Байсуя. В субботу, первого числа месяца сафара того же года Тура-ходжа мир-и асад покинул этот бранный мир и отправился в вечную обитель. Заупокойную молитву о нем мы с большим обществом читали в [мечети] Бала-и хауз и похоронили [на кладбище] его святости Имама всех правоверных мусульман, исполнителя просьб. Четвертого раби-ал-аввала того же [08. 12. 1919] года умер Расул-кул-бек туксаба, младший брат упомянутого Гази-бек бия. На его место возвели [на должность] саркарда Курбан-бек туксабу, сына Шамс-бия.

В начале [месяца] раби II прибежище власти Хаджи Бурхан-бий мирахур-баши с позволения его величества в течение десяти дней провел торжество по случаю обрезания своих сыновей в чарбаге Ситара-и Махаса, где [давал обеды] всем слугам [высочайшего] стремени, всем военачальникам, муфтиям, мударрисам и купцам.

В четверг десятого раби II его величество подарил казначею, прибежищу власти Иمامу-кул-бек бий инаку кусок ткани на чалму, золототканную одежду, одежду из чистого бархата, одежду из атласа /229а/, позолоченный кошелек, прибежищу власти [Ходжи Бурхан-бий] мирахур-баши комплект верхней одежды, почетный кошелек, саблю с позолоченным эфесом, военачальника Мухаммада Таки туксабу, сына Джан-мирзы кошбеги, военачальника Абдассамад-бек-туксабу, сына Мухаммад Мурад-бия диванбеги, военачальника Мухаммада Айюб туксабу, младшего брата Муллы Шараф-бия дадхо [эмир] возвел в чин и пожаловал каждому большие комплекты сарпо. Кроме того, несколько человек из слуг казначея и мирахур-баши возвел в чины [273] туксаба, мирахура, караул-беги, вплоть до [чинов] джибачи, мирзабаши и чухра-акаси.

Четвертого раби II упомянутого года умер прибежище власти Давран-бек бий, правитель вилайата Кабадиан. Тело его перевезли [в Бухару] и похоронили [на кладбище] его святейшества Имла:

1338 г. х. К числу удивительных и необычайных событий, полных тревог и страхов, относится шестилетняя война, возникшая из-за злой судьбы христианских государств. Причиной всей этой вражды с самого начала 1332 г. х по 1338 г. х. являлась государство Германия. Вся пролитая кровь нескольких миллионов русских и европейских христиан смешались с черною землей. Миллионы жен остались вдовами, а их сыновья – сиротами /229б/. Они блуждали, лишившись своего дома и имущества.

В этой войне многие мелкие государства, как Сербия, Румыния, Черногория и Бельгия, бесследно исчезли. В особенности, в такой великой державе, как Россия, со ста восьмидесятью миллионами населения, не осталось ни следа от дома Романовых, государей Российского государства. Отдельные области России, оставшись без хозяина, оказались в руках различных групп населения и эти группы в районах выступили претендентами на власть. Мужики, которые были батраками, рабочими на заводах и фабриках, называя себя большевиками, завладели Москвой и Петербургом, захватили [все пространство] вплоть до Туркестана и учинили различного рода притеснения. Они сделались владетелями всего достояния и имущества подданных всех областей. Насильственным образом они, словно Гог и Магог, конфисковали дворы, земли, хлеба, товары и вещи, достояние всего населения, ничего людям не оставив. Население областей разбежалось в разные стороны и, лишившись всего, вело скитальческую жизнь. [274] Дороговизна дошла до крайней точки и заставила людей потерять надежду на жизнь. Они желали себе смерти, /230а/ но это им не удавалось никак. Состоятельные люди не пользовались таким уважением, как нищие. Я сам, пишущий эти строки, в месяце рамазана 1337 г. х. в году барана, приехав в Ташкент, все это видел своими глазами. Такой благоустроенный, расподобный город запустел и превратился словно в гнездо совы. В нем не было чистой воды, а на его базарах не было ни съестного, ни [материала], пригодного для одежды. Ларьки и все магазины были закрыты на замок или разрушены. Из-за гнета большевиков мусульмане и остальные христиане из старожилов производили куплю продажу в уголках и не смели поднять голову.

В месяце рабиъ I 1338 г. х. [декабрь 1919 г.] в благородной Бухаре дороговизна поднялась до того, что ман пшеницы стоил пятьдесят тенег, чарйак бараньего мяса – семьсот тенег, дунимсир сала курдючного – восемь тысяч тенег, дунимсир чистого масла – восемь тысяч тенег, нимча свечей – четырехста тенег, нимча мыла – триста тенег, один алчин бязи, ситца и сатина – по шестисот тенег, каждый, алчин обыкновенного ситца – от трехсот до четырехсот тенег, кусок калами и карбаса стоил от ста до тысячи пятисот тенег. Другие предметы также были [дороги]. Цена мана риса доходила до десяти тысяч тенег. В туманах и окрестностях Бухары [цены] превышали даже указанные выше, /230б/ от чего бедным семейным людям стало [жить] еще хуже и тягостно. Точно также в стороне Москвы и [в других] областях России дороговизна доходила до крайности. Там цена пуда муки поднялась до семидесяти тенег, пуд соли – до семисот тысяч тенег. Там люди от голода умирали по несколько тысяч в день.

К этому времени из Москвы, составив Комиссию 389, приехали в Ташкент несколько человек и положили конец беспорядкам [местных] большевиков. Взяв под [275] арест руководителей этих большевиков, они отправили их в Москву. Они разрешили [открытые] базары в Ташкенте, Самарканде и Коканде, ларьки, земли и дворы мусульман, насильственно отобранные большевиками вернули владельцам; и населению вышеупомянутых вилайатов предоставили спокойную [жизнь].

15 рабиъ II того же года [01. 01. 1920 г.] [Турккомиссия] посетила благородную Бухару. Его величество, проявляя милосердие всем им, которых было около двадцати-тридцати человек, дал [в подарок] по комплекту почетной верхней одежды, золотые и серебряные ордена, чем всех их порадовал.

В это время из Афганистана прибыл [в Бухару] послом один полковник в сопровождении ста афганцев. Его величество, господин повелитель всех правоверных, встретил их, устроил для них банкет. Всем он подарил по комплекту верхней одежды, золотые и серебряные ордена, чем и порадовал всех. Для сопровождения [афганских посланников] назначили Ахмад-бек бия шигаулаи Хаджи Бурхан-бия мирахур-баши. Всем [членам афганского посольства] было определено царское жалованье.

Бухара еще с год независимо существовала по-своему, и наконец, в 1338 г. х. произошла в Бухаре революция и эмир Алим-хан бежал в Афганистан. На его место утвердилось советское правительство.

Лучше всех знает Аллах и только к нему обращаются.

пер. Н. К. Норкулова)

Текст воспроизведен по изданию: Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата). Ташкент. Akademiya. 2009